

Об истории деревни Усолье

Б.В.Уваров

Жизнь распорядилась так, что в наших краях (да и не только в наших) деревня в её первозданном виде практически уже исчезла. Те немногие деревни, что ещё существуют, влачат жалкое существование, быстро деградируя. Население этих деревень в основном представляют доживающие свой век старики, ну да ещё дачники, приезжающие туда на отдых. Ничего полезного для деревни дачники не делают, а только захламляют и опошляют окрестности, уничтожая всё живое. Теперь среди потомков, разъехавшихся по всей стране, наблюдается некоторый интерес (довольно запоздалый) к жизни своих деревенских предков. В частности, собирают по архивам сведения о своих родословных, ищут в интернете сведения об истории деревень. В этом очерке я хочу кратко изложить свою точку зрения на историю моей деревни в основном по своим собственным воспоминаниям о жизни в ней. Заниматься поиском и изучением документов по архивам я не буду, мне это просто «не по силам», да, в общем-то, и не очень интересно.

Я родился в 1940 году в Усолье (в той её части, которая называется Заречье) и жил там до окончания школы-десятилетки в 1957 году. После этого проживал в Архангельске, но регулярно, практически каждый год, посещал родную деревню. Можно сказать, что я отношусь к тем, уже очень немногим, кто успел пожить в деревне когда ещё не было и речи о её ликвидации и когда ещё во многом сохранялись старинные, вековые традиции. Потом я имел возможность наблюдать постепенную деградацию, приведшую в последствии к полному умиранию деревни. Можно сказать, что это даже и не история, а всего лишь мои воспоминания о жизни в деревне. Однако, это было так давно, что всё, о чём я собираюсь здесь написать, уже стало историей.

Появление деревни

Если уж вести речь об истории деревни, то первый вопрос - это

время её образования. Точную дату установить, конечно, невозможно. Не подлежит сомнению только причина появления деревни – солёный источник. Во всех других отношениях место расположения Усолья не имеет никаких достоинств - это глухая тайга на маленькой лесной речке. В окрестностях нет удобных мест для пашни и сенокоса, нет поблизости озёр для рыбной ловли, кругом болота и тяжёлые глинистые почвы. Единственное достоинство - возможность охоты, да и то на одну только таёжную дичь. Поблизости есть ещё несколько таких же речек и ни на одной из них нет деревень, обычно люди селились только около больших рек или возле озёр.

В отношении даты появления деревни есть единственное достоверное свидетельство из архива Сийского монастыря, некоторое время владевшего землями по Двине, в котором упоминается, что уже в 1620 году на речке Усолке монастырь имел солеварню. Значит, по крайней мере, точно известно, что деревня появилась ранее 1620 года. Но насколько ранее? Соль на севере ценилась на вес золота и потому на всех, кстати на территории области очень немногих, источниках, были солеварни, а при них, естественно, и деревни. Наверное, новгородцы, пришедшие на север ещё в домонгольское время, первым делом искали источники соли, без которой невозможно было запастись рыбой и мясом впрок. Но как скоро они нашли наш источник? Да и сразу ли они организовали тут солеварение, учитывая, что источник этот имеет один очень неприятный недостаток, о котором я ещё буду говорить далее? До колонизации новгородцами на этой территории жили угро-финские племена, под общим названием чудь. Может быть они ещё и раньше пользовались источником? В деревне Усть-Морж, соседней с Усольем, найдена стоянка людей каменного века. Вообще-то трудно представить, как могли существовать люди каменного века в условиях нашего климата. Я уверен, что с каменными топорами и с деревянными копьями человеку не выжить в условиях нашей зимней тайги. Видимо, в то время климат здесь был совсем другим. Люди каменного века может быть тоже нуждались в соли и знали о нашем источнике? Вопросы эти не имеют ответа и можно только предполагать, что люди жили здесь ещё очень давно. В принципе-то предполагать можно что угодно и от этого не много толку. Впрочем, можно было бы провести раскопки на месте бывшей солеварни и тогда возможно удалось бы получить некоторые ответы. Но кого может заинтересовать наша маленькая, теперь уже и не

существующая деревня?

По-видимому, Сийский монастырь стал добывать на Усолке соль сразу после того, как земли по Двине до реки Ваги были переданы ему. Скорее всего соляной источник уже использовался и до этого. Я думаю, что дату появления деревни можно уверенно считать лет на 100 раньше даты в монастырском архиве. Тогда получается, что деревня появилась не позднее 1520 года, то-есть, теперь ей уже не менее 500 лет. Может быть, учитывая вышесказанное, намного больше.

Второй вопрос — кто были первые поселенцы в Усолье? Очевидно, что первое обжитое место это составная часть Усоля - деревня Заречье. Если представить, что человек, открывший источник, решил в этих местах поселиться, то место для постройки жилья он выбрал бы рядом с источником. Тогда самое удобное место то, где уже на моей памяти жила бабка Уварова Евдокия — вдова моего прадеда Андрея. Скорее всего род Уваровых всегда занимал эту усадьбу. И тогда возможно, что Уваровы первыми поселились здесь, или первыми заняли место тех, кто до этого тут жил. Кроме Уваровых в Заречье жили ещё представители рода Рудных и их род тоже может претендовать на роль первых поселенцев. Согласно архивной справке о родословной, упомянутые там первые предки как Уваровых, так и Рудных родились около 1680 года, и, значит, оба эти рода появились в деревне приблизительно в одно и то же время. Кстати, эта дата всего лишь на 60 лет позже той, что упомянута в документе Сийского монастыря. Впрочем, всё это только одни предположения. Вполне возможно, что более ранние метрические записи просто не были сделаны, или были утрачены и наши предки пришли в деревню раньше.

Кроме Уваровых и Рудных, занимавших Заречье, в Усолье ещё жили:

- В деревне Бухреки: Карельские, Поповы
- В деревне Крученово: Елсуковы
- В деревне Горка: Моревы, Шипицыны, Арефины, Петровы.
- В Деревне Кривец: Бушковы, Выручаевы
- В деревне Лёхово: Абрамовы.

Такие фамилии, как Попов, Петров, Уваров, Абрамов, широко распространены по всей территории России. Да и остальные усольские фамилии встречаются повсеместно; в этом легко убедиться, поискав

людей с такими фамилиями в интернете. Известно, что когда-то крестьяне не имели фамилий, их стали вводить только, когда начали проводить переписи населения. Обычно фамилию записывали по прозвищу, которым крестьяне пользовались, или по отчеству, в южных областях иногда даже по имени или по фамилии барина, или по названию помещичьего имения. Тот факт, что усола имеют широко распространённые фамилии, говорит о том, что люди, прибывающие в деревню, уже имели фамилии, а не получили их здесь на месте. Возможно также, что деревню основали аборигены Чудь задолго до прихода новгородцев, а позже им были присвоены славянские фамилии. Впрочем, фамилия Шипицыны явно происходит от слова шипечняк (шиповник), и это слово из языка чуди, поскольку на удмурдском шиповник называется шипича. Часто предполагают, что Карельские произошли от карел, или пришедших из Карелии, или живших в наших краях и ранее. Но фамилия Карельский также широко распространена. Например, у нас в институте был сотрудник с этой фамилией. Я поинтересовался у него — не из Усолья ли происходят его предки. Оказалось, что нет, его предки — из Смоленска. Поисковик в интернете на запрос о Карельском выдал мне сотни людей, проживающих в разных местах. Так что говорить о происхождении усольских Карельских от карел бессмысленно. Ясно, что когда-то в Усолье поселился человек с такой фамилией, но откуда он, где получил такую фамилию, и имеет ли она связь с национальностью карелы не представляет большого интереса, поскольку к Усолью это уже не имеет никакого отношения. Это ещё и потому очень вероятно, что Карельские появились в деревне значительно позже Уваровых, Рудных и Поповых, поскольку занимают они деревню Бухреки, образовавшуюся после Заречья.

Нет никаких достоверных данных о взаимоотношениях новгородских колонизаторов с местным населением. Иногда можно услышать какие-то смутные предания о том, что люди чудь жили под землёй, что при появлении чужих они прятались в лесах, сжигали себя заживо и так далее. Очевидно, что всё это глупые сказки. Ни в каких литературных источниках не найти сведений о военных столкновениях новгородцев с чудью, никогда я не слыхал об этом и в устных рассказах. В то же время всем известна жестокая борьба между новгородцами и суздальцами, стремившимися вытеснить друг

друга с территорий по Двине. Видимо, народ чудь был миролюбивым, а кроме того и малочисленным, и потому не способным организовать сопротивление чужакам. Серьёзные столкновения между колонизаторами и аборигенами могли быть только в том случае, если бы пришельцы приходили организованными группами, ватагами. Именно такими ватагами новгородцы первоначально осваивали берега Белого моря. Заниматься добычей морского зверя и морской рыбы можно только коллективно. Может быть тогда и были какие-то стычки с местным населением, при этом возле моря вероятнее жили лопари, а не чудь. Только после освоения приморских территорий русские стали продвигаться вверх по реке Северная Двина. Продвижение это происходило медленно, а первопроходцами скорее всего были торговцы, выменивающие у местного населения пушнину на свои товары. Иногда пришельцы оседали на новых местах, почти всегда просто поселялись в уже существующих деревнях народа чудь, брали в жёны местных, попутно продвигали свою культуру и язык. Потом к этому процессу подключилась церковь, местных людей крестили, а при этом ещё и присваивали им русские фамилии.

Как и карелы, люди чудь внешне мало отличались от славян, а потому они легко ассимилировались с пришельцами. Заселить всю огромную территорию севера новгородцы, конечно, не могли, для этого у них просто не хватило бы населения. Значит, аборигены никуда не исчезли, они только переняли язык и культуру русских, находясь на более высоком уровне, и по-прежнему образуют основную массу населения русского севера. Некоторые специалисты считают, и кажется это подтверждают генетические исследования, что большинство жителей Архангельской области представляют коренную народность чудь, потерявшую со временем свою идентичность. Лично я ничего не имею против таких предков, хотя, конечно, всегда считал себя славянином. Вполне возможно, что и нашу деревню новгородцы никогда не заселяли, а жила тут чудь с древних времён. Однажды приехали какие-то люди из Сийского монастыря, заставили аборигенов работать на соляном промысле, присвоили всем обычные славянские фамилии, приказали ходить в церковь, где поп стал их детям давать славянские имена, да ещё и записывая их в книгу. Существует мнение, что люди чудь были светловолосыми, светлоглазыми и белотелыми, то-есть, дебелими, как сказали бы прежде. Кожа у таких людей практически не загорает

на солнце, а только краснеет и быстро получает солнечные ожоги. Не знаю, правда ли, что вся чудь была такой, но дебелие люди здесь на севере и сейчас не редкость. Много их было и в Усолье, например, одна моя племянница как раз такая, дебелия. На Горке жила Ксенья Ивановна Арефина настолько дебелия, что у ней даже было прозвище Ксенья Белая. Белыми были у ней и все дети, кажется пятеро дочерей.

Жители Усожья для составных частей деревни всегда использовали названия Заречье, Бухреки, Горка, Лёхово и Кривец. Иногда ещё часть деревни называли Крученово, но так называть могли только жители соседних Заречья и Бухреков, а например, в Кривце скорее всего о деревне Крученово даже и не знали. Происхождение названия Заречье очевидно. Эта часть деревни, расположенная в непосредственной близости к солёному источнику, появилась первой, а от внешнего мира она отрезана речками Усолка, Лембовка и Шидровка. В весенне половодье туда вообще не попасть без лодки. Очевидно и название Горка, поскольку она располагается на крутом и несколько более высоком по сравнению с Заречьем берегу. Смысл остальных названий не поддаётся толкованию. Нет никакого сомнения, что все эти названия существовали изначально с момента образования деревень и имеют чудское происхождение. Народ всегда присваивает краткие, ёмкие и звучные названия и никогда их не меняет, кроме разве что при возникновении каких-то очень уж важных и исключительных причин. Однако, в документах (таких, как метрические книги и переписные листы) чаще применяются дублирующие названия: вместо Заречье - Дудоровская, вместо Бухреки - Лисогорская, вместо Горка - Танковская. И даже простые и ясные названия Лёхово и Кривец переименованы в Леховская и Кривецкая. Встречаются также названия Чуриловская, Чиркуновская, которые ни один житель деревни никогда даже и не слыхивал. Нет никакого сомнения, что эти «официальные» названия были введены посторонними людьми (из волости, или из уезда). Не ясно также зачем названия использовались в форме прилагательных? Может быть писари к названию всегда добавляли слово деревня: деревня Дудоровская, деревня Танковская, деревня Лёховская и так далее. Может быть таким был их «канцелярский стиль»? Во всей Архангельской губернии не найти ни одного населённого пункта, для которого народ использовал бы названия в форме прилагательных. Да я думаю, что и на всей Руси такая форма почти не встречается, кроме

разве что у казаков на Дону, где часто станицы названы в форме прилагательных, например, станица Вешенская. Очевидно, что кем-то, имеющим власть, было принято решение переименовать все деревни в нашей округе, да и по всей Северной Двине тоже, присвоив им однотипные названия. Можно предположить, что это было сделано по инициативе Петра Первого, который во время путешествия по реке мог обратить внимание на то, что названия всех мест чужеродные. Впрочем, в известных мне церковных документах 16 века уже все названия деревень русские. Создаётся впечатление, что церковники упорно искореняли родовые названия, присвоенные деревням, да и другим географическим объектам, угро-финами. В списке населённых пунктов нашего края за 1861 год названия почти всех деревень указаны в форме прилагательных и это доказывает, что названия были введены искусственно. Заставить народ пользоваться новыми названиями невозможно, но в документах раз написанное сразу становится нормой и потом изменить это можно опять только по приказу сверху. Когда просматриваешь в этом списке названия деревень в Шенкурском или Холмогорском уездах, то кажется, что попал в какую-то другую страну. Из всех деревень, только две-три имеют привычное для меня с детства название, все остальные названия совершенно незнакомы местным жителям и всегда использовались исключительно только в канцелярских и церковных документах.

Все перечисленные выше наши деревни в совокупности назывались Усолье. На Руси имеется много деревень и даже городов таким названием. Видимо, давно уже установилась мода всякое место, где добывали соль называть Усольем. Поэтому и нашу деревню называли так, не долго думая. Общее название Усолье также имеет официальный вариант Рязановская. Кстати, и другие деревни в нашей округе имеют двойные названия: вместо Морж в документах пишут Родионовская, вместо Плёсо - Власьевская, вместо Усть-Морж - Ивановская и так далее. Такие деревни, как Гора, Шастки, Репаново, Кальи, Целезеро тоже имеют двойные имена. Нет сомнения в том, что эти вторые имена ввели в употребление не сами жители деревень, невозможно придумать причину, по которой они стали бы это делать. Сами жители никогда этих чужеродных названий не использовали. Например, я никогда не слыхал название Родионовская вместо Морж, хотя проучился в Моржегорской школе три года. Я только уже в

школе узнал, что наше Заречье называют ещё и Дудоровской, а название Лисогорская и вообще увидел только когда получил из архива справку по родословной нашей семьи. Скорее всего и у деревни Заречье изначально было не русское название, но его по какой-то причине сменили сами жители, возможно они просто перевели его с языка аборигенов на русский. Хотя и редко, но такие случаи бывают.

Не знаю, используются ли родовые названия теперешними жителями деревень. Теперь там многое изменилось, появилось много посторонних людей, а деревни постепенно превращаются в дачные посёлки. Во всяком случае, в интернете, например при объявлении деревенского дома в продажу, как правило указываются официальные названия, а не те, какими мы пользовались в прошлом.

Пожалуй, здесь уместно будет изложить мою точку зрения на присвоение и использование названий в более широком контексте. Как-то так получается, что когда пытаются изучать историю каких-нибудь территорий, или родословные и тому подобные документы, то к названиям и именам, найденным в старых документах относятся трепетно, но всегда смотрят с пренебрежением на названия и имена, используемые народом в быту. На самом-то деле всё наоборот: названия, используемые народом как раз и являются исконными, коренными, данные изначально. Как правило, эти названия оригинальнее, красивее, более краткие и точные, чем те, что можно найти в документах. И однажды данное название никогда люди не меняют, потому что в этом нет никакого смысла. Но из этого правила есть, конечно, одно исключение — названия иногда изменяются, если происходит смена народности, заселяющей данную территорию. Так, у народа чудь, заселявшего ранее наш север, были, конечно, свои географические названия. Некоторые из них сохранились, другие были изменены пришедшими сюда славянами. Тот факт, что сохранилось так много названий от аборигенов ещё раз подтверждает, что всеобщей замены местного населения на славян никогда не было. Все названия рек с окончанием на слоге «га» являются коренными: Пинега, Вага, Ваеньга, Ваймуга, Мудьюга, Шеньга, Покшеньга, Мехреньга, Онега и так далее. Но главная река стала называться Северная Двина. Но ведь у неё было название, которым пользовалась чудь, и оно, разумеется, тоже имело окончание «га». Если бы это название узнать, я бы стал намеренно применять его всюду, где только

возможно, вместо чужеродного «Северная Двина». К сожалению, старое название забыто и тут уж ничего не поделаешь.

Это же относится и к названиям наших деревень. Все эти Дудоровские, Танковские, Чуриловские, Рязановские придуманы посторонними людьми, светскими из волости или уезда, или церковными, в частности, из Сийского монастыря. К счастью, в данном случае народ сохранил и исконные названия. Некоторые из них славянские, а такие, как Бухреки, Лембовка, Лёхово были придуманы ещё людьми загадочного племени чудь. Кстати, наша речка теперь называется Усолка, что произведено, конечно, от названия деревни. Но ведь и она имела своё родное название, и оно наверняка тоже оканчивалось на «га». Возможно, что речки Лембовка и Шидровка когда-то назывались Лембога и Шидрога. Очевидно, что слово «га» означало «река». (Между прочим, слово Волга тоже имеет окончание «га»). Такие слова из усольского диалекта, как ляга (лужа, болото) и кулига (поляна в лесу) несомненно тоже из языка аборигенов. Озёра также в большинстве сохранили названия, данные им народом чудь. Почти все эти названия краткие, часто односложные. Славяне впоследствии добавили к этим кратким названиям слово «озеро»: озеро Реж стало называться Режозеро, Лид — Лидозеро, Пилт — Пилтозеро, Кен — Кенозеро, Ков — Ковозеро, Вак — Вакозеро и так далее.

Интересно, что в нашем районе имеется большое село с названием Морж (или Моржегоры, как стали называть его славяне), а также есть речка Моржовка. Как-то не верится, что здесь использовано название морского зверя, ведь до моря от нас триста километров. Скорее всего слово морж в данном случае происходит от какого-то слова из языка чуди. Где-то я видел предположение, что означало оно ягодное место. Деревня в устье Усолки называется Усть-Морж, что вообще не понятно, поскольку вряд ли Усолка когда-то имела название Морж. Кстати, в упомянутом выше документе 1861 года по названиям населённых пунктов деревня Усть-Морж названа как Усмерж. Во время моего детства все жители нашей округи также использовали только это название, да и сейчас ещё люди старшего поколения непременно скажут Усмерж вместо Усть-Морж. Тогда может быть и деревня Морж на самом деле называлась Мерж или что-нибудь в этом роде. Приставка «усь» возможно происходит вовсе не от слова «устье», а означает что-то совсем другое. Может быть слово Усмерж

означает что-то вроде «Малый Мерж» или «Новый Мерж». При этом вместо казённых названий Зеленковская и Ивановская для частей Усмержа жители всегда использовали названия Большой Усмерж и Малый Усмерж.

В усольском диалекте присутствовало много слов, которые имеют происхождение от языка племени Чудь: чунки, приуз, шалеги, беремя, кудель, чипы, малик, трунда, поветь, чавча, турик, кичига, едома, кумельга, торбаза, рюха, кокорки, крынка, слопец, уразина, ива (собака) и так далее (см. заметку о словах на сайте). Интересно, что все ручьи в Усолье имеют русские названия: Поперечный, Вербовский, Баранов, Каменный, Глубокий. Видимо, аборигены не считали нужным присваивать названия ручьям. Также и болота чаще всего имеют русские названия: Солоно, Кукоское (видимо, от слова кукушка, куковать), Васькина рада, Большое и Малое Еремеево, Жаровое (от слова жаравица — клюква). Но поля и пожни имеют как русские, так и чудские названия.

Страсть к переименованиям объясняется, видимо, тем, что всяким чиновникам местные названия казались вульгарными и не благозвучными, тем более, что они были даны «презренным народом» чудь. Кстати, англичанам, пришедшим в Непал и Индию незванными гостями, название горы Джомолунгма видимо тоже казалось вульгарным и они переименовали её в Эверест по имени одного англичанина, явно не достойного такой чести. Я не думаю, что сам народ шерпы в своём обиходе использует это чужое для них название Эверест.

Я попробовал по памяти составить список разных названий для наших мест и окрестностей Архангельска и вот что у меня получилось: Веркола, Кушкопола, Паленьга, Слуда, Шастки, Уйта, Пянда, Чарострово, Неленьга, Бухреки, Хетово, Лаповка, Карнашовка, Емецк, Кулой, Пингиш, Лембовка, Шидровка, Кортонная, Шипичево, Ржанчики, Сура, Лодьма, Вага, Ракула, Которово, Топса, Вакорина, Ергино, Рёлка, Талаги, Ижма, Ровдино, Шалакуша, Няндомы, Котлас, Калы, Шеговары, Шидрово, Топса, Ненокса, Рикасиха, Юмота, Пукса, Шангалы — я мог бы продолжать до бесконечности. Уверен, что житель любой другой деревни из нашей области может привести подобный, или даже более длинный список по своей округе. Очевидно, что все эти названия были введены аборигенами и на их языке означали что-то конкретное,

имели определённый смысл. Люди никогда не применяют названий, представляющих бессмысленный набор букв. Очевидно, что когда-то было принято решение переименовать чужеродные названия, заменив на славянские, то-есть, русифицировать их. Так и появились все эти имена в форме прилагательных. Однако, народом казённые названия были отвергнуты и в быту никогда не использовались. Значит, названия вроде Дудоровская, Танковская, Чуриловская, Рязановская следует признать незаконными, они, как говорится, «не стоят и выеденного яйца». Казённые названия появились не раньше 17, или даже в 18 веке. Может быть только названия церковных приходов были введены несколько раньше. Коренные же (чудские) названия, конечно, были до колонизации севера русскими, и с тех пор прошло уже более тысячи лет. Ну, а поскольку люди чудь жили здесь «с незапамятных» времён, то возможно, что коренным названиям уже много тысяч лет.

По топонимике Северного края имеет смысл провести специальные исследования, вопрос этот имеет научное значение. Можно было бы попытаться найти однокоренные названия, поискать, какие признаки для этих объектов являются схожими и так восстановить значение хотя бы отдельных слов. Известно, что чудь относится к Угро-Финской группе языков, поэтому имеет смысл сопоставить названия со словами из языка карел, финов, ненцев, коми, вепсов и так далее. Несомненно, что языки этих народов имели какие-то родственные связи с языком племени Чудь. Например, залив на языке коми называется «курья» и это название до сих пор распространено у жителей на островах дельты Северной Двины. Слово «кулига» в языке коми означает точно то же самое, что и в нашей деревне.

Следует обратить внимание на ещё одно обстоятельство, связанное с географическими названиями и именами людей. Не следует свято верить каждой букве старых документов, там полно всяких ошибок. Чтобы понять это, достаточно вспомнить, какие «грамотеи» писали эти документы, на какой бумаге, какими чернилами и перьями и при каком освещении. Кроме того, наиболее старые документы написаны старославянским алфавитом. При этом сами жители не могли проверять правильность записей, поскольку в основном были неграмотные. Даже и теперь, при оформлении всяких документов у чиновников, надо тщательно всё проверять, так как появление там

ошибки всегда очень вероятно. Например, когда мой сын оформлял заграничный паспорт, не заметил, что чиновница написала неправильную букву в его фамилии. Потом ему пришлось целый месяц получать всякие справки и платить деньги, чтобы исправить ошибку. Что же тогда говорить, например, о церковных дьячках, делающих записи в метрических книгах? Ошибочные варианты фамилий в архивных справках неизбежны. При этом исследователи часто тратят уйму времени на поиск смысла той или иной странной записи, даже не допуская мысли, что это банальная и очевидная грамматическая ошибка, или что старый архивный документ испорчен и просто нет возможности правильно прочитать написанное.

Известна также склонность простонародья придумывать совершенно неправдоподобные легенды, на деле ничего не стоящие. Если пойти по деревням на берегах Северной Двины, то почти в каждой из них можно услышать историю о том, что тут высаживался на берег Пётр Первый, обедал у какого-то крестьянина и непременно подарил ему «шубу со своего плеча». Про шубу особенно анекдотично, если вспомнить, что Пётр плыл по реке в июле месяце. Многие названия связывают с Петром, но почти всегда это просто сказки. С какой стати Пётр стал бы говорить «то тьма» про деревню, расположенную на высоком красивом месте. Да и не бывало так, чтобы по одному случайному слову царя присваивали названия населённому пункту. Или Соломбала названа так потому, что был «бал на соломе»? Всё это невероятно глупо. Логичнее всем непонятым топонимам искать корни в языке аборигенов, если бы, конечно, этот язык сохранился. Впрочем, чудский язык относится к угро-финской группе и должен был иметь много слов, совпадающих или однокоренных со словами из существующих языков этой группы: коми, карельский, финский, удмурдский и так далее.

Пожалуй, я несколько отвлёкся, пора вернуться к основной теме нашей повести. На рисунке 1 я нанёс положение деревень на снимок со спутника. Для ориентации на этой схеме я указал также положение речек, кладбища, солёного ключа и так далее. Позже рассмотрим каждую из деревень подробнее.

Почти очевидна последовательность заселения Усолья. Ясно, что первые жители построили своё жильё возле соляного источника Это

были или Уваровы, или Рудные. Может быть они поселились здесь одновременно. Постепенно Уваровы и Рудные стали заселять деревню Заречье, строя свои дома по верху угора, как это делали во всех без исключения деревнях в нашем краю. Позади ряда домов есть ровная площадь, которую постепенно расчистили от леса и распахли для посева. Расположение Заречья самое удобное из всех возможных — это сухое, высокое место, с трёх сторон ограниченное долиной Усолки. Потом появились Поповы, которые заняли конец Заречья. Нет никакого сомнения, что следующими были Карельские,

<https://pessim50.ucoz.ru/usoleskhema.png>

Рис.1 Схема расположения деревень, образующих в совокупности поселение Усолье

(Для вызова рисунков надо щелкнуть по ссылке,
ещё лучше открыть рисунок в новом окне)

начавшие заселение Бухреков, поскольку свободного места в Заречье уже не было. Ну, и последними появились Елсуковы, которым досталось уже не очень удобное место в Крученово, отделённое от Бухреков лягой (небольшим болотом). В какой-то момент появились в Усолье Арефины или Моревы и решили строить свой дом на другом берегу Усолки, положив начало деревне Горка. Затем там появились Щипицыны и Петровы. Точно также однажды прибыли Абрамовы и тоже поселились отдельно, образовав хутор Лёхово. Очевидно, что все эти три деревни жили одной общиной, регламентирующей всю их жизнь. Не ясным остаётся только время и причины появления более отдалённой деревни Кривец, в отношении её можно сделать некоторые предположения, но об этом позже.

Есть и ещё одно обстоятельство, на которое стоит обратить внимание. Кажется очевидным, что такие деревни, как Морж и Плёсо должны были появиться раньше Усоля. Эти деревни многократно превосходят Усолье по размерам, они расположены на большой реке богатой рыбой и имеют великолепный заливной луг огромного размера. Да и для пашни возле этих деревень есть большие ровные и не заболоченные пространства. Было бы естественно предполагать, что именно жители этих деревень открыли наш солёный источник, поселились там и образовали новую деревню. Однако, в Усолье

совсем не встречаются моржегорские фамилии. Наоборот, в Морже есть жители с усольскими фамилиями, например, Рудные, и точно известно, что эти люди перебрались туда из Усоля. Получается, что все жители Усоля пришли откуда-то издалека, Ну, или они жили там раньше появления Моржа. А если Усолье было заселено аборигенами до новгородцев, то значит они жили тут всегда. Возможно также, что Усолье основали жители Моржа или других соседних деревень ещё в те времена, когда местный народ вообще не имел фамилий.

Солеварение

Учитывая, что причиной появления деревни Усолье был соляной источник, тема солеварения для истории деревни имеет первостепенное значение. В литературных источниках можно найти сведения о таких крупных и известных во всём нашем крае предприятиях по добыче соли, как солеварня в селе Ненокса, расположенном на берегу Белого моря. Солеварня в Усолье была намного скромнее, а технология солеварения примитивнее, чем в Неноксе, или в Красноборске. Дело в том, что наш источник имеет очень существенный недостаток, а именно - ключ расположен в русле реки. К счастью он оказался на мелководье, окажись он на более глубоком месте, его может быть и вообще бы не нашли. Даже если бы и нашли, то достать с глубины солёную воду в прежние времена вряд ли было бы возможно. Мы в детстве отыскивали ключ на мелководье по крутящимся в воде песчинкам. Часто он разбивался на несколько самостоятельных ключей, которые год от года меняли расположение. Вода и песок в них были очень холодными, наступив на ключ босой ногой мы не могли вытерпеть и одной минуты. В некоторые годы река намывала песок в этом месте и тогда ключ мог оказаться и на суше. Однако, в следующие годы он непременно опять оказывался в воде. В детстве мы любили варить молодую картошку на костре, который разводили на берегу близко от солёного ключа. Если была возможность зачерпнуть воду из источника, то ею мы обычно и подсаливали нашу картошку. Теперь источник оказался расположенным на песчаной косе, но это потому, что не так давно двое энтузиастов пытались организовать в бывшей деревне

фермерское хозяйство. Для перехода через речку они недалеко от источника положили бетонные плиты. Река обычно не терпит таких преград и обязательно сменит русло, этот процесс уже начался. И тогда источник окажется погребённым под толстым слоем песка. Совсем его, наверное, не заглушить, но он может пробить путь там, где вода глубже и тогда найти его будет очень трудно. Кстати, сами «фермеры» давно уже забросили идею освоения усольских земель, а построенное ими сооружение неизбежно принесёт непоправимый вред. Этот, хотя и совсем ничтожный в мировом масштабе пример, демонстрирует, как необдуманное и на первый взгляд незначительное вмешательство в природу вызывает тяжёлые, не предвиденные последствия. К несчастью река подмывает правый берег, то-есть тот, на котором были солеварни. Со временем всё тут будет смыто и от солеварен не останется и следа.

Я видел солеварню в действии - после войны в сороковых годах на некоторое время производство было возобновлено. Было две кирпичных печи, вделанных в крутой берег Усолки. Печи закрывал простейший навес из досок, никаких боковых стенок у него не было. На каждой печи было по одной ёмкости для выпаривания. Сами солевары используют для этих ёмкостей специальный технический термин, а в деревне все называли их просто противнями, или сковородами. Противень имел размеры не менее одного метра по ширине и около полутора метров по длине и был сделан из листовой стали толщиной около 2мм. Борта противня имели высоту около полуметра. Я так хорошо запомнил их конструкцию потому, что мы с моим другом Алькой после закрытия солеварни катались в противнях по речке, как на лодках, отталкиваясь шестом. После эти противни ещё долго валялись на берегу, видимо, никто не смел их присвоить, поскольку это была собственность какой-то организации. Не ясно, почему потребовалось организовывать это производство, видимо, по каким-то причинам в районе сразу после войны возник острый дефицит соли.

Сам ключ был заключён в колодец — что-то вроде бочки без дна, закопанной в дно реки. Верх колодца поднимался над уровнем воды при самом низком горизонте в межень сантиметров на десять. Песок из колодца выгребали и ключ, пробиваясь по наиболее лёгкому пути, уже всегда находился внутри колодца, стенки которого отделяли солёную воду от пресной речной. Эта конструкция позволяла

зачерпывать солёную воду в колодце ведром. Сделать колодец выше, соответственно подняв и уровень солёной воды, невозможно; повышенное давление воды на дно сразу же вынудит ключ пробить себе путь в другом месте за пределами колодца. Мне кажется, что солевары сороковых годов даже не строили нового колодца, а просто воспользовались древним, выглядел он действительно очень старым. Когда солеварение прекратили, колодец засыпало песком и ключ «ушёл» из него. Теперешний ключ на косе намного слабее того, что был раньше. Это значит, что где-то в воде есть ещё один ключ, а может даже и не один. Я думаю, что колодец этот существует ещё и теперь — древесина в воде почти не гниёт, тем более, что там всё пропитано солью. Просто теперь он находится под намытой рекой песчаной косой. В деревне даже никогда и не говорили «солёный ключ» или «солёный источник», а всегда называли это место «у солёного колодца». Все деревенские коровы прекрасно знали о солёном источнике и когда пастух пригонял колхозное стадо на ферму, расположенную, кстати, недалеко от колодца, коровы бежали бегом туда, пили солёную воду, или даже лизали пропитанный солью песок у берега,. Каждый раз там наблюдалось настоящее столпотворение.

Колодец располагался у левого берега речки, а печи всегда строились на правом берегу. Дело в том, что левый берег низкий и при половодье там всё затапливалось водой на большом пространстве, а правый берег высокий. Солёную воду просто зачерпывали ведром и носили на другой берег речки на расстояние не больше пятнадцати метров по простейшим мосткам. Тут не было никакой проблемы, так как глубина воды в этом месте в межень была не выше колена. Конечно, никаких насосов и лотков не было, всё это слишком сложно и может быть построено только при стационарном производстве, а не на таком временном, как у нас. Если бы источник стали использовать теперь, то задача решалась бы просто. Надо только пробурить достаточно глубокую скважину, поставить трубу и насосом подавать солёную воду куда угодно и в любое время, даже и в половодье.

Сам процесс выпарки соли не так прост. Представление о том, что воду просто выпаривают, а соль постоянно оседает на дно, заполняя противень до верха, ошибочно. Образование слоя соли в процессе

варки не допустимо, это приводит к неизбежному подгоранию соли и, главное, к прогоранию противня. В старые времена это была дорогая вещь. Прокатывать листовую сталь начали только, когда стали строить металлические корпуса судов. Это примерно тридцатые годы 19 столетия. До этого противень могли изготовить только путём отливки из чугуна или с помощьюковки из стали. Может быть когда-то применяли и медные противни.

Воду подливали по мере выпаривания до тех пор, пока рассол не достигал нужной концентрации. Тогда огонь тушили и только теперь начинался процесс образования кристаллов по мере остывания рассола. Требовалось правильно определить этот момент: преждевременная остановка выпаривания приведёт к потере части соли, а опоздание грозило подгоранием. Только опытные солевары были способны определить готовность рассола по вкусу. После оседания соли на дне рассол сливали, конечно не на землю, его просто переливали на соседнюю печь. Оставшийся на противне слой соли рыхлили и просушивали на слабом огне, постоянно перемешивая. При сушке соль разбухала и рассыпалась, то-есть приобретала то состояние, к которому мы привыкли.

Усольская соль была жёлтого цвета, что обусловлено наличием посторонних солей в воде источника. Возможно, что это ценные добавки, воду пока никто не изучал. В деревне использовали ту соль, что получалась, я помню, что у нас в кладовке стоял небольшой ушат с жёлтой солью. Для продажи соль каким-то способом промывали для придания ей более светлого цвета, я слышал об этом от старших. Кстати, я читал, что и соль в Неноксе тоже имела жёлтый оттенок. Небольшие бочонки с тонкими стенками, подобные тому, что был у нас, я видал и в других домах. Эта посуда была явно предназначена не для воды. Возможно, что какой-нибудь усольский бондарь в старину делал эти бочонки специально для солеварни, где в них затаривали соль для продажи.

Варка соли требует больших трудо-затрат: требовалось заготовить, весной приплавить по воде, а зимой навозить лошадьми, распилить, расколоть и высушить огромное количество дров. Я помню, что выше печей на берегу стояли большие костры колотых дров. Ближайший лес постепенно вырубался и со временем заготовка дров требовала всё большего труда. Трудоёмок и сам процесс варки, раз начав остановить его было нельзя, так как при остывании начнётся

кристаллизация соли и варку уже не возобновить, надо начинать сначала. Я не знаю, сколько времени требовалось для одной варки, вряд ли за сутки можно было провести её больше одного раза. Ясно, что работать приходилось круглосуточно.

Но самое неприятное - это временный характер производства. Перед половодьем надо было всё демонтировать и вытащить выше на угор, а при спаде воды всё восстановить. По этой причине и не имело смысла строить какое-то более капитальное помещение для солеварни. На Усолке половодье бывает приблизительно с середины апреля до середины июня, а иногда и дольше. Кроме того, вода могла подняться и летом при затяжных дождях и это тоже прерывало работу. Поднимается вода обычно и осенью в сентябре-октябре. Я не знаю, варили ли соль зимой. В принципе это можно делать, источник никогда не замерзает. С одной стороны зимой надо больше дров, но с другой - возможно использование промерзания для повышения концентрации. Образующийся на рассоле лёд более пресный, чем сам рассол и есть возможность сначала повесить концентрацию путём удаления появляющегося льда, а затем довести до нужной кондиции путём варки. Мне кажется, что такой приём должны были использовать при сильных морозах.

Сами-то печи в принципе можно было бы сделать и стационарными расположив их выше по угору, но тогда надо было бы и воду таскать на угор. Но останавливать процесс при каждом подъёме воды в реке хотя бы на пол-метра надо было в любом случае, так как заливало водой колодец. Во время половодья его ещё и засыпало песком, так что перед возобновлением работ этот песок каждый раз надо было выгребать. Скорее всего и в старые времена всё делалось также, как я мог наблюдать в сороковых годах. И всё-таки, несмотря на трудности, солеварение должно было приносить хороший доход - соль была очень дорогой. Холодильников прежде не было и без соли нельзя было заготовить мясо и рыбу впрок в тёплое время года. Были в употреблении ледники, но их устройство тоже очень трудоёмко, а использование не удобно и не всегда эффективно. Да и при хранении мяса или рыбы на леднике, летом всё равно надо их подсаливать. Занимались ледниками, скорее всего далеко не все, строить его для отдельной семьи слишком накладно.

Соль позволяла не только запастись продукты впрок для себя, но и

вывозить их на продажу. У Мамина-Сибиряка есть рассказ "Зимовье на Студёной". В зимовье постоянно жил один старик. Там было полно дичи и рыбы, которые старик заготавливал разными способами. Вначале зимы к нему приезжал обоз и покупал то, что он успел запасти. Взамен привозили муку, соль, спички и т.д. Старик то и дело сетовал: "Эх если бы была у меня соль!" Убив оленя летом, он ел мясо только два дня, на третий всё приходилось выбрасывать. Старик считал, что на год ему хватило бы два пуда соли. Но кто же привезёт ему два пуда? Наверное, за такое количество соли ему бы и не расплатиться.

Некоторое время усольской солеварней владел Сийский монастырь, а позже, должно быть, это было частное предприятие. Интересно бы узнать, кто именно этим занимался в поздний период. Наверное в переписных листах есть эти сведения. Кажется, что упоминали Елсуковых, но не могу точно утверждать. Может быть всё было в ведении общины и работали на общих основаниях? Похоже, что одной семье справиться с таким производством вряд ли под силу. Трудно сказать.

Если русло изменится, правый берег Усолки, где располагались солеварни будет смыт, когда я там был последний раз, берег уже был сильно подмыт. И это настоящая трагедия, потому что если бы тут провести раскопки, я уверен, что можно было бы найти ответ - использовался ли источник до прихода новгородцев. Возможно также, что на этом месте была стоянка людей каменного века, а тогда обнаружились бы их орудия труда и охоты. Впрочем, имеет смысл провести раскопки и выше по угору до того места, где была раньше усадьба Уваровых. Убеждён, что обнаружатся интересные факты. Очевидно, что первые люди, нашедшие источник и начавшие его использовать жили и трудились как раз на этом месте. Сначала, должно быть, просто добавляли солёную воду в пищу и, может быть, выдерживали мясо и рыбу в воде из источника, существенно продлевая срок хранения. Первые попытки получить кристаллическую соль заключались, конечно, в выпаривании рассола на костре в какой-нибудь посудине. У новгородцев скорее всего уже была медная посуда. А вот аборигены могли это делать только в керамических горшках, а тогда черепки и до сих пор должны лежать там под слоем более позднего мусора, накопившегося за века. Конечно, разобраться во всём этом могут только специалисты.

Следовало бы также провести изучение химического состава воды в источнике. Вполне может быть, что на этой воде можно создать лечебницу. Кстати, чуть ниже по Усолке, метрах в пятидесяти, есть ещё один ключ, расположенный на левом берегу. Раньше он промывал небольшой овраг, уверен, что он и сейчас есть. Вода в этом ключе не солёная, но имеет сильный и неприятный привкус, а это значит, что он тоже содержит какие-то минеральные добавки. Есть также очень мощный источник около Усолки в месте, называемом Совье, и тоже с явным присутствием каких-то солей. Все их имело бы смысл изучить.

Солеварня в Усолье длительное время принадлежала Сийскому монастырю и возможно, что интересные материалы по Усолью могут быть в архиве монастыря. Там должны быть сведения о начале работ, о количестве добываемой соли, о том куда и по какой цене она сбывалась. Наверное можно узнать, кто работал на солеварне — местные люди или специалисты, командированные монастырём. Могут быть упомянуты некоторые имена. Не исключено, что есть описание технологии, проблем, которые там возникали, затрат на солеварню и так далее. Известно, что Сийский архив огромен, в нём тысячи документов и выудить из этого массива данные по Усолью наверное совсем не просто. Не факт также, что они и вообще сохранились — монастырь горел несколько раз и очень большая часть архива утрачена.

Вообще-то, возвращаясь к теме целебных свойств источника, можно иметь и другой взгляд на этот предмет. А зачем, собственно, нам надо, чтобы вода наша оказалась целебной и появился бы санаторий? Что это нам, усолам даст? Построят дорогу, проведут электричество, на наших угорах вырастут корпуса из стекла и бетона. Всё кругом будет измято, загажено и опошлено. Приедут больные люди и станут принимать ванны в воде из нашего ключа, загрязняя и оскверняя её её. При этом сливать эту гадость будут, конечно, в Усолку, куда же иначе. Меня, пожалуй, больше обрадовало бы, если бы в одночасье весь этот технический прогресс "накрылся бы медным тазом", как любит говорить современная молодежь. На берег Усолки пришли бы люди и снова построили свои печи для выпаривания соли, начали бы распахивать старые поля с помощью лошади и деревянной сохи, освобождать луга от кустарника и косить траву косой горбушей, построили бы дома из усольской сосны, зимой на угорах весело

катались бы дети на санках и на лыжах. Вернулось бы всё на круги своя.

Ну, а поскольку это невозможно, то пусть наши предки мирно лежат себе на заброшенном кладбище, пусть наша речка тихо катит свои чистые воды чайного цвета, настоянные на миллионе всяких трав, пусть берега её по весне всё также утопают в черёмухе, а луга покрываются жёлтой купальницей - моим самым любимым цветком. И к чёрту всяких заезжих бездельников с их пошлым «техническим прогрессом»!

Церкви

Из всех деревенских построек только церкви могут иметь какую-то историю. Почти с полной достоверностью можно считать, что за время существования Усолья было построено три церкви. Первая из них располагалась в месте, называемом Усыпь. На рис 1. я обозначил это место. Называлось оно так потому, что расположено на мысе, имеющем крутой обрыв со стороны речки. Обрыв этот постоянно осыпался из-за подмыва водой и это продолжается и по сей день. Какой была церковь на Усыпи неизвестно, может быть даже, что это была всего лишь часовня. Как чаще всего и бывает, возле церкви располагалось кладбище. Поскольку склон осыпается, обнажаются старые могилы и мы в детстве со страхом и любопытством находили человеческие кости, а однажды обнажились даже остатки гроба с телом покойника. На трупе имелись остатки одежды и савана. Об этой церкви помнили многие жители деревни. В частности, я слышал о ней от моей крёстной матери Ксеньи Михайловны Петровой. Ксения вообще много знала и помнила о прошлых временах и на расспросы всегда охотно и подробно рассказывала. К сожалению, тогда нас деревенских детей эти истории не сильно интересовали и многое из рассказанного ею я элементарно забыл. Если бы её рассказы записать, теперь многое не надо было бы выискивать в документах или строить разные предположения. А ведь я застал в живых и ещё более старых людей, чем Ксения. Как много они могли бы рассказать! Хотя, справедливости ради, надо отметить, что усола были людьми не слишком словоохотливыми. Например я не помню,

чтобы мой дед Николай что-то рассказывал, в особенности детям или подросткам. Он был и на первой мировой войне и на гражданской, но я об этом узнал только совсем недавно.

Когда была построена первая церковь и как долго она просуществовала неизвестно. Ясно только, что в момент её постройки деревня Горка скорее всего ещё не существовала. Возле церкви на усыпи росли берёзы, на моей памяти они были уже очень старые. Под этими берёзами любила собираться молодёжь в погожие летние вечера. Устраивали гулянья, танцевали, пели песни, не задумывались о том, что когда-то тут была церковь и кладбище. Всё это казалось уже очень далёким и забытым.

Впоследствии церковь была построена на новом месте, на другом берегу Усолки на небольшом холме, расположенном недалеко от речного берега и от места расположения солёного колодца. Кажется, она была шатрового типа и с отдельно стоящей колокольней. Позже сруб церкви использовали для постройки школы в Кривце. Школа была обшита вагонкой и покрашена жёлтой краской. Скорее всего вагонка тоже была из обшивки церкви и тогда возможно, что и церковь была жёлтого цвета. Можно предположить, что перенос церкви на другое место был обусловлен осыпанием склона, что привело к уменьшению размера самой Усыпи. Вероятно также, что к этому времени уже появилась деревня Горка и выбранное для новой церкви место оказалось центром всего поселения. Возле второй церкви тоже росли три берёзы, расположенные не на холме, а на самом краю речного берега. У самой толстой берёзы вода подмыла берег, обнажив корни. Я всегда с любопытством разглядывал и дивился, как берёза изогнула свои корни, вонзив их в обрыв сбоку и, таким образом, намертво зацепилась за берег. Возле берёз проходила тропка, по которой мы бегали на песчаный мысок, где любили купаться и играть. Проходя мимо мне нравилось прикоснуться ладонью к шершавой коре старой берёзы. Мне удалось побывать в деревне лет восемь тому назад. Уцелела уже только одна берёза, как раз та, самая толстая. Вершина у неё уже засохла, но нижние плакучие ветви были ещё зелёными. Я сходил к солёному колодцу, попробовал на вкус воду, убедившись в очередной раз в её кисло-солёном вкусе и в том, что её невозможно пить. Подошёл к берёзе и как раньше притронулся ладонью к коре. Мне показалось, что дерево вздрогнуло и что-то прошептало мне. Может быть попрощалось. Я

понял, что эту берёзу зелёной я больше уже никогда не увижу. Но получилось так, что скорее всего тот мой приезд в деревню был последним и больше мне не увидеть не только берёзу, но и всё, что кажется теперь таким дорогим и далёким.

Возле второй церкви тоже было кладбище. Поскольку места для могил возле церкви было мало, позже хоронить стали за пределами деревни в сосновом бору, недалеко от Лёхова. Это кладбище сохранилось, но находится уже в заброшенном состоянии. Его местоположение я отметил на рис.1. Уже в шестидесятых годах, когда в деревне оставалось всего несколько жителей, кому-то пришла в голову идея построить на церковном холме силосную траншею. Тогда широко применяли эту практику заготовки силоса. Карельский Александр — сын того самого Ивана, который был первым коммунистом в деревне, бульдозером вырыл траншею. При этом на поверхность оказались извлечёнными многочисленные человеческие кости. Кто-то сообщил об этом сыну, или может быть внуку, усольского попа, который был когда-то тут похоронен. Этот потомок приехал, вырыл могилу, собрал все кости и похоронил. Поставил крест, который потом простоял довольно долго. Развороченный холм стал зарастать лесом и теперь вместо трёх старых берёз на месте бывшей церкви растёт целая роща. Такие поступки людей просто поражают — для траншеи конечно не нашли другого места, кроме святого для верующих людей, да ещё и со старыми могилами!

Вся наша деревня расположена на высоких угорах, а церковь была у реки внизу, высота холмика, на котором её построили, была совсем невелика. Если весной в половодье уровень воды был выше среднего, а это случалось довольно часто, вся территория вокруг церкви уходила под воду, так что здание оказывалось на острове, иногда даже может быть подтапливалось. Возможно, что именно по этой причине в самом конце 19 века решили строить новую церковь, которая была освящена в 1901 году. Располагалась она на окраине деревни Горка, рис.1. В 1930 году сруб старой церкви разобрали и построили из него школу в деревне Кривец, а это означает, что здание церкви ещё не было ветхим.

Приблизительно вот так выглядела новая церковь, она стояла прямо перед окнами нашего дома:

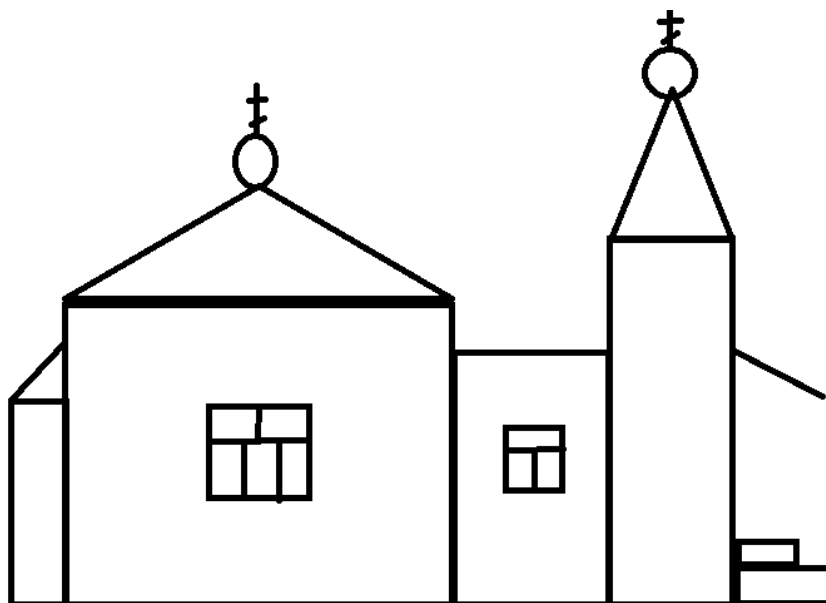

Рис 2. Общий вид новой церкви

Эта церковь тоже была обшита вагонкой и покрашена белой краской. Даже через 60 лет после постройки на северной стороне, обращённой к деревне, краска ещё хорошо сохранилась и издали здание казалось белым. Но с южной стороны краска почти полностью выцвела и церковь выглядела серой. Не было никаких архитектурных украшений, ни резных наличников на окнах, ни хотя бы простейших фесонов на кромках кровли, какие обычно бывают у старых церквей. Старая церковь видимо была по архитектуре намного интересней. Со всех сторон новое здание окружало пахотное поле, рядом не было посажено ни одного дерева. Только на отдалении, на самой кромке угора росла огромная ель. Её нижние ветви были длиной метров пять. В детстве мы часто качались на этих гибких ветках. Возле этой ели тоже пытались вырыть силосную траншею, отчего дерево быстро засохло.

Кстати, в деревне никогда не садили возле дома никаких деревьев или кустарников. А в старое время возле домов не разводили и грядок, например, под картошку или лук. Видимо, считали нецелесообразным строить огородь вокруг этих грядок, проще было посадить картошку на поле за общей изгородью. По всей территории деревни свободно ходил скот, выедавая траву, поэтому везде была только мелкая травка и только кое-где у стен или огородей могла

расти крапива, которую животные игнорируют. На моей памяти около домов уже были грядки картошки, но и то не у всех. Например, дом Николая Марковича Морева не был отгорожен от поскотины ни с какой стороны.

Церковный приход в Усолье назывался Рязановским, и это даёт основание предполагать, что казённое имя деревни Рязановская было введено в обиход именно церковниками. Впоследствии, при советской власти Рязановским же назывался и сельсовет, хотя располагался он в Усть-Морже.

Церковными делами управлял попечительский церковный совет, в который входили представители каждой деревни. Когда земли по Двине были в ведении Сийского монастыря, в Усолье жил какой-то представитель монастыря. Может быть даже были присланы мастера по варке соли. Вполне возможно, что какие-то усольские фамилии принадлежат людям из монастыря, осевшим впоследствии здесь на постоянное жительство. Вообще, по церковным делам существуют документы в архивах, но эта тема меня как-то не сильно интересует.

Есть сведения, что усольская церковь была освящена в честь Николы и, значит, должна называться Никольской или просто Николой, как это часто бывает. Не знаю, я никогда не слышал, чтобы её называли так. Впрочем, она уже давно была закрыта, здание использовали под зерновой склад и называли его просто словом церковь, или церква. В соседних деревнях обычно праздновали церковные праздники, называемые престольными, в соответствии с датой святого, в честь которого была освящена их церковь. Так в Морже праздновали Ильин-день, а в Горе — Петров-день. Хорошо помню, что ни зимний, ни летний праздник Николы в Усолье не праздновали. Не варили пива, не готовили застолье и не приглашали гостей из соседних деревень. Мой дед Николай, правда, отмечал «Николу зимнего», и обычно варил пиво, но рассматривал он эту дату, как свои именины, а не как престольный праздник. Зато очень сильно усола праздновали церковный праздник, называемый «Девятая Пятница», видимо, девятая от паски. Приходился он примерно на середину июня, дата не фиксированная, как и паска. В это время посевная бывает уже закончена, а сенокос ещё не начинался. Народ был относительно свободен и гуляли на всю катушку, часто целую неделю. Собирали гостей со всех окрестных деревень. На моей памяти люди в деревне были уже в основном не верующие, но всё-

равно все праздновали с большим удовольствием. О церковном смысле праздника не задумывались, да я думаю даже и в прежние времена это мало кого интересовало. Был бы повод погулять. Даже после того, как деревня ликвидировалась, в посёлке Хетово, куда переехало большинство усол, всё ещё пытались праздновать свою Девятую Пятницу. Со временем, после ухода в мир иной стариков, о празднике постепенно забыли. Не знаю, как могут быть связаны святой Никола и эта странная Пятница.

Главные церковные праздники Рождество и Паску в Усолье всегда отмечали скромно. В старые времена главным было отстоять службу в церкви, а при советской власти обычно пекли шаньги и не занимались домашними делами, кроме ухода за скотом. Часто к нам заходила в гости какая-нибудь из соседских старушек, переодевшись для праздника в чистую одежду. Ну, а в колхозе приходилось работать и в праздники. В святки подростки ходили ряжеными, а в паску устраивали качели, всегда в Егоршином гумне.

Мне трудно судить о старых временах, но из того, что я запомнил, у меня сложилось убеждение, что усола вообще не были слишком религиозными. У нас не было староверов и я не помню никого про кого можно было бы сказать, что он фанатик веры. Во всяком случае, среди нашей родни никто, в частности, не соблюдал постов, даже разговоров про посты я ни от кого в деревне не слыхал. Да и какие посты, если в то время и так питались весьма скудно. Моя бабушка иногда молилась, стоя на коленях перед иконой Серафима Саровского, а так редко можно было увидеть, чтобы кто-то, кроме старух, хотя бы перекрестился. Помню, что когда в паску или в рождество приходил к нам бригадир Николай, чтобы дать наряд матери на работу, то он иногда затягивал пасхальную или рождественскую песню довольно фальшиво и гнусавым голосом: «Рождество твоё, Христе боже наш...». Но это скорее всего было какой-то шуткой — Николай был одним из первых коммунистов в деревне и в бога, конечно, не верил. Во всяком случае, я только от него и слыхал эти песни, и только много лет спустя снова услышал их по телевизору, когда стали показывать богослужения. Мой дед Николай перед смертью попросил, чтобы на его могиле не ставили крест, а поставили памятник со звёздочкой, что потом и сделал мой старший брат. Этот поступок вообще трудно объяснить — дед не был коммунистом и в общем-то при жизни относился к религии, как все.

Церковь была закрыта в 30-х годах. Точный год я не знаю, но мою сестру, родившуюся в 1935 году, крестил поп, которого вызывали из Моржа. Значит, церковь в Усолье уже была закрыта, а в Морже ещё функционировала. Меня, родившегося в 1940 году, уже никто не крестил. После закрытия церкви более менее ценная утварь была конфискована, был сброшен крест над главным кубом здания, сняты и поломаны иконостас и все иконы. Со звонницы сняли колокола, которые пропали неизвестно куда, но крест над колокольной стоял до сноса здания в 1965 году, видимо подняться на луковку «вандалы» не смогли. Занимались разгромом церкви комсомольцы. Я точно знаю, что среди них были Карельский Артём Михайлович, Карельский Николай Игнатьевич, возможно его брат Карельский Иван, кто-то из Щипицыных и Арефиных. Руководителем и организатором всех этих дел был первый коммунист в деревне Карельский Иван Григорьевич.

Трудно понять, чем руководствуются люди в подобных поступках. Ну хорошо, церковь закрыли, но зачем надо всё разрушать? Как объяснить эту тягу к вандализму? Ведь надо было как-то добраться до высокого потолка, чтобы ободрать там всю живопись. Сколько сил надо затратить! Какое удовлетворение могли получать эти комсомольцы от такого занятия? Хорошо ещё, что церковь вообще не сломали, или не сожгли, без неё любая деревня выглядит убого и уныло. Это было время, когда храмы безжалостно и даже с энтузиазмом громили по всей России. Теперь их с таким же энтузиазмом восстанавливают. Вот уж действительно — «умом Россию не понять».

Я не раз бывал в здании церкви. Там хранили колхозное зерно и обычно дверь была закрыта на замок, просто так туда не зайдёшь. В конце зимы, в феврале или в марте, проводили работы по сортировке зерна для семян. Работа тяжёлая, сортировали с помощью примитивной машины с ручным приводом. Моя мать всегда работала на сортировке. И вот в этот момент можно было зайти в церковь. Сразу у входа была боковая комната, заваленная снятыми иконами, точнее их обломками. Дальше была дверь в основное помещение.

Нам, деревенским детям, ничего не выдавшим кроме своих изб, церковь казалась огромной, потолок был необычайно высоко. Справа от входа стояла очень высокая круглая печь, облицованная чёрной жёстью. Общий вид помещения вызывал тоскливое чувство, всё было ободрано, замусорено, у дальней стены стояли примитивные сусеки с

зерном. В конце зимы там всегда стоял мертвящий холод. Обычно мы поднимались и на колокольню по крутой лестнице. Вид оттуда открывался замечательный. Хорошо были видны дома в Кривце. Те, у кого было острое зрение, могли разглядеть даже ветряную мельницу в Усть-Морже, за пять километров от нас.

Не знаю, куда в конце концов делись церковные иконы. В момент закрытия церкви они никого не интересовали, но потом, уже после войны, по всей стране за ними началась настоящая охота. Иконы собирали, продавали, воровали. Особенно подогрел интерес к иконам Владимир Солоухин своим рассказом «Чёрные доски». Трудно даже поверить, что на усольские иконы тогда никто «не положил глаз» и они не «ушли» куда-нибудь на сторону. Наверное, кто-то знает об этом. Одну небольшую икону Серафима Саровского мой отец принёс домой и она сохранилась у меня, как единственная память о «малой родине». Правда, икона немного повреждена. Во-первых на ней есть след от удара, когда икону бросили на пол при разгроме церкви, а во-вторых мой брат при перевозе нашего дома в Хетово, оставил её в амбаре, решив, что никакой ценности икона не имеет. Там она пролежала на полу несколько лет, пока я случайно не обратил на неё внимание. Хочу отдать её в какую-нибудь церковь, если, конечно, возьмут. Кстати, у нас в доме была, наверное, ещё более ценная икона святого Николая. Эта икона принадлежала моей бабушке Ксенье и была привезена ею из деревни Гора. Икона очень старая и выполнена по всем канонам; теперь-то я знаю, что именно такие иконы ценятся более всего. Но её мой брат также оставил в амбаре и потом я её не нашёл. Куда она делась, не знаю. Самое смешное, что брат перевёз в Хетово несколько икон из нашего дома. Выбирал он те, что казались ему красивее. Это были поздние иконы, так сказать «ширпотреб», но зато с окладами из блестящей фольги, в деревянных футлярах, под стеклом. Странно, что и моя мать отнеслась равнодушно к судьбе икон. Впрочем, я и сам узнал о ценности икон уже довольно поздно, а раньше они меня и вообще не интересовали ни с какой стороны.

Захоронений возле новой церкви никогда не было. Неподалёку от неё стоял поповский дом. У моего брата, живущего в нашем старом доме, перевезённом в Хетово, сохранилась фотография последнего усольского попа со своей попадьёй. Я не помню, как их звали. После ликвидации деревни здание церкви, ещё очень хорошо сохранившееся, разобрали и увезли в Морж. Там из этого леса

построили клуб, но в это время и село Морж тоже уже было в стадии деградации, молодёжи почти не оставалось, а старикам клуб был нужен «как собаке пятая нога». Здание стояло некоторое время без всякой пользы, а потом кто-то распилил на дрова.

Усольская церковь была поздней постройки, в это время шедевров уже не создавали, так что архитектурной ценности она не имела. А вот в Морже церковь была занесена в каталоги, как архитектурный памятник. Об этом свидетельствовала табличка у входа, гласившая, что «здание находится под охраной государства». Однако её судьба оказалась не менее печальной. Церковь, построенная в 15 или 16 веке и имеющая архитектурную ценность была оставлена без присмотра, два прекрасных здания шатрового типа нечаянно подожгли подростки и они сгорели дотла. Такая вот «охрана государства».

Один из не состоявшихся «фермеров» на месте нашей церкви построил миниатюрную часовню, скорее даже только макет часовни. Сейчас в деревне уже никого нет, а эта игрушечная часовенка с луковкой и крестом на ней, сиротливо стоит посреди чистого поля.

О мельницах

Для размола зерна в Усолье использовали водяные мельницы, которые строились на речке Усолке и на Шидровке. Я думаю, что ещё и сейчас можно определить места, где эти мельницы стояли, до сих пор должны сохраняться остатки свай от их плотин. Мне, например, известно целых четыре таких места. Одновременно все эти мельницы, конечно, не работали. Для размола всего зерна, выращиваемого в Усолье, достаточно одной, максимум двух мельниц. Ну, мельницу в Кривце могли построить для того только, чтобы не ездить с зерном за два километра в Заречье.

Построить мельницу и содержать её - занятие не простое и очень хлопотное. В Усолье этим занималась только семья Арефиных, которые жили в деревне Горка. Арефины вообще были, пожалуй, самыми мастеровыми и самыми успешными хозяевами на всю деревню. В частности, они же владели кузнечным делом и имели кузницу. В Лёхове мельница на Шидровке была у Абрамовых, впрочем, там все были Абрамовы.

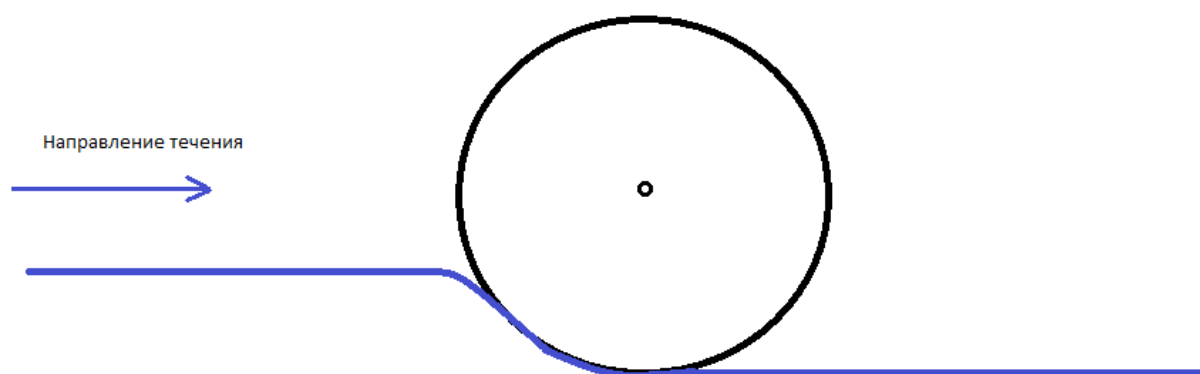

Рис.3 Принцип работы водяного колеса на
усольских мельницах

На рис.3 я показал применявшийся в Усолье принцип работы водяного колеса. По окружности колеса располагались лопасти, как у колёсных пароходов. Для получения нужной мощности уровень воды перед колесом должен быть поднят с помощью плотины на достаточную высоту. Тут есть один важный фактор - постройка мельницы на речке Усолке и работа солеварни имеют взаимное влияние. Дело в том, что солеварня могла работать только при минимальном уровне воды в межень. При подъёме воды хотя бы на пол-метра, работу надо было прекращать. Ну, а мельница требует постройки плотины и подъёма уровня хотя бы на метр. Видимо по этой причине раньше мельница располагалась по течению Усолки выше деревни, то-есть выше солёного источника. Ну, а впоследствии она была уже чуть ниже того места, где был источник и где потом всегда строили мост. Остатки свай для плотин во время моего детства ещё можно было видеть в обоих этих местах. Значит, более поздняя мельница существовала, когда соль уже не варили, или варку соли и работу мельницы как-то согласовывали. Уровень воды перед плотиной можно спустить, если работу мельницы остановить и открыть заслонку. В половодье ни работа мельницы, ни солеварение были не возможны. Более того, конструкции мельницы перед половодьем тоже надо было разбирать и вытаскивать выше на угор. В частности, требовалось снимать тяжёлое водяное колесо и разбирать плотину, которая выдержать половодье на могла, оставлялись только

сваи. Какой конструкции была плотина я не знаю. Должно быть к сваям крепились дощатые щиты, которые можно было снимать. Скорее всего и мост для проезда совмещался с плотиной, то-есть пролёты моста опирались на те же сваи, что и плотина. Мост тогда мог быть только низким (ниже, чем тот, который строили позже) - высокие сваи тоже были бы сметены половодьем. На моей памяти (мельницы тогда уже не было) мост всегда весной разбирали, а после спада воды восстанавливали. Как правило, приходилось заново забивать и часть свай. Был случай, когда убрать мост не успели и мы из окна нашего дома наблюдали целые сутки, как он под натиском воды и скопившегося перед ним льда и мусора кренился, пока не рухнул и не освободил затор. До того года настил на мосту был из тёсаных плах, а после стали уже его набирать из круглых брёвен с поперечным расположением. Ехать по такому мосту на телеге - сплошное мучение. Остатки плотин на Шидровке и на Усолке под Лёховым тоже долго было заметно. Мельница на Шидровке была, конечно, маломощной, но зато на работу солеварни она никак не влияла. Мельница же на Усолке под Лёховым тоже могла подтоплять, как соляной колодец, так и плотину мельницы Арефиных. Не очень ясно, как решалась эта задача. Возможно, что одновременно эти мельницы и не существовали вовсе. Кстати, раньше вспоминали, что Усолка прежде была очень богата рыбой, так как этому благоприятствовал подъём уровня воды плотиной.

После раскулачивания Арефиных мельницу передали во владение колхозу, но просуществовала она очень недолго, видимо к её обслуживанию отнеслись, как говорится, спустя рукава и очередное половодье всё разрушило. После этого народ стал обзаводиться ручными мельницами, я помню, что едва ли не на каждой повети стояли ручные жёрнова. Была такая мельница и у нас, мне самому довелось не мало на ней поработать.

Полководство

Несмотря на то, что солеварение было причиной существования деревни главным видом хозяйственной деятельности всегда оставалось сельское хозяйство. При этом условия для выращивания зерновых в Усолке неблагоприятные. Практически нет места для распашки крупных полей, ну, хотя бы с десятков гектаров, поскольку

территория изрезана долинами рек Усолки, Лембовки и Шидровки и оврагами. Все поля невелики и расположены в окружении леса, часто располагаются на склонах, окаймляющих глубокую долину Усолки и её притоков. Нет в Усолье и широкого луга, все сенокосы располагаются на мысах, образуемых очень извилистыми руслами рек. Деревню со всех сторон окружали болота. Почвы почти исключительно глинистые, а в окружении тайги всегда характерны заморозки, поздние весной и ранние осенью. Все территории для пашни и сенокоса первоначально приходилось освобождать от тайги. Сейчас даже трудно представить, как люди справлялись с этой задачей. Иногда предполагают, что лес выжигали. Я думаю, что в наших условиях это невозможно. Поджечь лес летом в сухую погоду — это полная катастрофа, леса там были бескрайними, при пожаре могли бы сгореть все поля, да и сама деревня тоже. В дождливую погоду и зимой лес не горит, сколько не поджигай. Да и вообще идея расчистки леса под пашню с помощью огня абсурдна и придумана человеком, никогда не видавшем, как горит лес. При пожаре сгорает только крона дерева, ствол, а тем более корни, никогда не горят. После пожара всё-равно надо будет обгорелые деревья рубить, а пни выкорчёвывать. Самый эффективный способ это подрубить корни и валить дерево с помощью верёвки или рычага. После этого ствол легко раскряжевать на брёвна и использовать на строительство или на дрова. Выкорчеванным пням надо дать время подсохнуть, а затем их можно постепенно сжечь, не допуская опасного большого огня. Расчищенную площадь затем надо взрыхлить вручную с помощью мотыги — сохой распахать целину невозможно. Металлический плуг появился в деревне только в начале 20 века, моя бабушка ещё помнила, как пахали сохой. Вспаханное поле борошили деревянными боронами. Даже и в колхозе ещё применяли деревянные бороны, только зубья у них были железными, их выковывали в своей кузнице. Мне много пришлось поработать на бороновании. Кстати, позже появились и цельно-металлические бороны заводского изготовления, но мы предпочитали старые деревянные, они были намного удобнее и эффективнее.

В Усолье всегда пахали только на лошадях, никаких быков в качестве тягловых животных не применяли. Интересно, что в

деревне Целезеро километрах в 30 от нас быки использовались. Я сам видел, как школьников из Целезера привозили в школу в Морже на телеге, в которую были запряжены два быка.

Главными зерновыми культурами были рожь и ячмень (в деревне его называли «жито»). Рожь сеяли всегда по «пару», то-есть весной поле ничем не засеивали, в середине лета, обычно перед самым сенокосом, его вспахивали и боронили, а в конце августа снова пахали и засеивали озимой рожью. Рожь почти не боится заморозков и за редким исключением давала хороший урожай. Жито сеяли весной, и хотя иногда оно сильно страдало от поздних весенних заморозков, его любили, поскольку из жита пекли не только хлеб, но и шаньги, пироги, его мололи на крупу для каши, использовали для кваса, для варки пива и так далее. Если утренний заморозок случался, когда жито начинало колоситься, в итоге колос оказывался пустой — зёрна не наливались. Я помню, как уже во время колхоза на приусадебных участках при холодной ночи разводили костры, бегали вдоль поля с верёвкой, заставляя стебли качаться, считалось, что это, даже совсем незначительное движение воздуха, помогает от мороза. На колхозных полях ничего такого не делали. В небольших количествах в деревне в старое время, да и при колхозе тоже, сеяли яровую пшеницу. В благоприятный год она могла хорошо уродиться, но с ней всегда был риск — морозов она боится ещё больше, чем и жито. Как и везде, сеяли также овёс, горох, лён.

Любимым овощем была репа (называли её репой лощанкой), до появления картофеля она занимала его место в рационе. Репу добавляли в суп (никогда этого слова не использовали, всякий суп называли щами, точнее «штями»), парили, ели в сыром виде (примерно так, как мы теперь едим яблоки). В деревне не выращивали ни морковь, ни свёклу — их заменяла всё та же репа. Очень популярной была редька. Натёртую редьку ели с квасом, с молоком, к ней добавляли варёную картошку, толокно. Естественно, что основным овощем был картофель, который гарантированно давал урожай, даже и в тот год, когда случались заморозки. Я не знаю, выращивали или нет в старину капусту в Усолье. Скорее всего нет, поскольку в наших условиях хорошей капусты не вырастить без предварительной подготовки рассады. Это дело хлопотное, а весной дорог каждый час. Хотя, вполне может быть, что капусту выращивали в отдельных хозяйствах, которые снабжали ею остальных жителей.

Во времена колхоза выращивали и капусту и морковь и свёклу. Сеяли также турнепс. Кстати, всегда говорили: репа лощанка и репа турнепс. То-есть турнепс считали как бы разновидностью репы и употребляли в пищу теми же способами, что и репу. В колхозе капусту выдавали на трудодни, так что на моей памяти квашенная капуста была почти у всех. Конечно, всегда выращивали лук и чеснок. А вот укроп, петрушку и редиску я впервые увидел только в огороде высланных с Украины Пацюков. Никогда не выращивали каких-либо ягодных культур: клубнику, малину, смородину, крыжовник. Собирали только дикорастущие ягоды в лесу. Основными ягодами считали бруснику (называли «красные ягоды») и клюкву («жаравица»), только их можно было заготовить на зиму. Остальные ягоды ели сразу, как приносили из леса, варенье никогда не варили, поскольку дорогой сахар всегда был в большом дефиците. Любили печь шаньги с черникой, с морошкой. Собирали грибы и заготавливали их на зиму в большом количестве — солили и сушили.

Хороший урожай на наших полях можно получить только с применением удобрения. Основным удобрением был навоз, который дополнительно смешивали с торфом (называли «трундой», точно также называется торф и сейчас в языке народа коми). Трунду зимой возили из болот и складывали слоями во дворе под ноги скоту. Для того, чтобы можно было заготовить трунды больше, дворы делали высокими, иногда выше самого дома. Коровы и лошади в продолжение двух сезонов уминают трунду ногами и перемешивают её с подстилкой из соломы и с навозом. Получается отличное удобрение, которое вывозили на поля обычно во второй половине зимы. После войны, когда мужчин в деревне почти не осталось и рабочей силы катастрофически не хватало, трунду уже не заготавливали и поля почти не удобряли. Помню, что только на поле под капусту, да кое-где под картошку вывозили навоз с колхозной фермы. А в основном навоз оказывался лишним, его не успевали убирать и вся ферма, да и обе конюшни тоже, буквально утопали в кучах навоза, накопившегося со временем.

С давних времён крестьяне понимали пользу от севооборота — ежегодной смены культур на поле. Рожь обычно чередовали с житом, овсом или горохом. Овощи всегда выращивали на ближних к деревне полях, они занимают относительно небольшую долю от общей площади пахотной земли.

До колхозов зерновые жали исключительно с помощью серпа, косы в этом деле не применяли. Только в кино я впервые увидел, как в южных областях России косят хлеба косами-стойками, оборудованными каким-то дополнительным деревянным приспособлением. Впоследствии, в колхозе, появилась конная косилка, которую применяли и на сенокосе и на жатве. Для жатвы косилку оборудовали специальным устройством, позволяющим формировать сноп. Устанавливалось также второе сиденье для работника, формирующего сноп и сбрасывающего его путём нажатия педали ногой. Была также куплена и жнейка, снабжённая механическими граблями, похожими на крылья бабочки, но почему-то использовать её не смогли, она стояла в заброшенном гумне и была для детей игрушкой.

Сжатый хлеб связывали в снопы с помощью жгута («завязки»), скрученного из длинной травы осот (называли «осота»). Готовые снопы устанавливали на поле в суслоны. Суслон для жита состоит из шести снопов, для ржи — из двенадцати. Уборку хлебов требовалось выполнить в очень сжатые сроки — погожие дни в августе — сентябре у нас бывают не часто. Если начинались затяжные дожди, ситуация становилась трагичной. Хлеб в суслонах намокал и зёрна начинали прорастать. Если сложить влажные снопы в скирду, весь урожай может погибнуть. Крестьяне должны были очень хорошо разбираться в капризах нашей погоды и действовать без промаха. Работали, не считаясь со временем, без отдыха и сна. Как только позволяла погода, снопы укладывали в скирду прямо на поле, или свозили к гумну. Хорошо сложенная скирда надёжно защищает хлеб от дождя, в скирде он не только не намокал, а, наоборот, даже подсыхал, если был уложен не достаточно сухим. Это позволяло с обмолотом не спешить, обычно его проводили после того, как убран весь урожай. Обмолотом занимались и зимой при морозах.

Первая конная молотилка появилась при советской власти. До этого все зерновые обмолачивали вручную с помощью «приуза». Этот инструмент представлял из себя палку, прикреплённую к рукоятке на кожаном ремешке. Палкой можно сильно бить по снопам, уложенным в ряд на пол гумна. В хорошем гумне пол был деревянный, но часто молотили прямо на глиняном полу. Обычно по одному месту били четыре работника в определённом ритме, который нельзя было нарушить, так как это могло привести к травме кого-нибудь из

работников. Все четверо медленно продвигались вдоль ряда снопов, затем снопы переворачивали и операцию повторяли. Перед обмолотом снопы обычно просушивали в овине — вместительный амбар, в котором имеются нары для снопов, а под ними печка — каменка, расположенная ниже поверхности земли и топившаяся «по чёрному». Печку надо было непрерывно топить целые сутки, а при влажных снопах и дольше. При использовании молотилки снопы уже можно было не сушить, то-есть надобность в овинах отпадала. Сушить, в этом случае, надо было только зерно перед засыпкой его на хранение. Провеивали зерно от «охвосья» на ветру, подбрасывая его лопатой. Обычно делали это в воротах гумна, где всегда есть сквозняк. Только в колхозе стали применять веялку с ручным приводом.

Хлеб всегда хранили в отдельно стоящем амбаре на отдалении от домов. Наверное, тем самым страховались на случай пожара, поскольку даже если сгорит дом, с хлебом семья не умрёт от голода. В амбаре также легче было предохранить хлеб от мышей.

В деревне была пахотная земля общего пользования, которой распоряжалась община. Эту землю распределяли между хозяйствами в зависимости от состава семьи. При этом учитывались только члены семьи мужского пола. Если таковых не было, хозяйству земля тоже выделялась, но уже по какому-то особому правилу. Основные, самые большие поля, разделялись на участки так, чтобы долю получила каждая семья. Конкретный участок выбирался по жребию. Моя бабушка вспоминала, что когда она осталась одна с ребёнком, ей в поле, называемом «Которово», выделили такую узкую полосу, что на ней не помещалась даже борона. Старики вспоминали, что при разделе землю меряли иногда даже «четвертями». Под четвертью тут подразумевается расстояние от большого пальца руки до указательного — должно быть четверть аршина. Более мелкие поля распределялись особо.

При распределении земли приходилось учитывать разные нюансы. В частности, семьи-трудяги содержали выделенные участки в порядке, вносили в них удобрения, а у ленивых земля истощалась. При очередном перераспределении никому не хотелось получить запущенную кем-то землю. Можно представить, какой трудной была проблема раздела земли, сколько было разных конфликтов. Но как-то

удавалось всё уладить. Очень большую роль играли уважаемые люди в деревне, часто только их мнение и становилось решающим.

Кроме общинной пашни, крестьяне могли иметь участки личного пользования. Такие участки, называемые «навинами», каждая семья освобождала от леса и распахивала самостоятельно. Каждый мог иметь эти навины без всякого ограничения и при распределении общей земли они не учитывались. Видимо, каким-то образом навины могли переходить в общее пользование, возможно, что семья могла передать навину общине за какое-то вознаграждение, или продать за деньги. Таким способом происходило постепенное увеличение общинного пахотного поля.

Община всегда имела страховой фонд семян, который создавался из обязательных для каждого хозяйства взносов некоторой доли урожая. Для хранения семенного фонда имелся большой общественный амбар, называемый магази. При колхозе магази использовали, как склад. В детстве возле магази у нас было любимое место для игр, потому что у амбара была терраса, на которой можно было укрыться в случае дождя. Страховой запас семян создавался на случай неурожая, пожара или какого-то другого несчастья. Оставить семью весной без семян означало обречь её на голодную смерть, или на нищенское существование за общественный счёт. В чрезвычайных обстоятельствах семье выдавали семена по решению общины.

Животноводство

В Усолье никогда не разводили свиней, коз, гусей и уток. Держали только коров, овец, лошадей и кур. В богатых хозяйствах скота было много. Обычно имели не менее двух лошадей и несколько коров. Моя бабушка вспоминала, что пока они жили одним хозяйством с её свёкром, у них было четыре коровы. Для содержания скота к дому под одной крышей пристраивался большой двор, что позволяло обслуживать животных, не выходя на улицу. Над двором располагалась поветь, где хранился корм для животных. На поветь можно было заехать на лошади, например с возом сена, по специальному пандусу, который называли въезд, или заезд, а говорили обычно «зъезд». Подать сено корове или лошади можно было просто спустив его в отверстие на повети. Обычно двор был холодным, то-есть, ни стены, ни потолок, ни большие ворота для заезда во двор на санях или на телеге, не

утеплялись. Лошадей держали во дворе весь год, поскольку они не боятся мороза, достаточно, если есть защита от осадков и ветра. А для коров и овец нужен был ещё и тёплый хлев. Его пристраивали к двору отдельно, или строили внутри двора. Кур разводили немного, чаще всего две-три штуки и зимой их держали прямо в избе в клетке, её обычно называли «курятник». От кур был не слишком приятный запах, но к этому как-то привыкаешь.

Сенокосы общего пользования распределялись также, как и пашня. При этом проблем было ничуть не меньше, тем более, что отдельную пожню невозможно разбить на мелкие полосы, а разные пожни могут очень сильно отличаться друг от друга по качеству и количеству сена. Поэтому применялась схема поочерёдного владения разными пожнями. А при этом надо было учитывать ещё и состав семьи. Это же настоящая головоломка! Также можно было иметь свой собственный сенокос, который семья могла освободить от леса и привести в нужное состояние. Такие участки назывались «чищенинами» и их количество и площадь также не ограничивались.

Сено было основным кормом для лошадей, коров и овец. Траву скашивали косами, называемыми «горбуша», рис.4.

Рис.4 Коса «горбуша»

Усола ручку топора называли «топорище», соответственно, рукоятка косы именовалась «косьё». Горбушу держат двумя руками за косьё и косят траву нагнувшись, ударяя по очереди направо и налево, меняя положение рук. Видимо, отсюда и название косы — работать надо было сгорбившись. Лезвие косы производилось ковкой из стали самого высокого качества и тщательно закаливалось. Косу, как и

топоры, точили на круглом точиле из природного камня, встроенном в специальный станок, в котором точило касалось воды, налитой в корыто. Крутить точило - тяжёлая и утомительная работа. У такой косы есть одно важное преимущество — она позволяет срубить мелкий кустарник и даже небольшие деревья, что весьма существенно, если учесть, что наши пожни всегда расположены посреди леса. Стоит только один год оставить участок не кошенным, как он сразу начинает зарастать ивой и деревьями.

В Усолье не имели понятия о косах «стойках», или «литовках», как их ещё называют. Появились они, пожалуй, только в конце пятидесятых годов в колхозе и быстро вытеснили горбуши, поскольку работать литовкой намного легче. Правда, мой дядька Митька так и не променял горбушу на литовку до самой своей смерти. Он утверждал, что работа с горбушей производительнее и возможно он прав, так как за один замах этой косой можно скосить больше травы, чем стойкой. Есть и ещё одно преимущество горбуши — закалённое лезвие хорошо держит остриё; хорошо наточенной косой можно было работать целый день без необходимости правки острия брусом.

В колхозе основную часть сена скашивали конной косилкой, но совсем от ручной косьбы отказаться было нельзя, так как значительная часть наших пожней расположена на неудобных местах: на крутых склонах, в узких кулигах, на очень сырых местах куда на косилке не проехать. Ещё будучи школьником я уже работал на сенокосе. Бригадир выдал мне косу-стойку среднего размера. Я сам насадил её на рукоятку и всегда сам точил и отбивал. На первых порах работа казалась очень тяжёлой, ладони покрывались кровавыми мозолями. По утрам казалось, что не сможешь даже встать на ноги, но как-то удавалось преодолевать усталость, а когда втянешься в ритм работы, становилось легче.

У нас не говорили «заготавливать сено», всегда использовали термин «ставить сено». Сено свозили и укладывали («метали») в «зарод». Для этого в землю в ряд втыкались жерди («острови»), промежутки между соседними островами назывались «промежками», которые заполнялись сеном до верха островей. На пожнях посреди леса сено просыхало не слишком хорошо, особенно если погода была пасмурной. Поэтому зарод делали потоньше, чтобы сено могло подсыхать на ветру. Дополнительно с боков сено ещё и приподнимали с помощью кольев («подпор»). Кучи сена подвозили к зароду на

саях, применять волокуши, как это делают на больших лугах, у нас невозможно, слишком неровная поверхность пожен. Никогда не ставили копен, как это делали обычно, например, в деревне Репаново.

Кстати, в деревне пользовались саями круглый год. Наверное, у постороннего человека эта моя фраза вызовет недоумение. Но дело в том, что в окрестностях Усоляя практически не было более менее приличных дорог. Почти ни на одно поле и ни на одну пожню на телеге не попасть. Конечно, на саях летом много груза не увезёшь, но понемножку можно. По песку сани вообще тащить почти невозможно, но у нас песчаных почв практически нет, а по глине, в особенности когда она влажная, сани скользят довольно не плохо. Ещё лучше, когда едешь по густой траве. Была единственная дорога, по которой ездили на телеге — это дорога в Морж и в Усть-Морж. Ну, конечно, на телеге можно было ездить и по деревенской улице, между домами. Не знаю, имела ли каждая семья телегу в прежние времена, но при колхозе в нашей колхозной бригаде всего было две телеги, поочерёдно на одной ездили, вторую ремонтировали. Всё-таки раньше, скорее всего, каждый хозяин имел телегу; было бы как-то странно, если бы для поездки, например, в Морж надо было просить телегу у соседа. На телеге каждый день дважды возили молоко с колхозной фермы на маслозавод в Морже, всего десять километров. Бригадир мог также разрешить воспользоваться телегой, если кому-то надо было что-то свезти в Морж, или на пристань в Усть-Морже, или может быть даже в другие деревни на почтовом тракте (на большой дороге). Ну, а так всегда и везде только сани.

Коров и лошадей, как в прежние времена, так и в колхозе, выпускали на выпас обычно в лес, где возле ручьёв, или на вырубках достаточно травы. Пожни от леса отделяли изгородью (называли «осек»), которая проходила по верху угоров, образующих края речной долины. Осек делался примитивным, в две-три жерди. Тянулся он на много километров и каждой весной организовывалась специальная бригада, которая приводила осек в порядок. На территории самой деревни также все поля и покосы отделяли изгородями от «поскотины», на которой скот гулял свободно. Приходилось огораживать также навины и чищенины, если они располагались за пределами осека. Так что изгородей (называли «огородами») приходилось строить очень много, они были повсюду, куда не пойдёшь.

После уборки сена, скот выпускали на пожни, но перед этим все

зароды также окружали огородами («остожьями»). Кстати, хорошо построенная огорода служит очень долго. Считалось, что огорода, построенная с применением можжевельных кольев, осиновых жердей и чащевых (еловых) виц, служит сто лет. Чащевые вицы делали из тонких длинных ёлочек, растущих в густой чаще, расколотых вдоль на две половинки.

В продолжение всей зимы сено по мере надобности свозилось в деревню. Чтобы подъехать к зароду, приходилось своими ногами проминать дорогу, по глубокому снегу лошадь не идёт, она начинает неуклюже прыгать, ломая постромки. Воз с сеном по зъезду завозили прямо на поветь, где его просто опрокидывали с саней, лошадь разворачивали и выезжали обратно. Ясно, что поветь для этого строилась достаточно просторной. Без зъезда пришлось бы подавать сено на поветь вилами. Кстати, и при колхозе точно так же по зъезду заезжали на колхозные коровник и конюшню. Исходя из наличного скота хозяин приблизительно знал, сколько промежков сена ему надо на зиму. Излишки сена продавали, на него всегда был спрос.

Лесозаготовки

Для окружённого лесами Усолья, лес всегда имел огромное значение: там собирали грибы и ягоды, охотились, гнали смолу и дёготь, из дерева делали почти всю домашнюю утварь, из леса рубили свои избы, лес рубили на дрова. Конечно, с давних пор рубили лес и на продажу, чему способствовало наличие речки, позволяющей сплачивать лес к Северной Двине для отправки в Архангельск.

Крестьяне считали лес как бы ничейным (божьем) и никаких притеснений в вопросе лесопользования не имели. Даже ещё в пятидесятых годах, когда лесозаготовкой начал заниматься леспромхоз, казалось, что леса наши бескрайние и неисчерпаемые. Если бы тогда кто-то сказал, что не пройдёт и пятидесяти лет, как лес будет практически полностью уничтожен, над таким человеком просто посмеялись бы.

В основном усольские леса еловые, только на довольно редких сухих песчаных местах растёт сосна. Сосна растёт и на заболоченных участках, каких у нас предостаточно, но там она более низкорослая, далеко не первый сорт. Конечно, почти везде имеется примесь берёзы и осины. Вблизи Усолья практически не встречается ни лиственница

ни пихта, хотя вообще-то в северной тайге они имеются. Для строительства своих изб заготавливали в основном сосну, при этом каждое дерево тщательно выбирали, часто для рубки деревья отбирали после коллективного обсуждения. Мой дед рассказывал, что если по ошибке срубали не подходящее дерево, которое приходилось забраковать, то потом мужики долго сокрушались, хлопая себя рукавицами по бокам. Вообще к лесу относились с любовью, не допускали легкомысленного отношения к нему, панически боялись лесных пожаров, которые могли охватить огромные пространства, а то и уничтожить саму деревню. На моей памяти было всего два лесных пожара в окрестности Усолья. Один пожар был в верховьях Усолки. Мы со страхом смотрели на столб дыма, поднимающийся над лесом довольно далеко от деревни. Прилетел пожарный самолёт и сбросил два мешка с железными лопатами (без рукоятей). Был организован отряд для тушения. Вскоре дым перестал подниматься, скорее всего пожар погас сам после дождя.

Второй пожар был вблизи посёлка Хетово, это место с тех пор называется «Чистое». Выгоревшая площадь не очень велика, её и сейчас через 70 лет после пожара хорошо заметно — там смог вырасти лишь редкий уродливый сосновый лесок. О том, каким был этот сосновый бор до пожара можно судить по незатронутой огнём полосе леса между теперешней дорогой на Архангельск и посёлком. Кстати, можно только порадоваться тому, что у жителей Хетово хватило ума не вырубить и сохранить этот прелестный, чудом уцелевший при пожаре остаток соснового бора. На этом примере каждый может прикинуть, сколько времени требуется для полного восстановления сгоревшего, или подчистую вырубленного, леса. Я помню, как после пожара на Чистом ещё много лет стояли чёрные обгоревшие сосны. Постепенно их вырубали на дрова. Потом был период, когда на очистившемся пространстве всегда росло очень много брусники, так что жителям Хетово за нею не надо было ходить далеко.

В Усолье лес для строительства сплавляли по реке весной по высокой воде или вывозили на лошадях зимой. Перед строительством лес сушили один-два сезона. Основным инструментом был топор, поперечные пилы в деревне появились, видимо, не раньше 18 века. Ещё сравнительно недавно можно было найти постройки, в которых торцы брёвен не отпилены, а отрублены топором. Продольные пилы

для производства бруса и досок стали применять в деревне ещё позже, видимо, только в 19 веке. Я запомнил, что у нас над двором крыша была сделана из желобов, вытесанных топором. Не думаю, что лес в больших объёмах заготавливали для продажи когда ещё пил не было. Ну, может быть если только отдельные особо ценные деревья, например, для кораблестроения по каким-то «спецзаказам». Да и в более поздние времена для заказчиков из Архангельска могли рубить в Усолье, только отборный, «кондовый» лес. Отобранные деревья рубили и подтаскивали к реке лошадьми. Полоса рубки вряд ли была шире двух — трёх километров, так что основные лесные пространства были практически не доступны. Сплав на Усолке возможен только весной при высокой воде.

Сплавляли лес исключительно в плотах, обычно их называли плитками. Крестьяне умели мастерски строить такие плоты без металлических связей. Брёвна связывали с помощью витых берёзовых виц. На самом деле это даже и не вицы, а тонкие и длинные деревца, которые часто встречаются в густом еловом лесу. Вицу скручивают с помощью рычага, наматывая на ствол отдельно стоящего дерева. Затем из такой вицы свивается кольцо, позволяющее скрепить два бревна с помощью специального, довольно хитроумного приёма. Я видал, как сооружаются такие плоты и не раз строил их сам. На плот нагружались бревна в два, а то и в три ряда. Усолка очень извилиста, а весной течение в ней быстрое. Поэтому сплавщику надо стоять на плоте и с помощью шеста управлять движением, отталкиваясь от берегов. Плот, отпущенный в свободное плавание, непременно будет ударяться о берег, крутиться и наверняка сядет на мель, снять с которой его невозможно. Придётся брёвна распускать и сплачивать заново. При сплаве в плотах не теряется ни единого бревна. Не знаю, как транспортировался лес в Архангельск до появления пароходов. Вряд ли реально сплавить плот по Северной Двине по течению, управляя им вручную; слишком много препятствий надо преодолеть. Возможно, что лес возили на баржах под парусом. Тянуть баржу бечевой по Двине, как это делали на Волге, невозможно. В этом каждый может убедиться просто погуляв по кромке воды на нашей великой реке.

Массовые заготовки леса начались только при советской власти ещё до войны. Одно время существовал лагерь заключённых, построенный в верхнем течении Усолки километрах в 20 от деревни.

Но существовал он недолго, видимо власть быстро поняла, что намного проще принудительно отправлять крестьян на лесозаготовки в зимний период. В пятидесятых годах для заготовки леса в Усолье был создан лесопункт. Были организованы контора, пекарня, магазин и даже некоторое время работала столовая, поскольку в деревне появились приезжие люди. Очень быстро ближайший лес был вырублен и лесопункт переместили вверх по Усолке, где был построен небольшой посёлок Красное. Появились трактора, электрические, а затем и бензиновые пилы, объёмы вырубаемого леса быстро росли. Срубленный и раскряжёванный лес складывали в штабеля на берегу Усолки, а весной скатывали в воду. Такой сплав называется молевым. Наша маленькая речка мало пригодна для сплава. Брёвна постоянно застревают и вместе со всяким хламом образуют заторы (заломы по-нашему), которые затем приходится растаскивать. Практически приходилось лес вручную проталкивать вниз по течению. Я запомнил год, когда половодье было низким и лес не успели вытолкать в Северную Двину, он остался в воде на лето и на последующую зиму. При большой воде лес расплывается по всей долине речки, по старицам и по кустам, откуда его невозможно достать. Хотя местами устраивали специальную «обоновку», для удержания брёвен в русле, но всё-равно потери были большими. Ещё и теперь можно найти по кустам завалы леса, много брёвен намокало и тонуло, захламляя нашу маленькую речку. Кстати, модем невозможно сплавлять ни берёзовые, ни осиновые брёвна — они моментально намокают и тонут. По этой причине лиственные породы вообще не рубили и после рубок лес кардинально менял свой видовой состав. Полностью изменилось отношение к лесу - в глазах жителей он потерял всякую цену. И действительно, чего его жалеть, если он вокруг занимает необозримые пространства, а срубить дерево механической пилой — всё равно, что «раз плюнуть».

Поскольку сплав по Усолке — сплошное мучение, стали строить лесовозную дорогу уже для лесовозных автомобилей. Лесной посёлок перебазировали на Северную Двину и назвали его Рязаново, видимо в память о втором, административном названии Усоля. Рядом с деревней лес официально был закреплён за колхозом. Поскольку он всегда интенсивно эксплуатировался жителями, то там мало было строевого леса. Впрочем, всё-таки ещё можно было найти участки, где можно нарубить, например, на строительство дома. Когда колхоз

ликвидировался, этот лес также вырубил леспромхоз. Ему для этого хватило одного зимнего сезона. Теперь возле Усолья, а также и на сотни километров вокруг, леса нет, и если бы вдруг, как в сказке, потребовалось бы строить избу, пришлось бы закупать материал где-то на стороне.

Молодые люди наверное удивятся этим моим словам — как же нет леса, если он растёт везде со всех сторон. Но нынешний народ уже и понятия не имеет, что такое настоящий, девственный лес. На самом-то деле то, что теперь растёт вокруг — это лишь жалкое подобие былой могучей тайги. За годы, когда работали под лозунгом «больше леса стране» «бездонные» лесные богатства всего нашего северного края были бездарно загублены. Огромное количество вырубленного леса так и не дошло до потребителя. Много леса осталось лежать и гнить на лесосеках, огромное количество было вбухано в строительство так называемых лежневых лесовозных дорог, много утонуло, застряло на берегах при молевом сплаве, уплыло в море, пошло в отходы при распиловке по устаревшим технологиям. Я думаю, что общие потери составляют значительно больше половины всего срубленного леса. Народ практически ничего не получил за лес, который вообще-то должен бы принадлежать ему по праву. Не было построено ни хороших посёлков, ни дорог, да и зарплату за работу в лесу не назовёшь достойной. Доставленный в Архангельск лес пилили на доски, которые в основном были проданы за границу. На что были истрачены полученные доллары, никто теперь уже и не знает. Тогда местное население было уверено, что вырученные за лес средства идут на помощь нашим зарубежным друзьям и братьям. Наверное так и было, а теперь вместо благодарности эти «братья» считают нас главными врагами, виновными во всех их бедах.

Предполагалось, что оставляемый при рубке мелкий лес быстро подрастёт и через пятьдесят лет снова можно проводить рубки. Ничего подобного. При сплошной рубке, да ещё с применением тракторов, на месте леса остаётся чистое поле и новый лес тут не вырастет и через двести лет. А то, что подрастает совсем не похоже на тот девственный лес, что когда-то казался бескрайним. Растёт в основном трава, кустарник, берёза и осина. Даже тот лес, что рубили в пятидесятые годы ручными пилами и вывозили на лошадях, сейчас всё ещё не годится для рубки. Он мелок, имеет не тот состав, да и сами деревья кажутся какими-то недоразвитыми. Те лесозаготовки,

что имеют место теперь после краха советской власти, мизерны по сравнению с былыми. Да и рубят в основном леса первой группы, то есть те, очень небольшие участки, что считались водоохранными и даже при том безобразии, что тогда творилось, их всё-таки сохраняли. Теперь же действуют по принципу — нельзя, но если очень хочется, то можно. Кстати, и сейчас, даже и при этих небольших объёмах рубки вид лесосеки у наших лесорубов, как и раньше, может привести в ужас непосвящённого человека.

Искусственным восстановлением вырубленных лесов в наших местах никогда не занимались. Правда, нас школьников одно время заставляли собирать шишки, учили, как их высушить и вытрясти семена. Видимо, были попытки засеивания вырубленных площадей. Но эта работа практически бесполезна, семян высевается достаточно естественным образом, но на вырубке вырасти дерево из семени не способно, его глушит мох, трава, кустарник. Необходимо выращивать саженцы в питомниках, но это требует больших трудов и затрат и в наших краях почти не практиковалось. Хотя существовал лозунг: «срубил дерево — посади два», но на деле это только пустые слова.

Массовые лесозаготовки были одним из факторов (может быть даже главным), приведших впоследствии деревню к умиранию. Именно в леспромхоз перебралась в итоге основная масса усол, поскольку там давали хоть какую-то зарплату, в колхозе же приходилось работать бесплатно. Большинство усольских изб были перевезены в посёлок Хетово, составляющий с посёлком Рязаново по сути одно село. Лишь несколько домов, хозяева которых остались работниками совхоза, были перевезены в Морж.

Ремёсла

Жители Усоья, можно сказать, до самых колхозов вели практически натуральное хозяйство — почти всё, что потребляла семья, производилось самими её членами. Если что-то и приобреталось на стороне, то чаще путём натурального обмена. Деревня была в стороне от большой дороги и привозные товары попадали туда редко. Да и сами усолы мало что продавали на сторону. Естественно, что жители деревни знали ремёсла и многое умели.

Попробую описать здесь некоторые ремёсла; многие из них практиковались ещё на моей памяти и я отлично помню всю их

«технологию». Больше того, кое-что я умею делать сам. Например, я элементарно смог бы организовать производство дёгтя, если бы только он был нужен хоть кому-нибудь. Таких, теперь уже бесполезных «умений», у меня достаточно много.

Итак, начнём с плотницкого дела. Практически любой мужчина в деревне умел плотничать. Я вообще не представляю деревенского мужика, не умеющего срубить избу. За такого человека не пошла бы замуж ни одна невеста. Но, разумеется, что уровень плотницкого мастерства был далеко не одинаковый. Обычно при постройке избы составлялась компания из родни и соседей в три — четыре человека. Если плотники были опытные и был заготовлен хороший лес, срубить пятистенник (я имею ввиду только стены) они могли за две — три недели.

Для Усолья, да и для всех окрестных деревень тоже, наиболее типичным был дом пятистенник. То-есть он имел четыре наружных стены и одну внутреннюю — перегородку. Таким образом получалось две комнаты: та, что больше была собственно избой и в ней находилась русская печь, а меньшая называлась горницей. Эти две комнаты могли сообщаться через дверь, или иметь просто проём в стене, иногда довольно широкий. Сзади к дому обязательно примыкал двор, очень часто он был больше и выше самого дома. Между домом и двором располагались сени, через которые можно было пройти из избы на поветь. Входная лестница могла располагаться в сенях, или пристраивалось наружное крыльцо. Внутри двора или позади него снаружи обязательно рубился тёплый хлев для коров и овец.

Можно сказать, что дом такой конструкции был минимальным и владельцы его относились к беднякам. Например, в Бухреках все Карельские имели такие дома. Семьи побогаче строили дома попросторнее, в частности, рубилась ещё одна шестая стена. Теперь уже получалось четыре комнаты. Из избы через дверь можно было пройти в две передние комнаты — так называемый «перёд» и горница, а через вторую дверь располагалась комната, называемая боковой, или просто «боковушкой». Сени, двор и хлев располагались также, как и у пятистенника. Позади всех этих построек могла быть расположена ещё одна, вполне самостоятельная изба, называемая «подызбицей». Чаще всего это был пятистенник небольшого размера. В подызбицу вся семья переселялась на житьё в самые суровые зимние месяцы. Делалось это в целях экономии дров, поскольку для

отапливания в морозы большого дома, имеющего кроме русской ещё одну, а то и две печи - «голландки», требовалось очень много дров. Хотя кругом в изобилии рос лес и заготовка дров никак и никем не ограничивалась, но это работа тяжёлая и требует времени. А во времена, когда не было пил, это было ещё труднее в несколько раз. Рубить толстое дерево на чурки топором немыслимо вообще, значит, в те времена для дров использовали только тонкие деревья, которые не дают много жару.

Может быть именно ещё с той поры и пошла традиция переселяться на зиму в подызбицу. При наличии подызбицы, главный дом не оборудовался зимними рамами, в нём можно было иметь меньше печей, да и утеплять его не требовалось так уж тщательно. Из подызбицы также был проход на поветь. Так что всё довольно внушительное строение находилось под общей крышей и все хозяйственные дела, включая уход за скотом, можно было выполнять не выходя на улицу. Очевидно, что это было очень разумно в условиях нашего климата.

На моей памяти подызбиц уже почти не было. Пожалуй, у одного только Попова Проньки была подызбица, а поскольку сын Проньки Колька был моим другом, то я много раз бывал у них в этой подызбице. В общем-то она была похожа на обычный пятистенок, но не имела высокого подклета — пол был почти на уровне земли. Потолки в подызбице тоже были низкие, так что она была почти вдвое ниже основного дома. В подызбице были маленькие окна и низкие двери. Кроме русской печи стояла ещё и железная печка, но она, скорее всего, была сделана уже в более позднее время, раньше никаких железных печей, конечно, не могло быть.

Усольские плотники умели рубить «в чашку» и «в лапу», но предпочтение отдавали первому методу, более надёжному, хотя и более трудоёмкому. Почти всегда фундамент дома был деревянным — по периметру сруба в ряд без промежутков вкапывались в землю короткие «колоды», а для поддержания балок пола могли быть вкопаны ещё и внутренние столбы. На фундамент клали толстые смолистые брёвна, называемые «окладными». Конечно, деревянный фундамент относительно недолговечен и через какое-то время его приходится менять. Работа эта тяжёлая и «не благодарная». Мне кажется, проще было построить дом просто на камнях, положенных на землю. Именно такой фундамент был у новой усольской церкви,

под которой лежали валуны внушительных размеров. Правда, надо сказать, что в Усолье камни были редкостью. Найти их можно было только в русле реки на перекатах. Достать камни из реки и вытащить на угор — работа не из лёгких. Возможно поэтому и предпочитали деревянные фундаменты.

Во времена, когда ещё не было продольных пил, плахи для пола и потолка, а также желоба для крыши вытёсывались топором. Топором же вытёсывались и детали окон, дверей, вспомогательные элементы кровли и так далее. Именно отсюда и пошло название «тёс». Так всегда называли брус и доски даже и тогда, когда их уже выпиливали. Все знают выражения «тесовая крыша», «тесовые ворота», или из песни - «по мосткам тесовым вдоль деревни». Производство тёса — занятие тяжёлое и специфическое. Существовали артели, специализирующиеся на этом деле, и называли их «кольщиками». Для вытёсывания плах или жёлобов выбирались прямослойные сосновые деревья без свилеватости. Выбрать такое дерево по некоторым характерным признакам могли только опытные специалисты. С помощью клиньев дерево раскалывали на две плахи. Для пола и потолка достаточно только выравнять и выстрогать поверхность плах. Для крыш вытёсывались желоба — толстые доски, плоские с одной стороны и имеющие вид корыта с другой.

Конструкция кровли была оригинальной и очень надёжной. На установленные стропила укладывалось по два продольных бревна с каждой стороны двухскатной крыши. В эти брёвна и в стены дома врезались специальные кронштейны, называемые «курами». На куры укладывались «поточники» - брусья, вытесанные по форме швеллера. Желоба укладывались на продольные брёвна, а нижние концы их вставлялись в поточники. Верхние концы желобов закрывались тяжёлым «хлупником» - брусом в форме уголка. Для красоты конец хлупника на фасаде дома часто вытёсывался в форме головы коня. Поэтому и всю верхнюю кромку крыши обычно называли коньком.

Из колотых плах обычно делали и лавки, которые устанавливали вдоль стен избы. Внутренние стены дома обтёсывали с помощью специального асимметричного топора и строгали рубанком. Внешние стены никак не обрабатывались и под воздействием атмосферных факторов они становились тёмно-серыми, почти чёрными.

В старые времена избы были «курными», то-есть печи в них не имели дымохода и топились «по чёрному». Моя бабушка ещё

помнила такие избы. Верхняя часть стен и потолок покрывались толстым слоем сажи, но внизу стены и пол были чистыми, поскольку при топке печи дым держался вверху. Чтобы поддерживать такой режим циркуляции воздуха, надо было или держать открытой дверь на улицу, или должно быть открыто специальное окно, расположенное на уровне пола. В избе во время топки вверху воздух быстро нагревался и там становилось жарко, а внизу у пола зимой могла быть даже отрицательная температура. В принципе, печь почёрному была эффективнее в отношении расхода дров, поскольку тепло не уходило наружу через дымоход. Ну, а в целом, ничего хорошего нет в курной избе.

Уже в конце девятнадцатого века «курные» избы вышли из обихода и русские печи стали строить с дымоходом. Печи выкладывали из кирпича или строили глинобитные. Ещё на моей памяти наш дед делал глинобитную печь в старом доме, где они жили зимой. Кроме русской обычно в доме была и печь «голландка». Я не знаю, как давно появилось это заморское название печи в нашей деревне. Русская печь всегда располагалась в избе, а голландки могли быть в горнице или в боковушке. Часто их делали в проёме между двумя комнатами для обогрева «переда» и горницы. Дымоход из голландки обычно выводили в дымоход от русской печи.

Выработкой кирпича занимались многие. Чаще всего его формировали просто на столе с помощью примитивной формы. Выталкивали кирпич из формы руками. Более мастеровитые сооружали деревянный станок, на котором кирпич (обычно сразу пару) выталкивался путём нажатия ногой на рычаг. Работа со станком легче и производительнее. При любом способе глину месить приходилось руками и работа эта тяжёлая и грязная. Дед Николай использовал станок, сделанный ещё моим отцом, сам дед станок не стал бы делать. Не потому, что не сумел бы, а просто он не любил делать лишнюю работу, без которой и так можно обойтись. Часто кирпич при кладке печи использовали без предварительного обжига, но иногда и обжигали. Обжигом всегда занимались на берегу Усолки. Кирпичи укладывали вперемежку с дровами по особой схеме укладки. Достаточно было поджечь дрова, подождать пока они прогорят и после остывания кирпичи можно использовать.

Я не видал ни в одной окрестной деревне домов с мансардой, почему-то она не применялась. Часто строилась так называемая

«вышка», но она имела чисто декоративное назначение. Чердак («подволоку») использовали для хранения всяких вещей, которые стали не нужными, или требовались не часто. Очень редкими были двухэтажные дома. Кажется, в Усолье было два-три таких дома, но на моей памяти был только один дом в Лёхово. Большинство домов были на высоком подклете, то-есть имелся подвал, в котором можно было ходить в полный рост (так было, например, в нашем доме), или немного согнувшись. В принципе наш дом можно было бы превратить в двухэтажный, проделав в подвале окна и настелив полы.

Столярным ремеслом владели уже далеко не все. Эта работа считалась более «тонкой», к тому же требовался специальный и дорогой инструмент. В некоторых семьях были потомственные столяра, мастерство передавалось от поколения к поколению. Основными, пользующимися наибольшим спросом, изделиями столяров были двери и рамы. Делали также столы, стулья и табуретки, разные полки и прочие хозяйственные мелочи. Хорошие столяра могли делать шкафы для продуктов, для посуды и для одежды, сундуки.

В деревне не было потребности в больших бочках, наподобие тех, что применялись на морских рыбных промыслах. Кажется, что в деревне не было и бондарей, по крайней мере на моей памяти их точно не было. Небольшие бочонки для пива делали столяры. Любой столяр мог также делать ушаты, которые проще по конструкции, чем бочки. У некоторых мастеров ушаты были настоящими произведениями искусства. Их использовали для соления грибов, капусты, рыбы и мяса, для хранения муки, зерна, соли и вообще всяких сыпучих продуктов, ушаты применяли в качестве квашни при выпечке хлеба и шанег, в ушатах запасали квашенное молоко на тот период, когда коровы не дают молока, в ушатах запасали на зиму бруснику в толчёном виде или морошку, в которую просто добавляли воду и так далее. Много у столяров было работы по изготовлению разного хозяйственного инвентаря: грабли, вилы, приузы, деревянные лопаты, топорища, а раньше ещё и сохи с боронами. Короче говоря, профессия столяра в деревне была весьма востребованной.

В некоторых семьях традиционно были мастера по строительству саней, телег, по катанию валенок, по шитью сапог и одежды, по плетению лаптей, корзин, кузовов, по строительству лодок, по выделке кож, по витью верёвок, по изготовлению конской упряжи и

так далее.

Важным и довольно доходным было смолокурение. Это довольно сложная технология. Смолу добывали из старых, засмолившихся пней (называли «осмол»), которые выкорчёвывали на месте прошлых рубок леса. На сухом месте с крутым склоном выкапывалась яма, снабжённая лотком для стока смолы. В яму загружали осмол, сверху укладывали дрова и засыпали землёй. Дрова поджигали и они медленно горели при ограниченном доступе воздуха. В смоляной яме поднималась настолько высокая температура, что начинал плавиться шлак. Только при такой температуре вытапливалась смола, которая стекала по лотку в подставленную посуду. Весь процесс был длительным и занимал несколько дней.

На моей памяти смолу уже не гнали, но я помню смоляные ямы с большими кучами шлака возле них. Этот шлак имеет вид пористого камня с вкраплениями древесных углей. В деревне потребность в смоле была не слишком велика. Применяли её для смазки тележных осей и для просмаливания лодок. Но лодки в Усолье нужны были только во время половодья и на всю деревню их было штуки две-три, не больше. Не знаю, строили ли лодки для продажи на сторону. Но смола пользовалась большим спросом в кораблестроении и в некоторых других производствах и стоила она дорого. Поэтому в основном смола шла на продажу.

Более простым и лёгким был процесс гонки дёгтя из бересты. Бересту мелко нарезали и укладывали в металлический бак, а раньше, по-видимому, в керамическую посудину. Бак закрывался крышкой с отверстием и устанавливался над ямой вверх дном, так, чтобы дёготь мог стекать через отверстие в крышке. В яму ставилась посуда для дёгтя. Котёл обкладывали дровами и поджигали. Для образования дёгтя не нужна такая большая температура, как для смолы. Это производство я видел и даже сам принимал в нём участие. В деревне дёготь применяли в основном для смазки сапог. Обладает он и некоторыми лекарственными свойствами.

Кузнечным делом в Усолье занимались, кажется, только одни Арефины с Горки. Их кузница располагалась внизу у реки. Позже она была в ведении колхоза, но работал в ней Костя Арефин — представитель всё той же семьи. Арефины же были и мельниками. Кажется, в Усолье никогда не занимались гончарным делом. По крайней мере на моей памяти в деревне не было ни одного гончара.

Обычно глиняную посуду, а также металлическую, фарфоровую и стеклянную покупали на стороне.

Каждая семья имела баню, которые всегда располагались внизу у речки по соображениям пожарной безопасности и чтобы ближе носить воду. Бани всегда были «чёрными», имели печки — каменки, над которыми на проволоке подвешивался котёл для воды, обычно чугунный, реже медный. Ну и отдельно, чаще на виду перед фасадом дома, на самом угоре строился амбар для зерна. Семья всегда имела также погреб, который строили на сухом возвышенном месте, часто за пределами деревни. Я не помню, чтобы у кого-то погреб был в подвале дома, как это делается в более южных районах. Богатые семьи имели гумно, обычно им пользовалось несколько семей из родни, более бедные — только овин, и молотили хлеб прямо на утрамбованной земле под открытым небом.

Огромную часть времени у крестьянок занимало изготовление одежды. В старые времена крестьяне носили почти исключительно одежду собственного производства. Со временем в деревню стали попадать привозные ткани, но ткачество существовало ещё и на моей памяти. В позднее время в Усолье выращивали только лён, но раньше сеяли и коноплю. Лён надо было выдергать с корнем, какое-то время подержать его разосланным прямо на пашне, затем собрать и высушить, размять и прочесать. Получалась куделя, похожая на длинные светлые волосы. В долгие зимние вечера крестьянки пряли эту куделю.

В Усолье не знали прялок с ножным приводом, а пряли примитивно с помощью одного только веретена и прялки, которая удерживалась в вертикальном положении просто тем, что на её кронштейн пряжа садилась. Пряли при лучине, а чтобы не жечь эту лучину в каждом доме, девки с прялками часто собирались компанией. При этом попутно они общались и развлекались, часто на такие вечеринки приходили и парни. Ближе к весне, когда дни становились длиннее пряжей оснащали ткацкие станки и ткали холсты (по усольски «портно»). Работа эта требует хорошего освещения и при лучине невозможна. Затем холсты белили на солнце, расстилая их на весеннем тающем снегу, и после этого шили одежду, как женскую, так и мужскую. Мне ещё пришлось носить кое-какую одежду из самотканого холста. Рубаха из льняного холста очень приятна при носке и необычайно долговечна («ноская», сказали бы в

деревне). Кроме того, второсортная пряжа шла ещё и на изготовление верёвок, необходимых в хозяйстве. Я думаю, что ткацкие станки ещё и сейчас можно найти в некоторых домах; в последнее время ткали на них уже только половики, исходным материалом для которых были нитки, купленные в магазине, и лоскуты из старой одежды.

Если ткачеством занимались в каждой семье, то обувь — сапоги и валенки изготавливали только отдельные мастера. Были также семьи, в которых занимались ремеслом по выделке кож.

Существенным источником денежных средств были так называемые «отхожие промыслы». Крестьяне, прежде всего молодёжь, уходили на заработки в другие места, и прежде всего в города: Архангельск, Онегу, Вологду, Мурманск. Я не раз слышал от своей бабушки, да и от других людей тоже, о родственниках, ходивших «бурлачить», как в деревне называли это занятие. Учитывая, что у жителей отдалённого от «цивилизации» Усолья было меньше возможностей заработать деньги дома по сравнению с теми, кто жил на «большой дороге», отхожие промыслы у нас были более популярны.

Многие из таких «бурлаков» неизбежно оседали на стороне, обзаводились там семьями и это было одной из причин медленного роста деревни. И наоборот, мало находилось охотников переехать на жительство в Усолье из других мест. Рассказывали, что девки, например, из Моржа рыдали и убивались, если отец решал отдать их замуж за усольского парня. Ну, а усольские невесты радовались, если их отдавали на большую дорогу. Так что отток населения из деревни имел место с давних пор, позже, после революции и, в особенности, после войны он принял массовый характер, что в конечном счёте и привело к исчезновению деревни. Но об этом мы ещё поговорим отдельно.

Охота и рыболовство

Конечно, в лесной деревне занимались охотой, но я не думаю, что охота занимала очень уж важное место в жизни усол, такое, как, например, в Сибири. Из пушных зверей самым ценным был, наверное, бобр, но бобры были полностью истреблены ещё в 18 веке. Теперь бобры есть, но они были разведены искусственно. Я помню, как в школе нам говорили, что бобры в Архангельскую область

завезены из Воронежского заповедника, но впервые я увидел их уже только в шестидесятые годы. Теперь их стало слишком много, видимо на них никто не охотится. Мне кажется, что от бобров один только вред — своей беспрестанной деятельностью на плотинах они захламляют речку, поднимают муть, ухудшают качество воды. Да и для рыбы они, наверное, не слишком полезны.

Когда бобров выбили, охотники могли добывать только белку, куницу, зайца, рыжую лису — не слишком ценная пушнина. Наверное можно было продать на сторону шкуры медведей и волков, в них недостатка, конечно, не было. Охотились на лося и на боровую птицу. Водоплавающей птицы в Усолье мало.

Охотники в деревне жили, как правило, не богато и не очень почитались. Хозяйственные мужики осуждали тех, кто весной, когда на поле дорог каждый час, бродят по глухариным токовищам. Была даже поговорка: «рыба да рябы доведут до беды». Вряд ли охотники могли продавать в деревне, например, мясо лося — у всех было достаточно скота.

Не существовало никаких правил и ограничений для охоты. Часто можно встретить утверждения, что настоящие охотники берегли природу, никогда не убивали больше, чем было необходимо и так далее. Должно быть, это верно для охотников промысловиков в Сибири, но у нас я не помню, чтобы кто-то говорил об охране природы, любую дичь убивали всегда, если только для этого появлялась возможность. Я помню, например, как страстный охотник Колька Карельский убил утку, слетевшую из гнезда, которое она почему-то устроила в заросшей травой старице прямо под окнами Колькиного дома. По-видимому, охотников промысловиков, живших исключительно только за счёт охоты, в Усолье никогда не существовало.

Вблизи Усожья нет озёр. В Усолке водится рыба, но речка слишком мала и о серьёзной рыбалке говорить не приходится. Ещё и до сих пор применяется ловля рыбы в Усолке с помощью «еза». Этот ез устраивается на перекате вроде примитивной плотины — забивается два ряда кольев, между которыми укладываются жерди и еловые ветки. В средней части делается проход, в который ставится снасть, называемая «рукав», широкий на входе и заканчивающийся узким тупиком. Рыба, зашедшая в этот рукав, не может из него выйти, поскольку ей не развернуться в узкой части рукава при сильном

течении воды. Много таким способом не поймать, но почти регулярно можно иметь рыбу «на уху». Попадаются щуки, язи, окуни, сорога. Весной в период нереста рыбы иногда ставили и сетки, но очень мало и без большого успеха. Летом на мелководье били налима острогой, а иногда и щук. В конце лета в тёмные ночи били острогой и всякую другую рыбу с лодки с подсветкой из костра на металлической «козе», закреплённой на носу лодки.

В Усолке водится хариус, но вблизи деревни он попадает редко, так как быстро облавливается, за хариусом надо идти в верхнее течение реки. Ловили его в основном на поплавковую удочку или на «дорожку», как и щук. В основном хариуса ловили только во время сенокоса на тех пожнях, которые расположены в верховьях реки, когда уезжали туда на одну-две недели. Специально за хариусом, конечно, не ходили — это слишком трудоёмко, требует много времени, а много хариуса не наловишь. Это теперь рыболовы любители имеют возможность бродить неделями по отдалённым речкам и в результате их рыбалки хариус практически уже всюду исчез. Кроме того, теперь широко применяются надувные лодки с мотором. Такую лодку можно привезти в багажнике автомобиля, а затем подниматься на ней по любой, даже самой маленькой речке. В результате практически не осталось недоступных мест и банды приезжих рыбаков, прекрасно экипированные, истребляют хариуса, да и всю остальную рыбу, не оставляя ей ни малейших шансов. Рыба повсеместно стремительно исчезает.

Почему-то в Усолку не заходит сёмга, тогда как в такую же речку Ваеньга, расположенную на другом берегу Двины, она заходит на нерест. Я слышал, что в старину в Усолке водился мелкий речной жемчуг, но он был истреблён ещё очень давно. Один раз я видел, как наш сосед Василий Рудный поймал в Усолке и принёс домой ещё живого рака. Сам я раков никогда в речке не видел. Может быть их было много когда-то в прошлом.

Для серьёзной рыбалки усолам приходилось ходить на Северную Двину, в пяти километрах от нас и в трёх километрах от Кривца. Конечно, для рыбалки на Двине требовалось иметь там лодку. В Двине можно поймать такую ценную рыбу, как стерлядь, нельму и даже сёмгу и естественно, что усола там рыбачили. Но пожалуй, большую популярность имела рыбалка на озёрах, расположенных в истоках Усолки: Долгое, Великое и Неленгское. Их у нас называли

просто «Большие озёра». Расположены они километрах в тридцати от деревни. Летом ходили туда пешком, а зимой на санях завозили на озёра лодку. Иногда и рыбу с озёр вывозили на лошадях.

В Больших озёрах водятся только щука, окунь и сорога — стандартный для наших озёр набор. Рыбу сушили и солили, при этом сушёная рыба пользовалась в деревне очень большим спросом. Я сам помню, какой вкусной казалась уха из неё. Несмотря на большую отдалённость, озёра привлекали тем, что там в короткое время и без большого труда можно наловить много рыбы. Обычно запасались сухарями и уходили рыбачить на неделю, а то и на две. Я был на такой рыбалке один раз. На Великом была большая просторная изба, рядом с ней под навесом располагалась русская печь, в которой рыбу сушили, помещая её туда на плетёных из дранки противнях. Обычно печь топили утром перед рыбалкой, а рыбу туда ставили вечером. Был также сарай с двумя бочками, наполовину закопанными в землю, для засолки рыбы.

Несмотря на отдалённость от большой дороги, в Усолье не была редкостью и привозная рыба, в частности, морская. Здесь на севере рыбы ловили так много, что хватало всем. Бабушка часто рассказывала, как в старину привозили возами навагу, треску, палтус, зубатку, морского окуня, селёдку.

Дороги

Дороги в Усолье всегда были плохими по причине глинистых почв, болот и неровностей рельефа. Куда бы ты не поехал, со всех сторон угоры и овраги. В дождливую осень и весной глина размокает, разминается ногами лошадей и колёсами и даже по деревенской улице без сапог никуда не пройти. После войны народ с трудом справлялся с основными делами в колхозе, было не до дорог и даже просто выехать из Усоля было проблемой. Однако, в старые времена о дорогах заботились и возможность выехать на телеге на большую дорогу обеспечивалась. Только иногда весной при очень высокой воде Усолье оказывалось отрезанным от внешнего мира, поскольку затапливались мосты. Впрочем, это не касается Кривца, откуда даже и весной можно было проехать в Морж и в Усть-Морж.

Очень большое значение для Архангельской губернии имел так называемый Московский почтовый тракт, называемый в народе

просто большой дорогой. Это была единственная, если не считать водных путей, ниточка, связывающая Архангельск с Вологдой, а через неё с Ярославлем и Москвой. По тракту перевозились грузы самого разного назначения и прежде всего государственная почта. Известно, что в России существовало прекрасно налаженное почтовое сообщение и Архангельск не был исключением. Для обслуживания тракта существовала государственная служба, поддерживающая дорогу в исправном состоянии. Почтовый тракт проходил вдоль Северной Двины, а затем отклонялся от неё и шёл по реке Ваге через Вельск на Вологду. Главными препятствиями на дороге были переправы через речки и ручьи, впадающие в Северную двину. Одним из таких препятствий была наша речка Усолка. Для строительства и ремонта мостов, а также для организации паромных переправ в половодье, выделялись специальные рабочие, которые и поселялись в этих местах.

Один мой знакомый занимается изучением истории Московского почтового тракта и уже собрал много материала на эту тему. Я не буду здесь касаться истории, а ограничусь только тем, что имеет непосредственное отношение к Усолю.

На рис.5 я привёл приблизительную карту прохождения большой дороги на участке в непосредственной близости от Усолки. (Снимок со спутника на участке возле Северной Двины сделан во время половодья в мае, а на территории выше по Усолке — в июле в межень и по этой причине на снимке ширина реки тут внезапно изменяется).

<https://pessim50.ucoz.ru/vykhod1.png>

Рис.5 Схема расположения большой дороги
(старый маршрут) и выхода на неё из Усоля

Здесь показано старое направление тракта, которое впоследствии было изменено. Начиная от деревни Плёсо дорога делала крутой поворот и отклонялась от Северной Двины, пересекая Усолку в месте, называемом Совье. В то время ещё не существовало деревни УстьМорж и, тем более, посёлков Хетово и Рязаново, поэтому дорога шла прямо на деревню Гора. Отклонение маршрута от прямого

направления обусловлено тем, что мост через Усолку на Совьем был раза в два короче, чем тот, что впоследствии стали строить вблизи устья реки. Кроме того, мост на Совьем уходил под воду только при очень высоких горизонтах воды, которые бывали далеко не в каждое половодье, а возле устья территория затапливается практически ежегодно. Второй причиной был глубокий овраг, в котором протекает речка Хетовка возле своего устья, что требовало строительства большого моста и в этом месте. Выше по течению Хетовки овраг практически отсутствует и там нужно построить только низкий одно-пролётный мостик. Почти везде по старому маршруту сухие места с песчаным грунтом. Кто бывал на Совьем, то мог обратить внимание на то, что на спуске с высокого коренного берега Усолки имеются следы земляных работ, выполненных для уменьшения крутизны спуска. Видно также, что дорога эта использовалась длительное время. Я не бывал на левом берегу Усолки в этом месте, и точно не знаю, но предполагаю, что и там можно ещё найти следы от старой дороги.

Дорога, связывающая Усолье с почтовым трактом, начиналась от Бухреков и пересекала Лембовку и ручей Глубокий, на которых были построены мосты. На этой дороге также можно ещё и сейчас увидеть следы земляных работ на подходах к Лембовке, а также у Глубокого ручья. На участке между Лембовкой и Глубоким ручьём дорога пересекала несколько сырых ручьевин, которые в народе называли «грязями». Всего было семь таких грязей. На грязях строились мостки — три или четыре продольных лежня, на которых набирался поперечный настил из тонкомера. Верхний край настила стёсывался для улучшения ровности. Подобные мостки строились практически на всех усольских дорогах, были они даже и на деревенских улицах. Впоследствии, когда выход на большую дорогу был перенесён на левый берег Усолки, дорога из Бухреков использовалась только для сообщения с Горой, а позже — с Хетово и Рязаново. Я много раз ходил по этой дороге и хорошо помню мостки через грязи, которые позволяли ездить хоть на телеге, хоть на санях. Но потом, когда в леспромхозе появились трактора, какой-то недоумок проехал этим путём на тракторе с санями. Полозья тракторных саней делаются из толстых брёвен, стёсанных на конце. Этими брёвнами все мостки были уничтожены и больше они уже не восстанавливались. После этого дорогой пользовались только пешеходы, а семь злополучных

грязей приходилось обходить стороной, проклиная трактора и трактористов.

Примерно в полутора километрах от Совьего имеется пожня, называемая Старый Кривец. Можно предположить, что когда-то деревня Кривец располагалась на правом берегу Усолки на месте этой пожни. Правда, мне не известно ни одного достоверного сведения, подтверждающего это. Обычно следы бывшей деревни сохраняются очень долго: это деревенская улица, которой долго пользовались, ямы с камнями от бывших овинов, ямы от картофельных погребов, кладбища, на месте которых крестьяне никогда не будут что-то строить, или распахать их под поле, или даже косить траву. Ничего такого на пожне Старый Кривец не было, иначе я точно знал бы об этом, поскольку бывал там много раз на сенокосе, за грибами, на рыбалке. При этом сама пожня выглядит очень привлекательно — это ровное сухое место со слабым наклоном к Усолке, красиво обрамлённое лесом из старых берёз. Во время сенокоса там всегда устраивали общий обед. Было также заметно, что на месте пожни когда-то было пахотное поле, но, надо сказать, что в то время было уже много заброшенных полей, превращённых в сенокосы — деревня и тогда уже явно вымирала.

В общем, если и существовал Старый Кривец, то это могло быть только очень давно. Да и вся деревня могла состоять всего лишь из нескольких курных изб, от чего и не сохранилось от неё никаких следов. Деревню эту могли основать только государственные работники, обслуживающие почтовый тракт и мост на Совьем. Никакой другой причины появления Старого Кривца придумать невозможно. То, что деревня расположена не у самого моста можно объяснить желанием жителей быть поближе к Усолю. Кроме того, песчаные почвы около Совьего не слишком плодородны. Была и вполне приличная дорога, от Старого Кривца до почтового тракта (смотрите рис.5). Существовала и дорога от Усоля на Старый Кривец, проходившая по угорам возле Усолки. По этой дороге впоследствии также ходили из Усоля в Хетово и она была хотя и длиннее, но удобнее, в частности, на ней не было «семи грязей».

Можно даже предположить, что для названия участка почтового тракта возле Усолки использовали слово Кривой, поскольку и в самом деле тут имелся весьма крутой изгиб трассы. А тогда можно связать и

название деревни Кривец с названием участка дороги. Впрочем, это только одни мои догадки и ничего более.

В какой-то момент почтовый тракт решили спрямить и он стал проходить по берегу Северной Двины из Плёса на Усть-Морж, Хетово и Гору, так дорога проходит и поныне. На рис.6 я показал схему новой трассы дороги.

<https://pessim50.ucoz.ru/vykhod2.png>

Рис.6 Схема расположения большой дороги
(новый маршрут) и выход на неё из Усолья

Кроме существенного сокращения пути, перенос дороги избавлял от необходимости преодоления крутых подъёмов на Совьем. Видимо, только в это время и появилась деревня Усть-Морж и туда перебрались дорожные рабочие из Кривца. Это подтверждается и тем, что в Усть-Морже имеются усольские фамилии, например Рудные и Уваровы. Имеющаяся у меня родословная позволяет установить, что Уваровы в Усть-Морже имеют общего предка с Уваровыми из Усолья. Наверняка это же можно доказать и для Рудных.

Посёлок Хетово возник в связи с постройкой запани в тридцатых годах, а посёлок Рязаново — в связи с переносом туда лесопункта из Усолья уже на моей памяти. Оба эти посёлка оказались на новом почтовом тракте. Соответственно, появился и новый выход на почтовый тракт из деревни Горка, значение его сильно выросло впоследствии в связи с установкой пристани для пароходов в Усть-Морже.

Деревня Старый Кривец, если она была, на правом берегу Усолки оказалась «не у дел» и постепенно перебазировалась на левый берег, на новую дорогу Горка — Усть-Морж. На речке Шидровка был построен хороший высокий мост, который никогда не затапливался в половодье.

Существовала и дорога на Кривец из деревни Заречье через Лёхово. Правда, на ней никогда не строились мосты и пользовались ею только летом, преодолевая Усолку и Шидровку вброд. Этот путь существенно сокращал расстояние. По этой дороге летом возили

молоко с колхозной фермы на маслозавод в Морже, я сам не раз ездил туда на телеге. Кроме этих двух бродов дорога везде была ровной и сухой. Участок дороги между старым трактом и Усть-Моржем никогда не был хорошим, прямой путь преграждала небольшая, но топкая рада. Пешком ходили через раду по набросанным кое-как брёвнышкам, а на телеге надо было делать большой крюк с выездом на берег Усолки.

Из Заречья в Кривец пешком всегда ходили по тропе (смотрите далее схему Заречья). Через Усолку переходили по «переходе» - бревно, стёсанное с одной стороны и положенное с берега на берег. В качестве перил использовали жердь, прибитую к столбикам. Тропа проходила через Лёхово, через Шидровку всегда перебирались кое-как. По этой тропке я бегал четыре года в школу, расположенную в Кривце, всего два километра.

Существовала дорога и в верховья Усолки, по ней ездили рубить лес, заготавливать сено, за рыбой на Большие озёра. Позже ею пользовался леспромхоз. Эта дорога проходила по правому берегу Усолки и поддерживалась в проезжем состоянии. В частности, через заболоченные места были настланы гати, которые местами можно обнаружить ещё и до сих пор.

Московский почтовый тракт утратил своё значение после постройки железной дороги, перестал обслуживаться и летом сквозной проезд по нему стал невозможен. Только зимой, когда Северная Двина замерзала, им пользовались для связи с Архангельском. Летом эту роль выполнял водный транспорт.

Усольский диалект

В северных деревнях, разбросанных по тайге, наблюдаются явные различия в местном говоре. Почти в любой деревне встречаются слова, которые нигде больше не применяются, даже и в деревнях, расположенных по соседству. В Усолье также имелись явно выраженные особенности диалекта. В частности, усола сильно «цокали», а именно, звуки «ц» и «ч» произносились практически одинаково. Слова произносились приблизительно так: овця, цигун, целовек, цюрка, цяйка, заець, калаць и так далее. Произносилось не чистое «ц», а нечто среднее между «ц» и «ч». Также всегда применялось твёрдое «го» в словах: «кого» вместо «ково», «сегодня»

вместо «сегодня», «цего» вместо «чево». Изменялись окончания многих слов, так вместо окончаний «ый» и «ий» обычно произносилось «ой» или «ёй»: зелёной, красной, берёзовой, «синёй»; окончание «ся» заменяли на «се»: купалсе, ругалсе: вместо «сь» тоже часто говорили «се»: берегисе, помолисe, слово «хочется» произносилось, как «хоцце». Окончание «ет» обычно сокращали: вместо «читает» говорили «читат», вместо «стирает» - «стират» и так далее. Частицу «ка» обычно заменяли на «ко»: «гляди-ко», «попробуй-ко». Произношение слов часто упрощалось, например вместо «поповский» говорили «попоськой», лёховский — лехоськой и так далее. Окончание «я» обычно опускалось: «больша», «маленька», «кудрява».

Поскольку женщины часто были взяты замуж из других деревень, то среди них наблюдалось явное различие в произношении. Некоторые говорили заметно растягивая слова («певуче»), другие, наоборот, говорили быстро, скороговоркой, некоторые женщины вообще не «цокали» и так далее. Привычка к диалекту бывает очень стойкой. Сестру моей матери Анну увезли в Архангельск в возрасте 12 лет, там она прожила всю жизнь, но так совсем и не избавилась от усольского произношения. Забавно было наблюдать, как при её старании говорить «по городскому» то и дело встречались усольские слова и интонации.

В заметке «Забытые слова из моего детства» [здесь](#) на моём сайте я привёл небольшой список слов, которые нигде, кроме Усожья, не слышал, или слышал очень редко. Конечно, очень много таких слов я, к сожалению, не могу теперь уже вспомнить. Если бы их записать в своё время! Многие общеупотребительные слова в Усолье использовали совсем не в том смысле, как в литературном языке.

Приведу некоторые примеры:

На вопрос "чем ты занимался на этой неделе" мужик никогда не ответил бы "заготавливал сено"; он обязательно сказал бы "дак, сено ставил". Вместо "заготавливал дрова", сказали бы "рубил дрова"; действительно, если рубил, то естественно, что для запаса на зиму. Вместо "бревно" скорее сказали бы "кряж", особенно если он толстый. Слово "кряж" применительно к горам не знали, так как о горах и вообще не имели никакого понятия. Вместо "сруби дерево", обязательно сказали бы "ссеки дерево". Никогда не говорили "высечь", например, ребёнка, как это обычно пишут в книгах. Сказали

бы "отстегать", или реже "выпороть", а слово "сечь" использовали исключительно в значении "рубить топором". Никогда не говорили "ловить рыбу на блесну", обязательно - "ловить на дорожку". Слово "спиннинг" вообще иностранное и тогда его ещё не было и в помине. Дорожку можно было тянуть на длинном удище, идя вдоль берега речки, или на озере за лодкой. Вместо "чистить", или "перебирать" ягоды говорили "катать" ягоды. Для катанья ягод применяли специальный деревянный лоток. Наклонив лоток, можно добиться, чтобы ягоды катились, а мусор оставался и его можно было легко убирать.

Вместо "собирать грибы" скорее сказали бы "ломать рыжики", а вместо "собирать ягоды" - "брать ягоды".

Вместо "слышать" чаще говорили "чуять".

Вместо "плакать" говорили "реветь".

Вместо "испачкался" говорили "замарался".

Вместо "солнце зашло" говорили "солнце закатилосе".

Вместо "нянчиться с ребёнком" говорили "водиться с ребёнком".

Вместо "доска" (для крыши) говорили "жёлоб". Дело в том, что до появления продольных пил доски для крыш вытёсывали топором в виде жёлоба.

Бурлачить - вовсе не таскать баржи по Волге, а жить на заработках в городе. Соответственно, бурлаками называли людей, уехавших в город временно или насовсем.

Подорожники - не трава, а шаньги, пироги, или рыбники, испечённые для человека, отправлявшегося в дальнюю дорогу.

Отвальное - застолье по случаю отъезда кого-нибудь в дальние края и надолго. У такого человека могли спросить: "ты отвальное-то будешь ставить?"

Вместо "любить" (в отношении другого человека) говорили "жалеть".

Вместо "подметать пол" обычно говорили "пахать пол".

Вместо лысый говорили плешивый или плехатый, вместо облысеть - оплешиветь или оплехатеть.

Вместо «заноза» (имеется ввиду колючка, воткнувшаяся в палец, или в ногу) говорили «спица»

Вместо «на цыпочках» говорили «на перстиках», что можно перевести, как на пальчиках.

Многие слова произносились неправильно: ладонь — долонь,

янтарный — артальной, общежитие — обсожитиё, молния — молонья, во рту — в роте, нары — мары, земляника — землянка, журавль — журавель, качели — качуля, перчатки — перстчатки (что, кстати, более правильно, так как название происходит от слова перст), телега — телёга, мимо — нимо, каждый — кажный (могли сказать, например: кажинный день идёт дождь) и так далее. Искажались многие новые слова, которые появлялись в связи с техническим процессом. Обычно такие слова изменяли для облегчения произношения. Так вместо велосипед говорили лисопед, аэроплан — ероплан. Все иностранные слова обязательно склоняли: укрыться пальтом, сегодня кина не будет, хочу кофею и так далее.

Вообще, в деревне предпочитали выражаться кратко и никогда не говорили лишних слов, без которых и так уже ясна суть дела. Мне кажется, это полезное качество. Отмечу ещё, что большинство людей, прежде всего мужчин, не были болтливыми и предпочитали больше слушать, чем говорить. Чаще всего беседу вели неторопливую, как бы нехотя роняя отдельные слова. Людей, болтающих попусту всякие небылицы, не любили. Послушав разговор современных женщин, часами болтающих на сороцьем языке, деревенские люди пришли бы в изумление.

Приведу ещё названия полей, лугов, речек и тому подобное. Поля (пашня): Щипичево, Овинное, Середовинсакая (навина), Кортонная, Коневец (располагался на очень длинном мысу, образованном излучиной Усолки), Долгова (большие и малые), Которово, Бродище (там был брод через речку Лембовка), Островки (на самом деле один остров между староречьем и Усолкой), Майданы, «У заводи» (заводью называли огородь, заходившую в реку для того, чтобы коровы по мелководью не обошли заводь и не проникли таким способом на луг), Шидровчи (навина и чищенина), Шестозёрка, Репище (на краю этого поля всегда устраивались хранилища для репы - репа просто зарывалась в песчаную яму и это наилучший способ её хранения), Задворное поле (поле за рядом домов, за дворами).

Речки - притоки Усолки: Шидровка, Лембовка (Лембова), Жаровица, Пертовка, Каменовка, Лаповка (Лапова). Жаровица потому, что вытекает из большого болота, богатого морошкой и клюквой (жаровицей), Каменовка течёт по каменистым перекатам. Остальные названия происходят из чудского языка .

Ручьи: Поперечный, Каменный, Баранов, Вербовский, Глубокий

Омуты: Большой, Пронин, Попов, Подгорный (его иногда называют Дорохиным, там утонул, или умер на берегу по пьянке усольский пожилой уже мужик Дороха. Было это в конце пятидесятых, а может быть даже в шестидесятых годах. Раньше этот омут так не называли).

Пожни (сенокосы): Малые угоры (вовсе они не малые, а наоборот, высокие и крутые), «У клада» (там был холм, сильно похожий на рукотворный курган, считалось, что в нем спрятан клад. На самом деле даже с первого взгляда очевидно, что холм этот естественного происхождения, а басню о том, что кто-то там зарыл клад никто всерьёз никогда не воспринимал), Росомачий нос, Штаны (речка образует два симметричных мыса, с высокого угора они действительно похожи на штаны), Подмалинники, Куфта, Поповы, Ржанчики, Казённая (большая и малая), Глинное, Совье, Берёзовец, Пузыриха, Согра, Ильичёвы заборы (чищенина), Старый Кривец, Старая река (возле старицы Усолки, в этой старице всегда водилось много карасей), Кулёвщина.

Болота: Еремеево (большое и малое). Жаровое, Солоно, Куковское, Васькина рада, Полина рада, Моховая рада
Конечно, большую часть названий я безнадежно забыл.

Многие слова из усольского диалекта явно не русского происхождения. Возникает вопрос — откуда они появились. Очевидно, что эти слова остались в языке от местного населения, жившего в бассейне Северной Двины до прихода русских. Считается, что это народ угро-финской группы языков под общим названием Чудь. Практически никаких сведений об этом народе не известно. Может быть слова из их языка, ещё недавно используемые усолами, и есть то единственное, что вообще сохранилось. Но тогда эти слова представляют научный интерес. Можно попытаться поискать однокоренные слова в существующих угро-финских языках. Из тех слов, что сохранились в моей памяти, мне удалось найти ряд соответствий в языке народа Коми. Вот какие результаты я получил (исходные слова в этом списке взяты из коми-русского словаря):
Бурки — войлочная или суконная обувь с отделкой из кожи (то же и у нас).
Глыза — крупный ком, глыба (то же и у нас, при копке лопатой могли сказать: ты не просто переворачивай землю, а глызья-то разбивай).

Гумла — гумно, рига.

Залом — затор на реке из сплаваемого леса (также и у нас).

Ез — загородка на реке для ловли рыбы (второе название учуг)
(В Усолье слово «ез» означало точно то же самое).

Каля — белый, чайка. Нет сомнения, что от этого слова
происходит название деревни Калы. В деревне Калы белые
известняковые берега реки.

Кар — город, вообще, населённый пункт (видимо, названия
Карпогоры, Каргополь, Карговина и т. д. происходят от этого слова).

Кокора — кора ели (у нас кокора это деталь лодки, вытёсываемая
из корневища ели).

Конда — высококачественный сосновый лес (у нас его называли
словом кондовый).

Косича — висок (то же и у нас, в Усолье произносили, как
«косиця», поскольку «цокали»).

Котыр — гнездо птицы. Возможно, что от этого слова
происходит Которово - название большого поля на окраине деревни.

Кудель — пенька. Шабун кудель — льняная кудель (у нас кудель
(куделя) это комок льна или шерсти, прикрепленный к прялке для
пряжи ниток).

Куколь — капюшон, вообще что-то прикрывающее (ясно, что
слово «кукли» у морошки происходит отсюда. В деревне применяли
также слово куколь - капюшон).

Кулига — поляна в лесу, часть луга, вклинивающаяся в опушку
леса (то же и в Усолье).

Кумельга — водоворот (в Усолье использовали слово
«кумельга» - это что-то сваленное в кучу в беспорядке (сваленное
кумельгой)).

Куржовина — изморозь, иней (у нас закуржеветь — покрыться
инеем).

Курник — пирог с рыбой (то же и у нас, это слово применяли
всюду по Северной Двине).

Курья — залив (в устье Северной Двины так называют
непроточные русла, тоже своего рода заливы. В Маймаксе есть курья
с названием Бочага).

Лёкин — чаща, лесные дебри. Вполне возможно, что название
деревни Лёхово происходит от «лёкин», добавление окончания «ово»
- обычная практика в русском языке. Насколько мне известно, звук

«х» в чистом виде в языке Коми отсутствует, обычно его заменяют звуком «к».

Ляга — бочонок с носиком для воды (у нас лужа, небольшое болото).

Матигогор — окрестности, ближний к чему-то (деревня Матигоры возле Холмогор видимо названа этим словом. Вообще частица «гор» во многих названиях происходит вовсе не от слова «гора», а от этого «гогор» в языке коми).

Мордовка — плетёный кошель для рыбы. (В карельском языке есть также слово *mördu* – верша). У нас словом морда называли плетёную из виц рыболовную снасть.

Наволоок — низменный берег реки (часто встречается, как составная часть названий деревень: Бринनावолок).

Напарья — сверло. У нас словом напарья называли сверло большого диаметра по дереву, напарью крутят за рукоятку двумя руками.

Отава — трава, Отавитны — зарастать травой (у нас словом отава называли траву, поросшую после сенокоса повторно).

Очап — перевес, рычаг (в Усолье словом очеп называли гибкий шест, на котором подвешивалась зыбка — колыбель для младенца).

Пестер — кузов из бересты (у нас это пестерь, этим словом также называли и короб из дранки с двумя ручками. Такой пестерь использовали для мелкой травы, когда в начале лета она ещё не подросла, для ивовых листьев (брет), сена и т.п.).

Пестредь — ткань с узором в узкую полоску или в клетку (также и в Усолье).

Полой — рукав реки, протока (у нас то же самое).

Пукса — не опрокинутый, стоящий на дне (например, о лодке) (Возможно деревня Пукса названа этим словом).

Реж — ставная сеть (возможно от этого слова название

Режозеро, чюдь его называла, конечно, словом реж).

Сира — древесная смола. В Усолье смолу на дереве называли словом «сера», что, без сомнения, происходит от «сира» в языке коми.

Словом «смола» у нас называли только продукт смолокурения.

Слега — не толстое бревно (то же и у нас).

Слуда — крутой песчаный берег (деревня Слуда расположена на крутом песчаном берегу, что позволяет ловить рыбу с помощью сетки,

спускаемой на рычаге прямо с берега. Нигде кроме Слуды этот способ ловли не применяется).

Согра — болотистое, сырое место (в Усолье это слово применяли в том же самом значении).

Струба — колодец. У нас струб - деревянные стенки колодца.

Суслан — (как и у коми, у нас применяется слово суслон ячменя или суслон ржи).

Трунда — болотный торф (в Усолье слово означало точно то же самое. Трунду использовали, как удобрение для полей).

Тюрик — катушка (в Усолье применяемую для витя верёвок большую катушку из круглой полый чурки называли «тюрик»).

Уйт — залитая широкая пойма реки (Возле деревни Уйта широкая пойма Северной Двины с многочисленными озёрами. Пойма была богата водоплавающей дичью).

Усьёдом — натравливание собаки (у нас собаку натравливали словом «усь»)

Чипурашки — поза на корточках (у нас это называли «сидеть на чипушках»).

Чипыш — короб для шерсти (у нас словом чипать называют распушение шерсти с помощью «чипов»).

Шаньга — это слово получило большое распространение в русском языке и происходит оно из языка коми с тем же самым значением, с каким мы его используем.

Швириган — резкий ветер, внезапный порыв ветра, Швирок — хлёсткие ивовые прутья (мы по весне бросали, соревнуясь на дальность, глиняные шарики с помощью ивового прута и называли это занятие словом швиригать. Говорили также «молонья швиригает», или «ласточки так и швиригают» и т.д.).

Шурыд — быстрый, проворный (видимо, отсюда происходит усольское слово «шуры» - дождевые черви).

Удалось также найти несколько однокоренных с усольскими слов и в карельском языке:

Есть у карел слово *briüza*, которое переводится как «цеп» - инструмент для обмолота зерновых. В Усолье этот инструмент называется «приуз», что, без сомнения, происходит от этого *briüza*. Слово *särgi* переводится как плотва. В Усолье, и на всём севере тоже, плотва называется словом сорога, которое несомненно родственно *särgi*.

Harjus – рыба хариус, кстати, в Усолье это слово произносят, как харюз, что полностью совпадает с карельским названием рыбы.

Korrali – копала (самка глухаря).

Встречаются карельские слова и в топонимах:

Bugričši – бугор, горб. Название деревни Бухреки несомненно происходит от карельского bugričši. Бухреки действительно располагались на небольшом бугре и на вершине этого бугра находился дом Николая Игнатьевича Карельского. При этом все жители Бухреков имели фамилию Карельские. Вполне возможно, что основателем этого рода был карел по национальности. Возможно также, что соответствующее слово народа чудь было однокоренным с карельским. Само русское слово бугор также имеет общий корень с этим bugričši.

Lembo – чёрт. Без сомнения, от этого слова образовано название речки Лембовка, которое аборигены произносили как Лембога, что в дословном переводе означает «Чёртова речка». По берегам Лембовки всегда были еловые дебри. Считалось, что там легко заблудиться (леший водит). Я сам однажды заблудился там и вместо Усоля вышел на поле «Щипичево», примерно на два километра выше по Усолке. До прихода русских чудь не знала чёрта, в том виде, как мы его понимаем. Скорее всего словом lembo называли какого-то лесного духа, может быть даже доброго, но любящего пошалить. Так что название Лембога не надо понимать, как проклятая речка, проклинать её было в общем-то не за что.

Конечно, я смог вспомнить только малую часть таких слов. Если бы, например, в своё время записывать старинные слова из речи моей бабушки, уверен, что список таких слов был бы в десятки раз длиннее, чем тот, что получился у меня. Во время моего детства было много подобных слов в речи усол, некоторые применялись редко и уже в то время исчезали из языка, пользовались ими только старики. Нет сомнения, что в других деревнях существовали и другие слова явно нерусского происхождения. Наверняка люди старшего поколения, живущие в деревнях по Северной Двине, всё ещё помнят многие из них и даже ещё используют в быту. Пройдёт некоторое время и вся эта лексика будет утеряна. Надо бы срочно провести опросы, желательно по всей территории Северодвинского бассейна. Для исследований необходимо привлечь людей, владеющих языком Коми и Карел, лучше всего специалиста по этим языкам. Тут очень

важно знание произношения слов и фраз. Уверен, что можно раскрыть смысл большинства топонимов, которые почти все достались нам от аборигенов. Надо, правда, отметить, что собирание старинных слов с помощью опроса жителей не такое лёгкое дело. Если придти к какой-нибудь старухе и попросить назвать диалектные слова, она сразу сможет вспомнить лишь очень малую их долю. Тут требуется совместное проживание с этой старухой. В условиях обыденной жизни она будет вспоминать слова постепенно и этот процесс может длиться довольно долго. Об этом я могу судить на своём собственном опыте — уже несколько лет я вспоминаю всё новые и новые давно забытые усольские слова.

Мои попытки найти однокоренные слова в языках саами и ненцев не увенчались успехом, почти ни одного соответствия я там не нашёл.

В Усолье использовали также слово «кичига» без сомнения из чуждого языка и в отношении его я был уверен, что нигде, кроме как у нас, оно не известно. К своему удивлению я обнаружил это слово в словаре Ожегова, он толкует его, как палка, плоская на конце и предназначенная для выбивания семян льна (точно то же значение имеет слово кичига и у нас). По Ожегову это слово происходит из Архангельской губернии. Неужели Ожегов бывал в Усолье? Но тогда в его словаре могут быть и другие слова из усольского диалекта.

Даже эти мои скромные результаты позволяют сделать пару очень вероятных предположений:

1. Народ племени Чудь не имеет ничего загадочного, как это принято считать теперь, а просто является несколько обособившейся частью народа Коми. Видимо, разница была не больше, чем, например, между русскими и украинцами.
2. Усолье было заселено аборигенами до прихода русских; люди чудь жили там и выпаривали соль всегда. Вряд ли пришельцы стали бы перенимать лексику аборигенов, да потом ещё на протяжении тысячи лет сохранять слова из чуждого им языка. А потому скорее всего усола являются потомками обрусевших представителей народа Чудь. Возможно, что это справедливо и для всего населения по Северной Двине. Насколько мне известно, такой вывод подтверждают и генетические исследования.

Известно, что замена аборигенов на русское население происходила мирно. Видимо, люди чудь добровольно и охотно

приняли православие, а затем русскую культуру и язык. Естественно, что при таком процессе население долгое время сохраняло в своей речи слова из родного языка. Так долго, что слова эти сохранились до сей поры. При этом очевидно, что произошедшая полная перемена образа жизни приведёт к исчезновению этих слов в самое ближайшее время, да они и теперь уже почти полностью вышли из употребления.

Даже на моей памяти диалектные особенности речи усольских жителей были ещё достаточно ярко выражены, хотя уже быстро исчезали. Язык изменялся под воздействием кино, газет, приезжающих для работы в леспромхозе людей из других мест и так далее. Особенно сильное влияние оказывало всеобщее обязательное обучение в школе. После окончания школы семилетки молодёжь почти полностью избавлялась от местного произношения. Очевидно, что до революции местные особенности языка были выражены во много раз сильнее. По-моему можно даже утверждать, что жители Усожья говорили на своём особом языке. Если бы составить полный словарь этого языка, он представлял бы огромный интерес, в том числе и научный. К сожалению, теперь уже почти всё утрачено и ничего не восстановишь.

Обычно деревенский диалект воспринимается, как признак неграмотности и отсталости населения. Но это неправильно и несправедливо. На самом деле диалект отражает процесс перехода местного населения, в данном случае народа угро-финской группы языков, на русский язык. При таком переходе ещё долго сохраняются многие слова из родного языка, а вновь усваиваемая речь часто искажается. Так что при чем тут отсталость — каждый народ имеет право разговаривать на своём собственном языке, а особенности речи обусловлены историческими причинами.

Еда

В воспоминаниях современных потомков часто приводятся описания их посещений бабушки, или каких-то родственников, и там можно встретить восторженные слова о том, как их в Усолье обильно и вкусно угощали. Но эти воспоминания относятся к совсем другому времени, когда большая часть продуктов уже покупалась в магазине.

На самом-то деле в рационе усол в основном преобладала

довольно грубая и не очень вкусная пища, теперешние люди кое-что и вовсе не стали бы есть. В деревне ведь не было холодильников и газовых или электрических плит. Не было даже плит, которые топят дровами. Всё готовилось в русской печи. Ну, ещё иногда только что истопленную печь-голландку могли использовать вместо духовки.

Исходя из векового опыта, крестьяне довели конструкцию русской печи до совершенства. Она имела объём, намного превышающий тот, который необходим для сжигаемых дров, это обеспечивало долгое сохранение жара и позволяло выпекать много хлеба или шанег одновременно. Дымоход располагался в передней части печи и отделялся от собственно топки свисающим вниз барьером. Дрова укладывались крест-накрест, клеткой и сгорали равномерно. Для выпечки или готовки еды угли пригребались к устью помелом из сосновых веток, который перед этим окунали в воду, чтобы не сгорел. За валиком из горячих углей в печи некоторое время держалась очень высокая температура. Хорошая хозяйка знала, когда и что можно ставить в печь, чтобы еда оптимально приготовилась и ничего не пригорело. Устье печи закрывалось заслонкой и жар там держался несколько часов, постепенно остывая. Обычно русскую печь топили утром и ставили туда еду с тем, чтобы она приготовилась и не остыла к обеду. В основном это были «шти» (слово суп не использовалось), которые включали только мясо, картошку и воду, могли ещё добавить лук для вкуса. Всё варилось в чугунных горшках (называли «цигун», «цигунок»), которые ставили в печь и вынимали с помощью ухвата. Иногда готовили в керамической посуде. Вся посуда, включая крынки для молока, имела форму, позволяющую подхватывать ухватами, обычно имелось несколько ухватов разного размера. Никаких кастрюль не было.

Конечно, если мясо свежее, то такие шти, очень хорошо разваренные в печи, были вкусными. Но часто мясо не было свежим. Телёнка или овцу обычно забивали зимой, когда уже устойчивые морозы. Осережье (называли «осерье») употребляли сразу, а тушу подвешивали к потолочной балке на повети или в сенях и отрубали куски по мере надобности. Если случалась оттепель, то это была просто трагедия — мясо быстро теряло качество. Конечно, делали и солонину, но вряд ли современный человек стал бы восторгаться блюдами из неё.

Практически не было жареных блюд, жарить было попросту негде. Иногда ставили мясо или рыбу, или, допустим, грибы с картошкой и сметаной в русскую печь на сковородке и называли это «жарницей», но на самом деле это блюдо было скорее тушёным или печёным, чем жареным. В деревне понятия не имели о таких блюдах, как, например, шашлыки, отбивные и даже всякие другие котлеты, мясо со всякими соусами, колбасы и так далее. Никогда не делали никаких салатов, винигретов, каких-то фаршированных кушаний и тому подобное. Вообще, большинство рецептов современной кухни, требующих много времени, в деревне не могли использовать в принципе — работы было так много, что крестьяне дорожили каждой минутой. Каждый день надо было переделать столько разных дел, что даже удивительно, как они вообще успевали, а потому тратить время на кулинарию было бы непростительной роскошью.

Из рыбы обычно варили уху, или пекли курник (рыбник, никогда не говорили пирог или кулебяка). Но главное — мясо и рыба были далеко не всегда. И даже при наличии мяса, шти не варили каждый день. Летом вообще жили без мяса, забивать скотину в это время крайне не рационально, мясо будет свежим только два-три дня, при этом летом животным не надо никакого корма, они сами находят его на пастбище.

Во время сенокоса на отдалённых от деревни участках обедать приходилось прямо на пожне. При колхозе иногда устраивали коллективный обед. Для этого по разрешению начальства забивали телёнка из колхозного стада. На огнище (на костре) варили суп, на самом деле всё те же шти — мясо картошка и вода. После нескольких часов тяжёлой работы эти шти казались невероятно вкусными, а сам обед превращался в настоящий праздник. Если коллективного обеда не было, ели то, что взяли с собой из дома. Обычно это была бутылка молока, заткнутая свёрнутым клочком бумаги, хлеб, или чаще шаньги. Могли взять ещё пару варёных картофелин. Запомнилось, что молоко, простоявшее несколько часов при жаркой погоде, обычно уже отдавало прокисшим и было невкусным. Приходилось есть холодную картошку с хлебом, запивая этим молоком. Поскольку чаще всего из одной семьи было два-три работника, коллектив разбивался на мелкие группы, некоторые обедали в одиночестве. Обычно не кипятили даже и чая — не хотелось из-за одного только чая возиться с огнищем (костром) на жаре.

Сейчас в ресторанах часто можно встретить блюда, якобы традиционно русские. Например, в ресторане в городе Суздаль мне однажды предложили блюдо, которое называлось «мясо по-монастырски». На самом деле большинство таких блюд просто стилизованы под старину и к настоящей традиционной русской кухне не имеют отношения. Тем не менее, такое блюдо, как студень, в деревне любили, впрочем, для его приготовления не требуется много труда.

В основном у крестьян преобладала растительная пища. Прежде всего это картошка и разные блюда из неё (в старые времена место картошки занимала репа). Картошку ели с грибами, с квашеной капустой, макали в растопленное сливочное масло, в сметану, в растопленное сало. Ели и с постным маслом, но это был относительно новый продукт и даже в советское время в Усолье попадал редко. Если нет ничего, могли картошку есть просто с хлебом. Мне, например, нравилось есть её, прихлёбывая молоком.

Большое значение имели грибы, солёные или в «грибовнице» (грибной суп). Солёные грибы часто ели и как самостоятельное блюдо, без картошки, особенно если есть возможность добавить в них сметану. Много ели гороха, в частности в виде «горошницы» - горох заливали водой, добавляли немного картошки и ставили в печь. Перед едой с помощью мутовки горох и картошку размалывали, превращая суп в некоторое подобие густого бульона, добавляли туда немного молока.

Но основным продуктом был, конечно, хлеб и все те блюда, которые готовились из муки. Ржаной хлеб (пшеница в Усолье была редкостью) выпекали в форме круглых караваев, которые ставили прямо на под русской печи. Иногда на нижней поверхности каравая прилипали кусочки глины или древесные угольки. Пекли разнообразные шаньги, чаще всего на тонкий, раскатанный скалкой (этого слова не знали, называли «пирожник») ржаной сочень клали начинку: картошку, кашу, чернику, грибы и так далее. Много разных шанег пекли из ячменной муки. Конечно, варили разнообразные каши.

Очень популярным был квас, который заквашивали из высева от муки, или даже на мякине с добавкой туда немного муки. Обычно его держали в кадке, с отверстием внизу для слива. Если захочешь пить, достаточно выдернуть затычку и квас потечёт в подставленную

посудину. По мере расходования кваса подливали в кадку воду. По вкусу и цвету этот квас совсем не похож на тот, что продаётся теперь. Ели, например, такие блюда: тёртая редька с квасом, варёная картошка с квасом, просто крошенный хлеб с квасом. Обычно для вкуса и для сытности туда добавляли ещё толокно.

На зиму заготавливали ягоды, в основном бруснику (называли «красные ягоды») и клюкву (жаравицу). Бруснику толкли в ушате, а клюкву хранили просто на морозе. Если больше есть нечего, можно в бруснику налить воды, добавить туда толокно и есть с хлебом. Конечно, если ещё подсластить сахарным песком, то это совсем здорово, но сахар был всегда в дефиците. Из клюквы всегда варили кисель (опять же чаще всего без сахара). Кисель варился достаточно густым, не процеживался, его никогда не пили из стакана, а, как и молоко, хлебали из крынки, обязательно с хлебом. Летом чернику ели с молоком, морошку с водой и также всегда с хлебом.

Трудно представить жизнь в деревне без коровы, молока и молочных продуктов. Обычно надоенное молоко разливали в керамические крынки и ставили их на полки в шкаф. Если даже нет никакой еды, всегда можно взять эту крынку и поесть молока, хлебая его ложкой и закусывая хлебом. Никогда не пили молоко из стакана. Не скисшее молоко называли «пресным». Слово «парное» применяли только к молоку, пареному в русской печи, и никогда так не называли только что подоенное молоко, как это делают теперь. Когда молоко скисало (слово простокваша вообще не знали, называли «свежее молоко»), сметану снимали ложкой и накапливали в кувшине или в туесе для приготовления масла. Масло сбивали с помощью мутовки — работа довольно утомительная. Летом хранили масло только в растопленном виде, так оно не портится дольше.

Скудное время наступало, когда перед отёлом корова перестаёт давать молоко. Часто перед этим периодом «свежее молоко» (простоквашу) накапливали в ушате. Конечно, оно потом обычно «горчит» и современный человек считал бы его испортившимся, но когда больше есть нечего — рад и этому. На молоке пекли шаньги и варили каши.

Весной варили суп из кислушек: кислушки, картошка, лук и вода. Для вкуса добавляли молока («забеливали»). Примерьте к себе — пришли бы вы в восторг от такого супа? А тогда мы такие шти ели с удовольствием. Весной с нетерпением ждали, когда появятся

кислушки. Больше всего их бывает на берегу речки, там, где в половодье стоит вода. В оставшемся иле кислушки прорастают раньше других трав. Детей не надо было просить насобирать кислушек, они это делали с радостью по собственной инициативе.

Довольно быстро интерес к кислушкам пропал, вместо него варили луковый суп. Это было ещё проще: надо зелёные перья лука накрошить в крынку, заварить кипятком из самовара, добавить молока, посолить и шти готовы. Можно было ещё добавить варёной картошки. Почему-то в деревне не варили суп из крапивы, хотя, как я узнал позже, такой суп ничем не хуже, чем из кислушек, пожалуй, даже вкуснее.

Пекли, конечно, и блины на большой чугунной сковороде с длинной ручкой, позволяющей ставить их в русскую печь. Ели блины горячими, макая их в масло и в толокно, а также с ягодами или с молоком. Иногда варили кашу из ржаной муки, которую обычно называли «густая каша». Чугунок с такой кашей вынимали из печи и опрокидывали на доску. Через некоторое время под давлением пара чугунок сам поднимался, освобождая кашу. Брали рукой горячий комок и макали в масло и в толокно, или прихлёбывали молоком, а также брусникой с водой. Позже эту кашу часто называли «каша-водяша», но это название придумали городские дети, деревенские так никогда её не называли.

В отношении детского питания можно сказать прежде всего, что матери детей долго кормили грудью. Часто ребёнок уже ходил и начинал разговаривать и при этом буквально требовал покормить грудью. Возникла целая проблема отучить от груди. Применяли всякие способы, например, намазывали соски горчицей, или просто уговаривали, поскольку ребёнок уже кое-что понимал. Вместо соски, в нынешнее время резиновой или пластмассовой, ребёнку давали разжёванный хлеб, завернутый в тряпицу. Поскольку соски, надеваемой на бутылочку тоже не было, то ребёнка рано приучали есть с ложечки молоко или кашу, а также и всё, что ели сами. Никакого специального детского питания не применяли.

В деревне немыслима жизнь без самовара. Если в печи нет горячей еды, то только самовар позволял согреться горячим чаем. Можно было, например, заварить кусок солёной трески кипятком из самовара. Если туда ещё добавить холодной варёной картошки и покрошить лука, то получим вполне приемлемую уху. Из самовара

можно было заварить кисель на клюкве. Чая пили очень много. Часто в чашку чая добавляли одну-две ложки парного (пареного) молока. Такое молоко имеет очень приятный специфический вкус, совсем не похожий на вкус топлёного молока, что теперь продаётся в магазине. Если к чаю есть шаньги, или, например, из магазина сушка или печенье, то такое чаепитие вполне заменяло обед.

Как только в доме появлялся званый гость (никогда не приглашали за стол посторонних людей, зашедших по делу, или просто в гости), хозяйка всегда первым делом «ставила» самовар. В прежние времена сахар продавали в виде больших кусков правильной формы (называли головами). О сахарном песке не имели и понятия. На моей памяти «голов» уже не было, но сахар был в виде крупных кусков наподобие крупного щебня. Был в леспромхозовском магазине уже и песок. Чай пили обычно с кусочками сахара, для чего крупные куски крошили сахарными щипцами. От кусочка сахар откусывали и запивали чаем из блюдечка, называлось это — пить чай «в прикуску».

За столом соблюдался определённый ритуал, в особенности, если семья была большая. За обедом все садились вокруг стола, хозяйка доставала шти из печи, мясо выкладывалось на блюдо, а суп наливался в большую крынку и ставился посреди стола. Все члены семьи, большие и малые, поочерёдно хлебали деревянными ложками, заедая хлебом. Затем хозяйка распределяла мясо между всеми членами семьи. После штей ели что-нибудь «на десерт»: например, молоко или кисель, и обязательно пили чай. Невозможно даже представить, чтобы после мясных штей ели, например, ещё и рыбу, или кашу, или даже ещё что-нибудь мясное, как это делают теперь.

Воду для питья и для подготовки пищи брали в речке Усолке. В деревне было несколько колодцев, но ими пользовались только для «технических нужд» и для скота. Только возле дома Рудного Григория был родник с чистой водой, но пользовались им в основном одни Рудные, поскольку это край деревни, да и расположен родник в полугоре.

Вода в Усолке действительно была очень вкусной, мягкой и полезной. Но ещё лучшей считалась вода из речки Лембовки. Многие, особенно в Бухреках и Крученово, не ленились сходить за водой для чая на Лембовку, хотя расстояние до неё было больше, чем до Усолки. Был также такой случай. Одну из усольских старушек (не помню из какой семьи) сын увёз в Ленинград. Там она видимо так скучала по

деревне, что однажды написала письмо моему брату с просьбой прислать немного воды из Лембовки. Брат, живший в то время уже в Хетово, сходил на речку за семь километров и послал ей воду в посылке.

В нашей литературе, например, у Гоголя или у Шмелёва, часто встречаются описания обилия и разнообразия всяких блюд, которые ели в старину. Но все эти яства были не у крестьян. Конечно, мои воспоминания относятся в основном к трудному послевоенному периоду; может быть в старину питались более обильно и разнообразно и даже у крестьянина варили, скажем, «гурьевскую кашу», или пекли пироги «о четырёх углах», как во втором томе «Мёртвых душ». Хотя, в Усолье - вряд ли!

Вообще, крестьяне ели в разы меньше, по сравнению с современным народом. Мне кажутся смешными разговоры о том, что у нас большая часть населения живёт в нищете и практически голодает. В деревне, например считали, и я полностью разделяю эту точку зрения, что если у человека есть кусок хлеба и есть возможность намазать его маслом, то он уже не только не голодает, а, наоборот, питается весьма сытно. Не думаю, что сейчас есть люди, которые не могут купить себе даже буханку хлеба. Смешными мне кажутся и разговоры об уменьшении калорийности еды для борьбы с ожирением. Человек для того только и ест, чтобы получить эти самые калории и всякая еда всегда считалась тем ценнее, чем больше в ней калорий. Если они для тебя лишние, так не ешь вовсе и сразу решишь все свои проблемы с лишним весом. Я не помню ни одного человека в деревне, которого можно было бы назвать толстым.

Современный человек потребляет во много раз больше того минимума, который необходим для нормальной здоровой жизни. Это касается не только еды. Летом я живу на даче и часто хожу гулять по дороге, идущей в лес. Теперь фактически каждая такая дорога по всей матушке России с обеих сторон завалена свалками и я часто вижу целые горы выброшенной старой мебели, посуды, одежды. Для такого старого человека, как я, странно видеть выброшенную добротную одежду и обувь, часто даже вообще не ношенную. О такой одежде мы в детстве не могли даже и мечтать. Теперь её выбрасывают не потому, что она износилась, а потому только, что вышла из моды. Как-то я в городе видел двух бомжей, которые тащили какие-то металлические

предметы, чтобы сдать на металлолом. На одном из них была совсем новая куртка-дублёнка, которая была бы предметом гордости любого модника всего лишь лет десять, двадцать тому назад. Теперь дублёнки вышли из моды и бомж, конечно, нашёл её на свалке. (Забавно, что на мне тоже была дублёнка, но намного хуже, чем на бомже.) По моему разумению, вряд ли можно вести речи о половине нашего населения, якобы живущей сейчас впроголодь. Пожили бы эти критики в наше послевоенное время, рассуждали бы они совсем иначе.

Очень трудное время было сразу после войны. Тогда государство забирало подчистую всё, что производилось в колхозе. Мужчин почти не было, наши матери работали в колхозе очень много и практически без всякого вознаграждения. Продуктов с приусадебного участка не хватало, да и трудиться на себя не оставалось ни времени, ни сил. Зимой этих же женщин гоняли ещё и на лесозаготовки. Лес рубили тогда в районе ручья «Глубокий» - говорили «работаем на Глубоком». Я помню, как мать приходила домой поздним зимним вечером, когда уже не зги не видно. Иногда она приносила ржаной хлеб, печёный с примесью хвои. Очень хотелось есть, я пытался жевать этот хлеб, но не мог проглотить. Помню, что от досады и голода начинал плакать. Спасало только то, что всё-таки была картошка и молоко - без коров деревня просто вымерла бы.

Короче говоря, если бы кто-то приехал в гости к бабушке лет двести назад, то вполне возможно, что угостила бы она одним только чаем из самовара с пареной репой вместо сахара.

Общественная жизнь

В северных областях России никогда не было крепостного права, крестьяне имели статус государственных. Только в 17 веке некоторое время земли по Двине до Ваги принадлежали Сийскому монастырю и тогда Усолье с соляным промыслом, а также и жители деревни были монастырскими.

Всей общественной жизнью деревни, включая землепользование и лесопользование, руководила община. Состав общинного совета выбирался на сходке, на сходке же решались и все жизненно важные вопросы. Никаких должностных лиц с оплатой не было. Фактически это была своеобразная демократия, видимо, принесённая на север

новгородцами. Однако и при таком управлении вряд ли достигалась полная справедливость в отношении всех. Такой справедливости нет и не было нигде и никогда. Всегда есть богатые и счастливые и униженные и оскорблённые, за которых некому заступиться.

Важную роль играла также церковь, при которой существовал выборный церковный совет. Не думаю, что «приобщение к богу», выражаясь по современному, было главным при посещении крестьянами церкви. В большей степени она позволяла просто отвлечься и отдохнуть от повседневных дел и была своего рода развлечением. Церковь заменяла и клуб, и театр, и кино, и даже школу в некотором смысле. К попу можно было обратиться и с просьбой о помощи и с жалобой. Часто он играл роль судьи в спорах. Бабушка вспоминала, что при болезни часто обращались к попадье. Будучи более грамотной и больше видевшей свет, попадья могла вернее поставить диагноз и дать какие-то советы.

Административно Усолье входило в состав Власьевской волости с центром в деревне Плёсо и в Шенкурский уезд. Из-за большой отдалённости волостные и уездные власти мало влияли на жизнь деревни, которая как бы была предоставлена самой себе. Никакой милиции или полиции в современном понимании этих служб в деревне не было и в помине. При каких-либо неординарных событиях в деревню мог приехать урядник из волости, но это случалось настолько редко, что моя бабушка рассказывала о приезде урядника, как о чём-то из ряда вон выходящем.

Естественно, что крестьяне платили какие-то налоги. Прежде всего это были сборы на содержание церкви, попа, учителя церковно-приходской школы, церковного начальства. Все три усольские церкви строились за счёт жителей деревни и при малых её размерах эти расходы были для крестьян наверное довольно ощутимыми. Впрочем, как рассказывали старики, попу платили больше не деньгами, а работой на поповском поле и в поповском хозяйстве. Существовал какой-то и общественный фонд, страхующий деревню на случай непредвиденных обстоятельств — выше я писал уже об общественном страховом семенном фонде — и в этот фонд надо было делать взносы.

Был какой-то и государственный налог, в частности, на дорожные работы, на содержание властей и так далее. Я не думаю, что этот налог был очень уж обременительным, в деревне жили в основном

натуральным хозяйством и у людей попросту не водилось много денег, чтобы платить большие налоги.

С одной стороны отсутствие помещика это благо, поскольку делало крестьянина свободным. Но с другой стороны эта свобода означала и не защищённость крестьянина от всяких невзгод. Ему не на кого было рассчитывать, кроме как только на себя самого. Семья была благополучной только в том случае, если хозяева были здоровы и имели взрослого сына, лучше всего двух или трёх. Девки не в счёт — их надо было отдавать замуж. Не трудно представить, как бедствовала семья, если работать мог один только хозяин, и если, например, были одни только малые дети да ещё и престарелые родители, уже не способные к работе. А ведь в отдельные годы в Усолье случались неурожаи и весь затраченный огромный труд пропадал зря.

Некоторую помощь людям, оказавшимся без средств существования, оказывала община, но эта помощь была скорее всего мизерной, поскольку сама община не имела существенных ресурсов. Я помню, что рассказывали о каком-то одиноком старике, у которого по болезни отказали ноги и ему оставалось только помереть от голода и холода. Тогда на сходке было решено взять старика на общественное содержание. Заключалось оно в том, что он поочерёдно жил определённое время во всех семьях подряд. При этом бабушка вспоминала, что его переносили из дома в дом «на кокорках» (на спине).

Русская литература привила нам сознание, что помещики были деспоты, нещадно эксплуатировали своих крестьян, почитали их за рабочий скот, проматывали деньги в столицах и за границей и так далее. Конечно, были такие помещики и наши писатели выводили их на всеобщее осуждение. Но основная масса помещиков была вовсе не такой. Они заботились о своих крестьянах, представлявших основу самого существования барской усадьбы. Чаще всего барин был чем-то наподобие отца родного для своих крестьян и понимал, что без благополучия крестьян не может быть и благополучия его самого. Вот этой полезной опеки и были лишены наши крестьяне. Свобода и необходимость рассчитывать только на себя отразились и на характере людей, но о характере надо говорить отдельно.

С приходом советской власти и жизнь и нравы конечно

изменились. Позже мы поговорим о жизни в колхозе и о причинах исчезновения деревни более подробно.

Быт

Как уже говорилось, самым распространённым типом избы был пятистенник. Общий размер его был приблизительно 7х7 метров, иногда побольше, иногда поменьше. В такой избе могла жить семья в таком составе: хозяин и хозяйка, от пяти до десяти детей и престарелые родители, один или два. Были случаи, когда в семье жила ещё и семья женатого сына, не успевшего отделиться и построить свой дом.

Большую часть избы (слово кухня в деревне не знали) занимала русская печь. У той же стены против печи обычно стоял вместительный шкаф, в котором держали хлеб, соль, чай для заварки, то-есть всё то, что требуется для обеда. Зимой в этот же шкаф ставились крынки с молоком, летом для молока обычно использовали полки в холодной кладовке или шкаф в сенях, или даже на повети. В избе над шкафом на стене висел так называемый «наблюдник» (иногда назывался «грядка»), на самом деле просто полки в несколько этажей, на которые ставили тарелки, чашки с блюдами, сковородки и так далее.

Вдоль обеих свободных стен располагались широкие лавки, на которых сидели во время трапезы, занимались рукоделием, спали ночью, на них же сидели гости. Лавками обычно были плахи, вытесанные из целого бревна. На одном конце плаха опиралась на корневище, оставленное и обтёсанное у выкорчеванного дерева, на другом — на короткую круглую чурку. Лавки никогда не сдвигались с места, они были как бы намертво приделаны к стенам.

Перед лавками стоял большой стол для еды, а также и для самых разных дел. Около стола были две-три табуретки, или даже просто толстые чурки. Над лавками под потолком обычно к стене прибивались полки, на которые клали, например, принадлежности для шитья, всякие инструменты, часто используемые, всё, что угодно. Под самым потолком рядом с печью располагались полаты — что-то вроде широких нар. Полаты предназначались для сна, чаще всего там спали дети. Попасть на полаты можно было, поднявшись сначала на печь. Старые люди часто спали на печи.

В противоположном от печи углу располагалась отдельная полка, называемая божницей. На ней ставилась икона, перед иконой вешалась лампадка. Около печи зимой мог стоять курятник (клетка с курами), над ним или рядом с ним вешался рукомойник — чаще всего в виде медной посуды с носиком. Для мытья рук надо было рукомойник наклонять так, чтобы из носика потекла вода.

Обычно русская печь строилась на деревянном подклете, в котором устраивалась дверца, закрывающая вход в так называемый «подпечник». В подпечнике держали ухваты, деревянные лопаты для подачи хлеба и шанег в печь, помело, кочергу.

Посреди избы могла быть повешена зыбка для новорожденного ребёнка. Зыбка эта вешалась на гибком шесте, называемом «очеп», вставленном в кольцо, привинченное к потолку. Зыбка располагалась так, чтобы хлопотавшая у печи хозяйка в любой момент могла покачать, если ребёнок забеспокоился. Иногда зыбки были сделаны мастерски и даже украшены незамысловатым орнаментом.

Во второй меньшей по размерам комнате, обычно называемой горницей, стояла хозяйская кровать, большой сундук, мог быть шкаф для одежды и комод — шкаф с выдвигаемыми ящиками для белья. На комодѣ могло стоять зеркало, шкатулки, всякие безделушки. Обогревалась горница обычно отдельной печью-голландкой. В горнице тоже были иконы, могли висеть какие-то картины, чаще всего так называемые «лубки». Посредине мог стоять стол, иногда даже круглый, вместо лавок могли быть и стулья или табуретки. Например, у нас в горнице стояли «венские» стулья, изготовленные из гнутых деталей. Не знаю, откуда они взялись в нашей деревне и почему так назывались. Обычно горнице придавался вид более «изысканный» по сравнению с избой.

Для освещения избы в долгие зимние вечера до появления керосиновых ламп пользовались в основном лучиной. Почему-то свечи применяли редко, возможно, что они были довольно дорогими. Нынешние люди плохо представляют, что такое свет от лучины. В песне «Лучинушка» это выглядит довольно романтично, но на деле — сплошное мучение. Я видел такое освещение — после войны керосин в деревне был дефицитом, иногда его не привозили вовсе и тогда мой дед доставал с подволоки святильню для лучины. Это было неглубокое корыто на ножках, на конце которого закреплялась

деревянная стойка с металлическим приспособлением наверху, в которое можно вставлять лучину в горизонтальном положении. В вертикальном положении на верхнем конце лучина не будет гореть, а если поджечь внизу, она загорится сразу вся целиком. В корыто наливали воду, в которую падают угли от сгоревшей лучины. Обычно жгли берёзовую лучину, которая горит более ровно, чем из хвойных пород. Время горения одной лучины не дотягивает и до пол-минуты, поэтому кто-то должен всё время сидеть около светильни и менять лучины, зажигая одну от другой. Свет неровный, колеблющийся, при смене лучин он и вовсе пропадает на время, сейчас даже трудно и представить, как при таком свете люди ухитрялись ещё что-то и делать. Мой дед, например, при таком освещении строил сани. Постепенно изба заполняется чадом, от которого начинают слезиться глаза, становится трудно дышать, начинает болеть голова. В деревенских домах никогда не делали форточек в рамах, поэтому для проветривания приходилось открывать печной дымоход. При этом тепло уходило на улицу, печь быстро остывала и в сильный мороз изба быстро выхолаживалась.

Керосиновые лампы появились в деревне по-видимому в тридцатых годах и ещё до войны они были уже в каждом доме. Почему-то керосин в деревне был всегда в дефиците и его постоянно экономили. Существовало три вида керосиновых ламп, отличающихся шириной фитиля, которую измеряли в линиях. Самой маленькой была пятилинейная лампа. Я думаю, все представляют толщину патрона для трёх-линейной винтовки. Значит, ширина фитиля у пятилинейной лампы была немного больше толщины этого патрона. Следующей была семилинейная лампа, а самой мощной — десятилинейная. У нас, например, была только семилинейная лампа, да и то утром, мать топила печь и готовила еду при этой лампе, не надевая лампового стекла (такую лампу называли презрительно словом «пиликалка»). Без стекла керосин расходуется намного меньше, но и свет намного хуже, он почти не лучше, чем при лучине. Вечером обычно зажигали лампу со стеклом. И при таком свете занимались рукоделием, дети готовили школьные домашние задания. Сейчас трудно даже представить, что это возможно. Как-то недавно у нас на даче отключили электричество и я зажёл керосиновую лампу, кстати, десятилинейную. Попробовал читать и не смог. Теперь уже и сам не понимаю, как мог читать и писать в детстве при

семилинейной лампе.

На моей памяти все уже пользовались спичками. Спички продавали в сельпо. Они были в виде гребней, от которых спичку надо было отламывать. Для зажигания применялась специальная пластинка, покрытая тем же составом, что и края у теперешних спичечных коробков. Видимо, спички были достаточно дорогими, потому что их также расходовали экономно.

Некоторые курильщики всё ещё пользовались огнивом (называли кресалом). Для высекания искры применяли камень, называемый кремнем, по которому били железной пластинкой. Искры направляли на трут, вставленный в ружейный патрон. Для хранения кресала, табака и бумаги для свёртывания сигарки шили специальный мешочек, который назывался кисет. Кисет могла девка сшить и даже украсить вышивкой в знак благосклонности к своему парню.

Стены, потолки и полы в избе и в горнице были тёсанные и строганные. Северные избы всегда содержались в чистоте. Полы мыли каждую неделю, шоркая их веником-голиком с дресвой. Деревянные стены и потолки со временем темнеют, покрываются пылью и даже сажей, если в доме жгут лучину. Раз в год, обычно перед пасхой, стены и потолки также мыли и шоркали, после чего они приобретали красивый желтоватый оттенок. Для мытья избы ставили подмости на козлах, и для этой тяжёлой работы приглашали родню или соседок, одной хозяйке трудно помыть всю избу. Я помню, что зайти в только что вымытую избу было очень приятно, там был удивительно хороший запах помытого дерева, дышалось легко и свободно. Содержание избы в чистоте было для хозяйки делом чести, запущенная изба считалась для неё позором.

Спали обычно на тюфяках из домотканого холста, набитых соломой, называли «постилальник». Такими же были и подушки, только набивать их могли также шерстью или перьями. Укрывались в старые времена обычно шубами, теми же самыми, в которых ходили днём на улице. В моё время уже были одеяла на вате, чаще всего сшитые из лоскутов. Никаких простыней, пододеяльников и чистых наволочек для подушек не было. Спали часто не раздеваясь в той же самой одежде, в которой находились в избе. Даже когда я уже учился в школе и жил там в интернате, нам выдавали только тюфяки, которые мы сами набивали соломой, подушки и байковые одеяла, без всяких простыней и наволочек. Только уже в студенческом общежитии я

впервые увидел простыни и пододеяльники, которые можно было периодически менять у специальной работницы, называемой кастеляншей.

Раз в неделю, обычно по субботам, мылись в бане. Кстати, не было моды хлестать себя берёзовым веником, этот обычай появился позже и завезён он был кем-то посторонним. Берёзовые веники заготавливали обычно только в качестве корма для овец. Соответственно, раз в неделю меняли и нижнее бельё. Значит, и стирка одежды проводилась раз в неделю. Мыло в старые времена, да и после войны тоже, было дорогим и дефицитным. Для стирки применяли так называемый щёлок — растворённую в воде золу из печи. Постиранную одежду обязательно полоскали в реке, зимой это делали в проруби. Если семья большая, то тяжёлую корзину с бельём возили к речке на санках (на чунках — санки побольше). Для сушки бельё развешивали на огородах.

Вообще-то в деревенском доме места для хранения всяких вещей и для хозяйственной деятельности было много. Кроме жилых комнат были ещё сени, кладовка (чулан, клеть), поветь, подволока, подвал, иногда был ещё проход на помещение над хлевом, ну и иногда, как я уже писал выше, была ещё и подызбица. Но зимой большая семья вынуждена была ютиться в тесноте. В большой семье детей иногда приходилось укладывать на ночь просто на пол, подстелив, что придётся. На полу же обычно ночевали и гости, если таковые случались. В этой же избе приходилось заниматься ремёслами, без которых прожить в деревне просто невозможно. Как уже говорилось, более состоятельные семьи имели дома побольше, имеющие четыре жилых комнаты. В таком доме одну из комнат, обычно боковушку, могли использовать в основном только для занятий ремеслами, например, для столярных работ, для катания валенок, для шитья сапог, для ткачества и так далее. Очень редко, и в основном не в нашей деревне, были дома и ещё больше, в частности, двухэтажные.

Поговорим теперь немного об усольских обычаях. Тема эта очень обширна, ограничусь только некоторыми воспоминаниями.

Итак, начнём с воспитания детей. Сразу можно сказать, что никакого особенного воспитания в деревенской семье не было. Дети в основном были предоставлены самим себе. Практически старшие дети воспитывали младших. Взрослые в деревне всегда заняты и никогда не станут вести какие-то продолжительные беседы с детьми,

учить их «манерам», повышать образование. Редко я слышал какие-нибудь наставления или нравоучительные беседы. Только бабушка Ксенья иногда рассказывала нам сказки, которых она знала довольно много. Некоторые из них я потом вообще нигде не слышал и не читал. Чаще всего, детей как бы и не замечают вовсе. При этом почти никогда без каких-то очень уж веских причин детей не наказывали и не кричали на них. Лично я, например, не могу вспомнить ни одного раза, чтобы на меня кто-то кричал, ни свои, ни чужие люди. За всё детство меня не разу никто не стегал ремнём или вицей, тем более, что рос я без отца. Меня до сих пор поражает, когда я слышу, как современные родители орут на своих детей («я кому сказала!!!»), при этом часто приправляют свою ругань матерными словами. Никто не ставил меня и в угол, такого понятия в деревне вообще не было. Лет с четырёх-пяти дети уже целыми днями могли бегать с более старшими и взрослые не проявляли особого беспокойства о том, где и что делает их ребёнок. Именно по этой причине утонул в речке мой брат четырёх лет.

Я не помню ни одного случая, чтобы детям отмечали день рождения, поздравляли, дарили подарки, пекли пирог и так далее. О дне рождения ребёнка даже никто и не вспоминал. Я, например, даже и не знал, что такое день рождения до тех пор пока не пошёл в школу, где нас после научили писать свою автобиографию, в которой надо точно указать день и год рождения. Только взрослые иногда отмечали свои именины. Помню, как бабушка Ксенья 6 февраля упоминала, что в этот день отмечается день Ксеньи Полужимицы, что этот день приходится на середину зимы, что медведь в берлоге переворачивается с одного бока на другой и начинает сосать другую лапу. При этом обычно упоминала, что у неё сегодня именины. Но этих именин она никак не праздновала.

В деревне необходимо уметь делать очень много разных дел, естественно, что дети учились у старших с самого раннего возраста. Но интересно, что специально детей никто не учил, не наставлял. Действовал принцип — смотри и учись сам. Например, мой дед Николай — мастер на все руки — никогда не запрещал крутиться возле него во время любой работы. Но я не помню, чтобы он когда-нибудь говорил — смотри, вот это надо делать так и так. Иногда он только просил помочь, что-то подержать, или принести. При этом если я что-то делал неправильно, то он только ругался, обзывал

неумехой. Когда мы с моим другом Алькой решили построить лодку-долблёнку, то я не посмел даже спросить у деда, с чего начать, как не допустить растрескивания корпуса и так далее. Я боялся, что он вместо советов просто обругает меня в том смысле, что это пустая затея и вам ещё рано строить лодки. Пришлось идти к чужому мужику, который мне казался более покладистым.

В деревне взрослые люди редко заговаривали с чужими детьми, обычно просто проходили мимо, не обращая внимания. Иногда могли только что-нибудь спросить, например, дома ли твоя мать. Впрочем, были и исключения, потом я ещё расскажу об этом. Дети никогда не здоровались со взрослыми при встрече, считая, что людям эти их «здоровканья» ни к чему. И взрослые никогда не поощряли попыток поздороваться. Например, если бы подросток поздоровался первым с моим дедом, тот скорее всего ответил бы насмешливо: «здорово, если не шутишь» и после таких слов пропала бы охота здороваться впредь. Да и сами взрослые здоровались друг с другом редко, чаще при встрече сразу начинали разговор по делу. Да, мне кажется, и глупо, встречаясь каждый день, здороваться, часто ещё и подавая руку, как это делают теперь мужчины на работе. Иногда, правда, встретив уважаемого человека, его называли по имени-отчеству и это как бы заменяло традиционное здравствуй.

В деревне не практиковалось обращение на «Вы» и приезжих иногда коробило обращение к ним взрослых и даже детей на «ты». Точно также я однажды был очень удивлён, когда мне в одном южном селе встречные дети, которых я видел впервые в жизни, громко сказали «здравствуйте». У нас так никогда не поступали.

Конечно, как и везде, в деревне у детей бывали шалости и проказы, которые взрослыми пресекались. Но чаще всего человек, поймавший кого-нибудь на нехорошем деле, не станет кричать на чужого ребёнка и воспитывать его. Но он обязательно всё расскажет родителям, а уж те сами разберутся что к чему.

В деревне было принято ходить друг к другу в гости, правда ходили в основном женщины и дети, а мужчины заходили к соседям почти только по делу. Обычно шли побеседовать, или в тёмное время для того, чтобы не жечь свет у себя, раз у соседа этот свет горит. Женщины часто брали с собой работу и шли в гости с прялкой или с вязанием. Молодёжь устраивала вечеринки обычно у тех, у кого

небольшая семья и кто, конечно, такие сборища любил. Но никогда на таких вечеринках не устраивали застолий, тем более с вином.

Если гость приходил в то время, когда семья обедала, его никогда не приглашали за стол, это было просто не принято. Даже пришедших в гости детей никогда ничем не угощали. Я, например, до сих пор помню, как однажды пришёл к Володьке Рудному, когда он сидел за столом и хлебал шти из крынки. Шти были мясные, великолепно пахли, Володька крошил в них хлеба, как я очень люблю и сам. А у нас дома мяса не было и мне очень хотелось есть. Но никому и в голову не пришло угостить меня. Впрочем, если бы и предложили, я бы скорее всего отказался, настолько это было бы необычно и противоречило бы правилам. Да и мать меня за еду у чужих не похвалила бы.

Чаще всего заходили в избу без стука, особенно если это была родня или очень хорошие знакомые. Например, я много раз наблюдал такую картину. Вдруг открывается дверь и заходит уже не молодая соседка Анна Мартемьяновна. Не говоря ни слова она проходит на середину избы и трижды крестится на икону «в большом углу». Затем низко кланяется и только после этого негромко скажет «здравствуйте», обращаясь ко всем сразу, если в избе много людей. Если семья в этот момент обедает за столом, она вместо здравствуйте говорит «хлеб да соль», на что хозяйка обычно отвечает «спасибо» и называет гостью по имени-отчеству. После этого ритуала соседка без всякого приглашения садится на лавку и начинается неторопливая беседа. Если дома одна только моя бабушка, то Анна и здравствуйте не говорит, а сразу обращается к бабушке с каким-нибудь вопросом, или начинает что-то рассказывать. При этом они называют друг дружку кумой, или кумушкой. Обычно так поступали почти все пожилые женщины.

Почти всегда при разговоре обращались ко всем от детей до стариков просто по имени: Игнатий, Николай, Фёкла, Офимья, Авдотья и так далее. Очень редко могли назвать по имени-отчеству и всегда только пожилых людей. «За-глаза» использовали уменьшительные имена: Игнаха, Колька, Феклуха, Офимка, Дунька, а дети всегда так обращались друг к другу и при разговоре. Так же называли и родных братьев и сестёр. Практически у всех были прозвища, которые чаще всего производились от имён предков. Но

иногда прозвища были и обидными. Конечно, «в-глаза» по прозвищу никого не называли, человек мог обидеться.

Почему-то никто не учил детей, как надо обращаться к взрослым. Я помню, что всегда испытывал какое-то неудобство, если надо было обратиться к взрослому. Дети никогда не говорили, например, «дядя Лёня», или «тетя Валя» не только чужим людям, но даже и родным дядям и тетям. Только уже в более позднее время такое обращение стали перенимать у детей, приехавших из города. Но я, хоть впоследствии иногда и говорил так, всегда при этом испытывал какое-то неудобство. Даже и теперь такая форма обращения мне не очень нравится. За-глаза дети всех называли также, как и взрослые, то-есть, Колька, Дунька, а часто и по прозвищу. Ясно, что назвать так при разговоре было нельзя, но никакого другого варианта не было. Поэтому обычно обращались прямо по делу, не называя никакого имени. Наверное, приезжим из других мест людям усольские дети казались настоящими дикарями.

В деревне почти никогда не запирали дом на замок, а вместо этого вставляли в дверное кольцо палку, или, чаще всего, метлу-голик, которой подметали мостки перед входной дверью, для того, чтобы посторонний знал, что дома никого нет и не ходил бы зря по дому разыскивая хозяев. Только если хозяева покидали дом надолго, могли повесить замок. Да и то этот замок часто был на такой ненадёжной петле, что играл больше символическую роль.

Я не могу вспомнить случаев кражи в деревне, кроме одной, которую организовали какие-то высланные. Им для жилья был отдан пустующий дом (дом Фатевны). Хозяин этой семьи считался рабочим леспромхоза, но фактически почему-то нигде не работал и семья буквально помирала с голоду. Видимо от этого они и обокрали леспромхозовский магазин. Их сразу же разоблачили и они исчезли из деревни, прожив всего несколько месяцев.

Впрочем, в деревне обычно не считали зазорным, если дети тайком нарвут немного гороха в поле, или съедят две-три репы. В моё время занимались такой кражей на колхозном поле, на приусадебных участках тогда уже не сеяли ни гороха, ни репы. Но мне кажется, что традиция позволяла это делать и в старые времена, точно также, как в южных районах у детей не считается большим грехом украсть немного яблок из сада.

В основном народ в деревне был дружелюбным, но какие-то

ссоры, конечно, всегда случались. Однако, я не помню, чтобы рассказывали о многолетней вражде между родами, как это бывает у некоторых народов. Практиковалась взаимопомощь, поскольку отдельные виды работ, например молотьба, в одиночку вообще не выполнимы. Расплачивались в основном тем, что отработывали на такой же или на другой работе, но иногда платили и продуктами, чаще всего зерном. Впрочем, обращались за помощью редко, но и отказывать в помощи было не принято, это воспринималось бы, как оскорбление.

В деревне отсутствовала хоть какая-то медицина. Конечно, применяли народные средства, но каких-то очень уж известных знатоков народной медицины практически не было. Было может быть две-три старухи, например Илеина из Лёхово, к которым иногда обращались за помощью, но владели они в основном только умением массажировать. Слова такого не знали и называли это занятие словом «парить». Особенно эффективным считалось «парить» больного в бане. Диагноз чаще всего ставился такой: некая жила сильно натянулась от тяжёлой работы, или даже она сдвинулась с места. Я не знаю, что подразумевалось под этим понятием жила, то ли сухожилия, то-ли кровеносные сосуды или ещё что-то. Хотя какие сухожилия могут быть, например, в животе? Лекариха старалась зацепить жилу пальцами и поставить её на место. Вряд ли такое лечение могло существенно помогать, я, например, и теперь считаю массаж в общем-то бесполезным делом.

Особых знатоков лечебных трав, пожалуй не было. Некоторые травы, например зверобой, тысячелистник, мать-мачеху, подорожник, кукули от морошки, которые растут повсюду, знали и использовали все. Ну, кое-кто могли запастись ещё две-три из более редких трав.

Первая медичка появилась в деревне уже после войны, был организован и медицинский пункт. Запомнился такой случай. Мой дядя Миша однажды сильно поранил ногу топором в области голени. Почему-то я был свидетелем его лечения у фельдшерицы. Помню, что она промыла рану водой, затем сильно засыпала стрептоцидом и наложила марлевую повязку. Йод она совсем не использовала. Один раз я лечился у ней и сам. У меня так сильно заболел зуб, что мать привела к фельдшеру. Всё, что она смогла сделать, это намочить йодом тампон и положить на зуб. Мне кажется, работы у нашей медички было не очень много.

В деревне понятия не имели об отдыхе у моря, на курортах. В жаркую погоду купались в речке, но в основном только дети и подростки. Взрослые если иногда и окунались в жару, то обязательно где-нибудь в одиночестве, так, чтобы никто не видел. Раздеваться на людях считалось неприличным и даже не только для женщин, но и для мужчин тоже. Даже платок женщины при людях снимали крайне редко, хотя на этот счёт таких строгих правил, как у мусульман, конечно не было. В деревне вообще с раннего детства прививались такие понятия, как стеснительность и стыдливость. Например, мальчик мог ходить в баню с матерью лишь в раннем детстве, лет примерно до пяти. Потом он мылся в бане только с отцом или с братом. Если мать пыталась мыть ребёнка и в более старшем возрасте, то его ровесники обязательно пристыдили бы при всех в своей компании и после этого ребёнок сам категорически отказался бы ходить в баню с матерью или с сёстрами. Когда мой старший брат уехал в город в семье я остался один мужского пола и потому уже очень рано стал ходить в баню один. В нынешнее время нравы сильно упростились, часто стыд и стеснительность в семьях, да и не только в семьях, сознательно искореняются.

В северной деревне, никто никогда не загорал на солнце и о пользе загара не знали. Пожалуй, даже наоборот, считали загар вредным для здоровья. Кстати, я и сам, хоть и много загорал в молодости, но с возрастом пришёл к убеждению, что кроме вреда для кожи это ничего не даёт. Помню, как моя бабушка Мавра, говорила не «загорать», а «загаривать» и считала, что этим могут заниматься только лодыри и бездельники.

Теперь можно слышать утверждения о том, что раньше был короток средний возраст жизни из-за тяжёлого труда, недоедания и так далее. На самом деле обусловлен он отсутствием медицины, отчего люди часто умирали из-за совсем простых по нынешним меркам болезней, например, от аппендицита. Если же человек благополучно доживал до старости, то чаще всего он жил долго, ничуть не меньше, чем нынешние старики. Очень велика была детская смертность. Когда читаешь справку из архива по переписям, то просто удивляешься, как много там отмечено случаев смерти младенцев «от родимца». При этом родимце ребёнок беспрерывно плакал, его невозможно было успокоить. В конце концов он изнемогал и умирал обессиленный. Не знаю, современные врачи хоть

знают, что это за родимец такой и как это называется теперь. Видимо, деревенские «лекари» были бессильны перед этим самым родимцем.

Но в целом, самым трагичным, наверное, было полное отсутствие антибиотиков и других лекарств, даже таких простых, как аспирин, йод, стрептоцид, марганцовка. Велика была смертность от туберкулёза (чахотки). Наверное много умирало и от рака, но о нём просто не имели понятия.

Революция, гражданская война и коллективизация

О том, что в Петрограде совершилась революция в Усолье наверное узнали только от мужиков, вернувшихся с первой мировой войны. Скорее всего именно там Иван Григорьевич Карельский — главный организатор советской власти в Усолье — приобщился к этим идеям. Сами жители деревни не имели об этом никакого понятия и, конечно, не было ни малейших предпосылок к тому перевороту, что впоследствии полностью изменил их жизнь. Никакого расслоения на сословия или классы в Усолье отродясь не было. Все жили в общем-то не богато, хотя разумеется, что некоторое неравенство было, без него живут только дикари в Африке.

Я уверен, что до 1919 года о переменах в стране в Усолье могли доходить только смутные слухи и ни малейших перемен в жизни общины не было. Но приблизительно в конце июля 1919 года в деревню пришёл отряд англичан вместе с небольшим подразделением белых. В то время белые занимали Березник на который наступали красные со стороны Шенкурска. Казалось бы — кого может интересовать богом забытое Усолье в стороне от реки и большой дороги. Но англичане сообразили, что со стороны Шенкурска можно пройти по лесным дорогам вдоль речки Неленга до озера Великое, а потом спуститься вдоль Усолки и, используя Усолье как опорный пункт, попытаться захватить Усть-Морж, перерезав связь белых с Архангельском. А может быть они даже получили какие-то разведданные о таком походе красных. Во всяком случае интервенты поступили весьма благоразумно, послав в Усолье свой отряд, потому что красные этот поход действительно предприняли.

Нетрудно представить, каким необычайным событием для усол был приход англичан, которые пробыли в деревне недели две, или

даже три. Современники тех событий потом вспоминали и рассказывали об этом до самой своей смерти. Интересно, что я не слышал ни от кого рассказов о каких-то притеснениях или грабежах населения. Наоборот, все говорили, что англичане были очень добры, людей не обижали, детей угощали всякими невиданными ранее сладостями и дарили подарки. Я помню, что почти в каждом доме были разные вещи, оставшиеся от англичан: металлические банки из-под конфет и печенья, усюла их использовали для хранения ниток, иголок, пуговиц и т.п, снарядные гильзы, применяли в качестве наковальни, колючая проволока, кое-какой инструмент. Баба Ксения рассказывала, что познакомилась с китайцем, каким-то образом оказавшимся в отряде. Китаец приносил ей сахар, мыло, спички в обмен на молоко, масло, яйца, свежее испечённый хлеб.

<https://pessim50.ucoz.ru/okopy.png>

Рис.7 Расположение оборонительных полос англичан
(показаны красным цветом)

Англичане успели создать не меньше трёх полос обороны. На рис.7 я показал места, где видел сам лично окопы и мотки колючей проволоки, оставшейся от заграждений. Через тридцать лет эти окопы ещё прекрасно сохранялись. После того прошло ещё семьдесят лет, но возможно, что некоторые их остатки ещё и сейчас можно найти. Красные выбили англичан из Усоля одним ударом. Больше всего потерь они понесли на подступах к деревне по левому берегу реки, так как попали под обстрел из пулемёта, установленного на колокольне. Я не знаю, сколько всего было погибших, но старики говорили, что много. Потери были с обеих сторон. В деревне было две братских могилы — красных и белых (Рис.7). Теперь могилы совершенно забыты, но мне кажется следовало бы на них установить хотя бы какие-то простейшие знаки. Не солдаты развязывают войны, а если они в чём-то и заблуждались, то за это расплатились своими жизнями и заслуживают памяти, хотя бы в назидание потомкам.

Не знаю точно, пытались ли красные наступать на Усть-Морж; где-то я видел заметку о том, что какие-то бои там были. Во всяком случае точно известно, что в Усть-Морже красный отряд не был, а

ушёл по дороге на Гору, видимо на соединение с основными силами, которые к тому времени уже захватили Березник. В конце сентября или даже в октябре белые отступили до Звоза.

Уже после этих событий, зимой в Усолье побывал ещё красный отряд Хаджи Мурата (его настоящая фамилия Дзасохов, по национальности осетин), хорошо известного во всём нашем районе. Этот отряд затем через Целезеро ушёл на Мехреньгу, где тогда шли тяжёлые бои с интервентами.

Только уже после гражданской войны в Усолье начались перемены в общественной жизни. Карельский быстро нашёл «единомышленников» среди более бедных семей, то-есть среди тех, кто не был хорошим работником и хозяином, а предпочитал более лёгкую жизнь. Естественно, они завидовали тем, кто имел крепкое хозяйство и идея «всё отобрать и поделить» им не могла не понравиться. Хотя, по правде говоря, отбирать и делить было в общем-то нечего. Ни у кого не было ни капиталов, ни дворцов, ни драгоценностей, а те, кого в деревне считали «богатеями» отличались в основном только тем, что больше и продуктивнее других работали.

В Усолье появились коммунисты и комсомольцы. Больше всего их было среди Карельских, к ним примыкали кто-то из Щипицыных, Петровых и, кажется, из Кривца. Как и везде, была предпринята совершенно идиотская попытка создать коммуну. Не знаю, до какой стадии было доведено это предприятие, помню только, что на Шидровчах уже на моей памяти были остатки сооружения, про которые говорили, что это дом коммунаров. Не знаю, успели ли они пожить в этом доме, или он так и не был построен до конца.

В 1931 году началось создание колхоза. Помню, что я не раз пытался расспрашивать стариков об этом времени, но было заметно, что для людей эти воспоминания были тягостными. Считаю, что это был в общем-то позорный период в истории нашего народа. Уверен, что даже и сами организаторы коллективизации, раскулачивания, разорения церкви впоследствии в душе испытывали стыд за те дела, хотя может быть и не хотели в этом признаваться даже сами себе.

Я слышал, что всего было раскулачено четыре семьи. Точно знаю, что был раскулачен Николай Александрович Арефин, по прозвищу Шляк. Семья Шляка была большой, люди очень работающие и мастеровые. В частности, Шляки владели мельницей, обслуживающей всю деревню, и единственной на всю округу

кузницей. Дом Арефиных был конфискован и его лет тридцать использовали как клуб, или, как тогда говорили, как избу-читальню. Перед самой ликвидацией деревни в доме располагалась школа, в которой к тому времени было уже не больше десятка учеников, а все четыре класса вела одна учительница. Школа тоже постепенно умирала вместе с деревней.

Какие три семьи были раскулачены ещё, я точно не знаю, кажется две семьи были раскулачены в Лёхово.

Я не слышал о каких-то тяжёлых конфликтах при организации колхоза, хотя естественно, что хозяйственным и уважаемым в деревне людям не нравилось, что бывшая «голытьба» в одночасье превратилась в хозяев жизни и начала «качать права». Видимо, крестьяне быстро смирились, а после раскулачивания поняли, что с новой властью шутки плохи. Так или иначе, в деревне началась организация колхозной жизни. Колхоз на первых порах был относительно самостоятельным, государство ещё не грабило его в подчистую и люди что-то получали за свой труд. Были построены конюшня, неплохой коровник, школа.

Ещё до колхоза было введено обязательное четырёх-летнее образование. До этого была только церковно-приходская школа трёхлетка, да и то учились в ней главным образом только дети мужского пола. Новую школу расположили в Кривце, поскольку в ней же учились и дети из Усть-Моржа. Школа занимала два здания. Тот дом, что был построен из старой церкви был обит жёлтой вагонкой и все стали называть его жёлтой школой. Второй дом — это обыкновенная изба, имеющая четыре комнаты. Скорее всего это была изба кого-то из раскулаченных. Не знаю точно, стоял ли этот дом тут всегда, или был откуда-то перевезён. Скорее всего он тут всегда и был, поскольку никакой перестройки под школу в этом доме не проводили, что при перевозке дома сделали бы обязательно. Первая комната, где обычно бывает русская печь, служила прихожей и раздевалкой, в боковушке была учительская, а в двух передних комнатах, соединяемых дверным проёмом, занимались два класса: 1 и 3 или 2 и 4, чередуясь через год. Дом был старый и школу называли чёрной.

В жёлтой школе также занимались два класса. Этот дом был перестроен под школу: высокие потолки, большие окна, стены и потолок отштукатуренные. Всего работало две учительницы, ведущие

по два класса одновременно. Вскоре было введено и обязательное семилетнее образование, но учиться в 5 — 6 — 7 классах приходилось в Морже. Хотя образование и было обязательным, многие дети семилетку не заканчивали, а, например, мой дядька Митька не смог закончить по неспособности к учению даже и четырёхлетку в Кривце.

Я учился в жёлтой школе, занималась с нами Анастасия Васильевна. В чёрной школе преподавала Мария Васильевна, которая была и заведующей Кривецкой школы. Обе они были не усольского происхождения. Анастасию Васильевну мы любили, она была привлекательной внешне, имела мягкий характер и не была злопамятной. Мария Васильевна была более жёсткой, имела громкий, не слишком приятный голос, всегда разговаривала учительским тоном и её не любили, ученики из чёрной школы даже завидовали нам. К сожалению, Анастасия Васильевна после замужества куда-то уехала и четвёртый класс мы заканчивали уже при другой учительнице, которую звали Мария Дмитриевна. После нашей Анастасии новая учительница нам тоже не нравилась. Пробыла она в Усолье очень недолго. Мария Дмитриевна вышла замуж за моего дядю Михаила Николаевича Рудного и они переехали жить в деревню Чарострово, поскольку дядя работал на запани Пенье рядом с этим Чаростровом. Мария Васильевна вышла замуж за усольского Морева и прожила в Усолье до самой ликвидации и школы и деревни. Всё время она работала в Усольской школе и одна вела все четыре класса. Как-то даже трудно представить, как это возможно.

При организации колхоза сначала у крестьян отобрали всё: весь инвентарь вплоть до приузов, навины и чищенины, весь скот, даже и кур. Однако вскоре стало понятно, что при таком положении дел народ просто перемерёт с голоду. Кончилось тем, что каждой семье выделили небольшие приусадебные участки, разрешили держать корову и несколько овец. Собственно за счёт этого и жили наши труженики. Я не знаю, проводил ли кто анализ, но не сомневаюсь, что общий объём вырабатываемой всеми жителями деревни продукции после создания колхоза сразу уменьшился раза в два. Затем всё время наблюдалось сокращение трудоспособного населения, уменьшались пахотные площади и сенокосы. Поля и пожни зарастали лесом. После коллективизации в деревне не было построено ни одного жилого дома, наоборот, один за другим появлялись брошенные

жителями дома. Даже сами энтузиасты и организаторы коллективизации жили при колхозе хуже, чем раньше, и дети их, как и у всех прочих, тоже один за другим уезжали из деревни.

В колхозе была одна только видимость управления. Просто всё, что производилось автоматически забиралось государством и на этом, собственно, и заканчивалась вся колхозная бухгалтерия. За всё время, начиная с 1930 года и до ликвидации деревни не было каких-то подъёмов и улучшений, всё время становилось только хуже, жизнь в деревне явно затухала, пока и не прекратилась совсем. Кроме того, смертельную рану деревне нанесла война, многократно ускорившая процесс деградации. После организации колхозов в деревне не было распаханно ни одной навины и не расчищено ни одной чищенины, как это делалось всегда раньше. Наоборот, пахотные и сенокосные угодья быстро сокращались, поскольку убывающее население становилось не способно их обработать. В конце пятидесятых годов колхоз был преобразован в Моржегорский совхоз, в который вошло и Усолье. Формально в совхозе работали уже за ежемесячную заработную плату, как на промышленных предприятиях, но плата эта была всё также мизерной, почти символической. Народ по-прежнему жил в основном за счёт приусадебных участков и коров.

Интересно, что даже в кино «Кубанские казаки», которое все теперешние ярые противники советской власти считают только рекламой колхозной жизни, не имеющей ничего общего с действительностью, в одной из песен есть такие слова: «если будет нам награда за труды присуждена, мы не скажем, что не надо, мы ответим, что нужна...». То-есть, в этих словах вроде как уже подразумевается, что «награда» может быть и не присуждена. Вопрос о том, на какие же средства колхозники должны жить, остаётся как бы за скобками. Конечно, эта песня шутливая, но «в каждой шутке есть доля правды». Сельская работа везде считалась второстепенной и не престижной, говоря по-современному. Таким же было отношение и к самим колхозникам. Кстати, сам этот фильм советские люди не считали лживой рекламой. Его очень любили и верили, что примеры таких колхозов есть и что ещё наступит время, когда жизнь действительно станет прекрасной. Так оно и было бы, если бы не война, а после неё холодная война и гонка вооружений. Всё-таки в колхозной жизни и в коллективном труде что-такое стоящее было. Я сам помню, с каким энтузиазмом иногда работали и как радовались,

например, если удалось убрать отличное сено до наступления дождя, при неожиданно приближающейся грозе. Как и в кино, о «награде» в такие моменты просто не думали. И вообще, несмотря на то, что труд почти не оплачивался, все основные поля всё-таки засевали, а луга скашивали. Мне кажется, в основном это можно объяснить тем, что совесть крестьянина просто не позволяла оставить поля не паханными, луга заброшенными, а колхозную скотину не накормленной.

Жители

Попробую теперь перечислить и дать хотя бы приблизительную характеристику усольских жителей. Естественно, что начну я с центральной в Усолье и родной для меня деревни, включающей Заречье, Бухреки и Крученово.

Заречье, Бухреки, Крученово

На рис.8 показано приблизительное расположение домов в деревнях Заречье, Бухреки и Крученово (приблизительное в том смысле, что я мог немного сместить их местоположение, расположение домов относительно друг друга я отлично помню). Карта местности изображена абсолютно точно, поскольку это снимок со спутника. Можно считать, что эта схема соответствует концу сороковых годов, то-есть тому времени после войны, когда я стал уже достаточно большим и мог уже хорошо узнать и изучить свою деревню. Дома я пронумеровал, а номера поставил перед фасадом домов, что позволяет определить их ориентацию. На схеме я показал также дороги и некоторые природные элементы, помогающие сориентироваться: речки, омуты, солёный колодец.

<https://pessim50.ucoz.ru/zarechebukhreki.png>

Рис.8 Схема расположения домов в деревнях Заречье,
Бухреки и Крученово

Попробую описать жителей группируя их по родам (или по

фамилиям).

Уваровы

Итак, начнём с рода Уваровых. Прежде всего потому, что их старинная (родовая) усадьба расположена в начале деревни Заречье непосредственно у солёного колодца, а также и потому, что это мой род.

Всего в Усолье было четыре семейства Уваровых и занимали они дома под номерами 1, 9, 11 и 14. Дом №1 принадлежал моему прадеду Андрею Ильичу, а последним его жителем была вдова Андрея Авдотья. Под номером 9 значится мой родной дом, ранее принадлежащий моему деду Александру Андреевичу, затем моему отцу Виктору Александровичу. В домах с номерами 11 и 14 жили два брата с семьями: Григорий Фёдорович и Иван Фёдорович Уваровы.

Кроме усольских были ещё два семейства Уваровых в Усть-Морже: семьи Данилы Ильича и Зинаиды Андреевны (в замужестве Захаровой). Из архивной справки по родословной Уваровых удалось установить, что все перечисленные выше Уваровы происходят от одного корня, основатель которого Павел Афанасьевич Уваров. Нельзя исключить, что в Усолье жили ещё и предки Афанасия, метрические записи для которых отсутствуют или были утрачены.

Приведу здесь родословное дерево, показывающее родственные связи между всеми упомянутыми семьями (даты после имён указывают год рождения):

1. Уваров Виктор Александрович 1907

Жена Фёкла Николаевна Рудная 1908 Заречье

- Александр Андреевич 1878

- Андрей Ильич 1848

- Илья Сидорович 1798

- Сидор Григорьевич 1762

- Григорий Павлович 1732

- Павел Афанасьевич 1687

Братья в Усолье:

2. Уваров Иван Фёдорович 1899

Жена Клавдия Фёдоровна Карельская 1908 Бухреки

3. Уваров Григорий Фёдорович 1901

Жена Марина Ивановна Бородина 1905 Морж

- Фёдор Иванович 1872
- Иван Евдокимович ?
- Евдоким Сидорович 1794
- Сидор Григорьевич 1762

4. Уваров Данила Ильич 1890 Усть-Морж

Жена Татьяна Ефимовна ? Морж

- Илья Денисович ?
- Денис Ефимович 1829
- Ефим Сидорович 1792
- Сидор Григорьевич 1762

5. Зинаида Андреевна Уварова (Захарова) ? Усть-Морж

Муж Павел Матвеевич Захаров ?

- Андрей Денисович 1861 Усть-Морж - Петроград
- Денис Ефимович 1829
- Ефим Сидорович 1792
- Сидор Григорьевич 1762

Таким образом, все известные мне родовые ветви Уваровых замыкаются на Сидоре Григорьевиче Уварове. Наверное, были и другие ветви рода, которые или выродились, или переехали в другие места.

Старший по родословной Павел Афанасьевич Уваров родился в 1687. Поскольку он родился в Усолье (есть метрическая запись), то там уже жил и его отец Афанасий Уваров. Как уже упоминалось, точно известно, что уже в 1620 году работала солеварня, принадлежавшая тогда Сийскому монастырю. Трудно представить, что Афанасий приехал откуда-то после 1620 года и поселился возле солеварни в самом лучшем месте деревни. Наверняка тут уже должен был бы кто-то жить и Афанасий мог бы построить дом только где-то на окраине — в конце Заречья или даже в Бухреках. Да и все потомки Афанасия занимали места поблизости - в Заречье. Скорее всего их дома располагались там, где Уваровы жили всегда, сменяя друг друга. Без каких-то особых причин местоположение родовых усадеб никогда не менялось. Отсюда напрашивается вывод, что Уваровы появились в деревне ещё раньше Афанасия и скорее всего были одними из первых её жителей.

Именно Уваровы (вместе с Рудными) постепенно застраивали Заречье, освобождая территорию от леса. Пожалуй, маловероятно, но всё-таки можно предположить, что и сама фамилия Уваров местного

происхождения и происходит от слова варить. Может быть Уваровы начали варить соль первыми и какое-то время имели монополию на это занятие. Хотя, конечно, эта фамилия широко распространена, достаточно вспомнить хотя бы известного министра просвещения Уварова в правительстве Николая Первого. Как-то я был в командировке в Минске. Когда покупал билет на самолёт, кассирша спросила не из их ли я деревни. Оказалось, что кассирша родом из деревни Уваровка в Смоленской области. Все жители этой деревни имели фамилию Уваровы.

Но ведь могло быть и так, что известную русскую фамилию присвоили какому-то человеку из племени Чудь, занимавшемуся варкой соли. Можно, конечно, делать и другие предположения, но занятие это бесполезное.

Попробую теперь изложить то, что мне известно о каждой семье Уваровых.

Итак, дом под номером 1.

Точно известно, что в этом доме жила семья моего прадеда Андрея Ильича(1848). В этом же доме (или в более старом доме на этом же месте) жил и его отец Илья Сидорович, поскольку Андрей был единственным сыном и родительский дом должен был достаться ему. Всего у Сидора(1760) было пять сыновей: Егор(1787), Ефим(1792), Евдоким(1794), Илья(1798) и Фома(1801). Ефим, Евдоким, Илья и были родоначальниками всех известных мне Уваровых. Потомков Егора и Фомы не было ни в Усолье, ни в Усть-Морже. Значит, они или рано умерли, не оставив наследников, или куда-то уехали.

Поскольку Илья был младший из этих трёх братьев, то скорее всего он и наследовал родительский дом. Обычно старшие сыновья отделялись от отца после женитьбы и образования новой семьи, а родительский дом оставался в итоге за младшим сыном. Значит, в этой же усадьбе жил и отец Ильи Сидор Григорьевич. В свою очередь, Сидор был единственным сыном Григория Павловича(1732) и это позволяет допустить, что и Григорий Павлович жил на этом же месте. Кроме Григория у Павла были ещё сыновья Иван(1729) и Филлипп(1735), причём Григорий был средний из них по возрасту. Так что вполне может быть, что Григорию достался дом родителя, поскольку потомки Ивана и Филиппа неизвестны, а это значит, что и Павел Афанасьевич(1687) жил здесь же.

Итак, этот небольшой анализ позволяет предполагать, что дом под номером 1 располагался на месте, занимаемом Уваровыми всегда, может быть даже с момента образования деревни.

Андрей Ильич был женат дважды. От первой жены Марфы Дмитриевны(1852) были дети: Наталья(1874), мой дед Александр(1878), Вера(1882), и Яков(1889). Вторую жену звали Евдокия Дмитриевна(1860) и от неё был сын Фёдор(1901). Кажется, что Фёдор родился ещё до женитьбы Андрея на Евдокии, а потому считался незаконнорожденным. Илья и Андрей были членами церковного совета. Бабка Ксения упоминала, что Андрей был церковным старостой, говорила, что он был довольно строг и всегда носил на поясе связку ключей, видимо от церкви и от амбара.

В качестве прозвища всех потомков Ильи называли Ильичёвы. Была известна чищенина под названием «у ильичёвых заворов». Располагалась она рядом с пожней Старый Кривец, а называлась так потому, что на её краю был проход (заворы) в осеке, и с чищенины можно было спуститься на заливной луг к речке. По этому пути ездили во время сенокоса, а также зимой при вывозке сена. Чищенина была довольно большой, мне приходилось на ней подвозить сено к зароду (конечно уже при колхозе). На чищенине сена хватало на зарод внушительного размера. Когда я бывал там последний раз, чищенина уже сильно заросла лесом, но всё-таки думаю, что и сейчас ещё смог бы найти её.

Возле Ильичёвых завор было очень грибное место и мой старший брат Клавдий всегда ходил туда по грибы, даже и тогда, когда жил уже в Хетово. Он даже в шутку хотел эти самые заворы воссоздать в память об Ильичёвых, хотя там, конечно, давно уже никто не ездит за сеном, да и самого осека нет и в помине.

Я помню и Ильичёву навину в месте, называемом Шидровчи, это на правом берегу Усолки проти Лёхова. Её уже не пахали, но мать моя там всегда косила сено для своей коровы. Даже и при колхозе многие помнили о чищенинах и навинах своих предков и всё ещё считали их как бы своими.

Я помню и многие навины и чищенины, принадлежавшие ранее другим усольским семьям. Были ещё живы многие из тех, кто сами своими руками расчищали место от леса под пашню или сенокос. Было не только крайне несправедливо, но даже казалось абсурдным то, что эти люди потом должны были обрабатывать эти участки для

колхоза, да ещё и практически без оплаты. Вообще принадлежность земель колхозу была только формальной. На самом деле всё принадлежало государству и сами колхозники никогда не называли поля и луга колхозными, а всегда государственными или казёнными. И смешной и горькой одновременно, была необходимость называть свои кровные навины казёнными.

После смерти Андрея Ильича в доме жила его вдова Евдокия с сыном Фёдором. Александр Андреевич к тому времени уже отделился и имел свой дом. Фёдор был женат на Ульяне Прохоровне Елсуковой и у них был сын Александр (1925), который воевал и погиб на фронте совсем молодым. По неизвестным мне причинам Фёдор и Ульяна развелись, а потом Фёдор уехал в Москву. Он также был на фронте, а впоследствии работал в каком-то министерстве в Москве. Остаётся загадкой, каким образом он смог получить какое-то образование и перебраться в Москву. Не знаю, была ли у Фёдора семья в Москве и остались ли там какие-то потомки — после войны связь нашей семьи с Фёдором (моя мать называла его Федькой) была полностью утеряна.

В последнее время Евдокия жила одна. Наши называли её бабка Дунька. Она была высокого роста, ходила по деревне с клюкой. Перед войной Фёдор приезжал в Усолье и уговорил мать переехать с ним в Москву. Рассказывали, что они попали в железнодорожную катастрофу и едва не погибли. В Москве бабка Дунька прожила недолго и похоронена где-то там. Кстати, я давно заметил, что после переезда стариков из деревни в город, они всегда там очень быстро умирали. Старый дом Фёдор отдал моему отцу. Дом некоторое время стоял пустой, а потом отец передал его колхозу. Дом перевезли и сделали из него помещение при конюшне, которое называли обычно сушилкой. Я много раз бывал там — когда приходишь на конюшню за лошадью, то обычно ждёшь конюха в этой сушилке, где конюх топил печь и было тепло. Там было довольно просторно, в стены избы вделаны деревянные штыри, на них развешивали хомуты и другую конную сбрую для просушки. Брат Клавдий помнил и дом и саму бабку Дуньку, он часто бегал к ней в гости. Вспоминал, что в доме были такие широкие половицы, что он не мог их перепрыгивать поперёк. Я же запомнил только остатки фундамента. Вокруг них был огород, где всегда садили картошку и называли его «огород у бабки Дуньки». Почему-то там всегда картошка росла лучше, чем в других местах, и когда в августе начинали варить молодую картошку на

костре (на огнище по-усольски) около реки, то мы всегда копали её на этом огороде.

Наталья Андреевна была выдана замуж за Петра Алексеевича Елсукова в Крученово (дом 27). Кажется, Вера Андреевна была выдана замуж в Морж, хотя я не совсем уверен в этом. Что стало со вторым сыном Андрея Яковом, я не знаю. Старший сын — мой дед Александр Андреевич после женитьбы отделился от отца и имел свой дом (дом 9), к описанию которого мы теперь и перейдём.

Дом под номером 9.

Александр был женат на Ксенье Михайловне Бочневой (1881) из деревни Гора (не путать с Горкой). Некоторое время они жили в доме отца. Баба Ксенья вспоминала, что у Андрея было большое и, как раньше говорили, крепкое хозяйство. В частности, было четыре коровы и две лошади. Был жеребец довольно дикого нрава, который однажды ударил Ксенью копытом по голове. Бабка моя в старости была сильно тугоухой, соответственно, имела прозвище Ксенья глухая, и считала, что причиной её глухоты было последствие того удара.

Дом 9 был уже старым и Александр перестроил его. Не знаю происхождение этого дома. Скорее всего он принадлежал кому-то из Уваровых, может быть из тех, кто к тому времени перебрался на жительство в Усть-Морж, или умер без наследников мужского пола. Дом был большой, с подызбицей и во время строительства семья жила в этой подызбице. Потом сначала были отделаны изба и боковушка, а переднюю комнату и горницу Александр не успел достроить, дом достраивал уже мой отец Виктор (1907). Александр простудился при сплаве леса — плитку посадил на мель и чтобы столкнуть спустился в ледяную воду. После он некоторое время болел, потерял голос и разговаривал так сипло, что трудно было понимать. В 1911 году он умер, когда моему отцу было всего три года.

Ксенья, кроме Виктора имела ещё дочь Евдокию и сына Якова, но оба они умерли в младенчестве. Так что Ксенья с сыном прожили в недостроенном доме лет двадцать, пока Виктор не подрос и не достроил наконец дом. Материально они не бедствовали, Александр имел небольшую торговлю, видимо в основном бакалеей, а после его смерти Ксенья и сама приторговывала, как тогда говорили. До самой своей смерти она хранила книжку, аналог теперешней сберегательной

книжки, и я сам видел там запись суммы в семьдесят рублей золотом. По тем временам — приличные деньги, в результате революции они, конечно, пропали. Помню, как бабка неоднократно вспоминала, что в молодости водила кампанию «с попами и дьячками», видимо её ввёл в этот «круг» ещё свёкор Андрей, бывший церковным старостой.

Виктор женился в 1929 году, когда ему было 22 года на Фёкле (1908) — дочери соседа Николая Рудного. Отец был активным человеком и до начала войны успел очень многое: достроил дом, оштукатурил комнаты, сделал современную по тому времени мебель, налаживал счетоводство в колхозе, окончив для этого специальные курсы в Березнике, перестроил бывший поповский дом под магазин сельпо и некоторое время сам торговал в нём, принимал самое активное участие в строительстве колхозной конюшни и коровника, выполнил все столярные работы и штукатурку в Кривецкой школе. Перед войной он успел ещё и поработать в сельсовете в Усть-Морже. Точно не знаю, но предполагаю, что у него была идея вообще переехать в Усть-Морж, как это сделали раньше некоторые члены рода Уваровых. Иначе зачем бы ему ходить в сельсовет на работу за пять километров. Моя мать вспоминала, что перед войной жизнь в нашей семье стала налаживаться после всех потрясений, выпавших на долю их поколения. Виктор работал на должностях и получал какую-то зарплату. Хотя вообще-то жизнь крестьян после коллективизации вряд ли стала лучше, об этом свидетельствует хотя бы такой факт, что ещё до войны начался заметный отток населения из деревни. Ясно, что люди уезжали не от хорошей жизни. Выше об этом я уже рассказывал. Не знали утешения тогда, в начале 41 года, что самые страшные испытания ещё впереди.

Отца призвали в армию в октябре 41-го. Он него было всего только три письма, причём в последнем он писал, что уже на передовой, но оружия им ещё не выдали, кроме сапёрных лопаток. Никакой похоронки не было, а по запросу уже после войны ответили, что «пропал без вести» — обычная отписка. Почему-то и большинство погибших из нашей деревни были пропавшими без вести. После войны вернулся с фронта мужик из Усть-Моржа, которого по прозвищу называли Ванька Коза, настоящего имени его я не знаю. Этот Коза утверждал, что Виктор погиб на его глазах при авиационном налёте. Тогда почему-то наши не вполне верили ему, но

теперь по прошествии многих лет мне кажется, что не было никаких причин не доверять словам этого человека.

Таким образом, мать моя Фёкла Николаевна осталась с четырьмя детьми и с бабушкой, возраст которой уже приближался к 70 годам. Всего у ней было пятеро детей: Клавдий, Лизавета, Лидия, Владимир и я Борис. Сын Володя по недосмотру родителей утонул в Усолке тем же летом проклятого 1941 года в возрасте четырёх лет. Он был старше меня на три года.

Во время войны и в первые послевоенные годы Фёкла работала в колхозе на всех самых тяжёлых работах: пахота, косьба, лесозаготовки зимой. Вместе с такими же женщинами, потерявшими мужей на фронте — Александрой Карельской, Офимьей Щипицыной, Павлой Мореовой, Ксеньей Петровой, Евдокией Карельской, Клавдией Уваровой, - они составляли костяк рабочей силы в колхозе. Теперь, глядя из нынешнего времени, поражаешься, как они смогли всё это вынести, перелопатить весь этот огромный труд без всякой оплаты, без малейшей помощи со стороны государства вырастить детей, не дать им умереть с голоду.

Клавдий после окончания Моржегорской семилетки в 16 лет уехал в город учиться в ФЗО на столяра. Жил у тётки Анны. Оттуда он был призван в армию и прослужил в Германии 3 года. В то время молодёжь стремилась во что бы то ни стало уехать из деревни, а Клавдий наоборот после армии вернулся и поступил на работу в столярную мастерскую в леспромхозе. Также после школы уехала в город и Лизавета, а за ней и младшая сестра Лидия. Остались мы втроём: бабушка Ксенья, мама и я, пока не закончил десять классов. В то время мама уже жила в Рязаново у Клавдия и в Усолке мы с бабушкой часто оставались вдвоём. Наконец, я поступил в институт, баба Ксенья умерла и дом опустел. В 1961 году Клавдий перевёз его в п. Хетово. Таким образом старый дом был ещё раз перестроен. Позже брат сетовал, что пришлось так много брёвен заменить, что пожалуй легче было бы срубить новый дом. Впрочем, так говорили почти все, кто перевозил свои дома на новое место. Как мне кажется, в Усолке и в старые времена часто не рубили новый дом, а перестраивали старый, заменяя сгнившие венцы. Так что некоторым деталям усольских домов уже очень много лет, наверное, не одно столетие.

Григорий Фёдорович Уваров (1901) был женат на Марине Ивановне Бородиной (1905) из Моржа. Когда я учился в Моржегорской школе, за одной партой со мной сидела Зина Бородина. Кажется она была племянницей Марины, во всяком случае моя мать хорошо знала её отца и даже говорила про него такую поговорку «Бородин по всей волости один». Думаю, что он был братом Марины и бывал в Усолье. Марину в деревне называли Марихой и их дом, стоявший во время моего детства пустым, называли домом Марихи.

Семья Григория была не очень счастливой. Перед самой войной Марина умерла при родах, а вскоре умер и сам Григорий. Большая семья осталась сиротой — дети и старая бабка. Старшие дети разъехались кто куда, а младшие, включая Александра, были отданы в детский дом. Впоследствии они бывали в деревне, но хорошо я запомнил только Василия, который уже после женитьбы жил в Рязаново и работал в леспромхозе. Александр был на три года старше нашего Володьки и именно он виноват в его гибели. Сашка сманил четырёхлетнего ребёнка идти за «пучками» (съедобная трава) на другой берег Усолки и тот не удержался на переходе и упал в воду. Сашка с испугу спрятался и никому ничего не сказал. Вольдку искали целую неделю, течением снесло его почти на километр и только в Поповом омуте тело случайно увидела Офимья Рудная.

Помню такой эпизод. Перед половодьем мост через Усолку как обычно разобрали, а сваи оставили на месте. Когда вода поднялась, по реке стали сплавлять лес и сваи сильно мешали. Не знали как их убрать и придумали спилить. Взялся за это Василий Уваров. Чтобы не простудился, ему дали выпить стакан спирта. Мы с интересом наблюдали, как Васька сидя на плоту и опустив ноги в ледяную воду спиливал лучковой пилой эти сваи ниже поверхности воды. При этом он вынужден был окунаться в воду почти по шею. Уже вечером я видел из окна, как Васька шёл по деревне пьяный, едва держась на ногах. Потом эти косо спиленные сваи торчали в реке несколько лет. Василий имел специальность и работал в леспромхозе и шофёром и трактористом. Он вообще сильно пил и по этой причине погиб, попав под трактор. Александр после детского дома куда-то уехал и больше я о нём ничего не слышал.

После смерти бабки дом стоял пустым. Я запомнил его уже без двора и сильно обветшавшим. Некоторое время в доме была

леспромхозовская пекарня и даже одно время там работала на выпечке хлеба наша баба Ксения. Уже перед самой ликвидацией деревни дом кто-то распилил на дрова.

Раньше я всегда считал, что семья Григория Уварова всего лишь наши однофамильцы, и только по родословным узнал, что у них были общие с нами предки.

Дом номер 14.

В этом доме жила семья Ивана Фёдоровича Уварова (1899), родного брата Григория. Иван был женат (кажется второй раз) на Клавдии Фёдоровне Карельской (1908), двоюродной сестре моей матери. Клавдия была дочерью Натальи Степановны - сестры моей бабушки по матери - Мавры. У Ивана было очень много детей, пожалуй не меньше десяти. Кажется Иван не был на фронте, а после войны как-то сумел перейти из колхоза на Хетовскую запань. Тогда это было не так просто сделать. Клавдия с детьми жила в Усолье и работала в колхозе. Иван некоторое время жил то в Хетово, то в Усолье, но потом окончательно перебрался в Карговину и перевёз туда всю свою большую семью. Я помню, что сразу же исчез и их дом, но не видел, когда его разбирали и не знаю, сломали его на дрова, или перевезли в Карговину. Это, конечно, далеко и на другой стороне Северной Двины, так что я даже не знаю можно ли тогда это было сделать, тракторов в леспромхозе ещё не было. Младших детей Ивана я помню, но они были старше меня, так что близко с ними не общался. Семью Ивана у нас считали роднёй, но только по Клавдии. О том, что он брат Уварова Григория я тоже узнал только теперь.

Дом под номером 10.

Я хоть и обозначил на схеме его как дом, на самом деле на моей памяти на этом месте оставались уже только остатки дома. Усадьба была огорожена и считалась нашей. Было заметно, что там когда-то были грядки, но при мне уже росла только трава, которую косили на сено. Не знаю точно, кому дом принадлежал, но в том, что жили там тоже Уваровы не сомневаюсь. На своём сайте я опубликовал заметки Риммы Устиновой, потомка того рода Уваровых, которые переехали в Усть-Морж. Римма пишет, что её дед Данила Ильич Уваров перевёз

дом из Усолья, сплавив разобранный усольский дом по Усолке. По воспоминаниям Риммы дом был большой, с подызбицей. Возможно, что он ещё существует и до сих пор. Можно предположить, что этот дом как раз и стоял на месте дома 10. Кто-то чужой занять усадьбу Данилы не мог, поскольку с тех пор во всём Усолье уже не было построено ни одного нового дома.

Как я помню, напротив дома Григория Уварова на самом краю угора были заметны остатки фундамента ещё какого-то дома. Бабушка Ксенья говорила мне, что там раньше жила некая Куваровна, тоже из рода Уваровых. И на месте этой усадьбы при мне также был наш огород. У нашей семьи в деревне было даже прозвище Куваровы, возможно доставшееся нам от отца этой Куваровны. К сожалению, я не поинтересовался, а может быть просто забыл, что это была за семья и куда они все делись. Во всяком случае, очевидно, что в этой части Заречья когда-то располагалась целая группа не менее, чем из четырёх домов, в которых жили представители рода Уваровых.

Рудные

Рудным принадлежали дома 2, 4, 5, 6, 7, 8 и 23. В первых двух жили два брата: Николай Александрович (1881) - дом 4 и Григорий Александрович (1901) - дом 2. Дом 5 принадлежал Михаилу Андреевичу (1868), а дома 6 и 7 — его брату Николаю Андреевичу Рудному (1883). В доме 8 жила семья Павла Андреевича Рудного (1885). О доме 23 позже поговорим отдельно.

Дом номер 4,

Николая Александровича Рудного я плохо помню, в памяти остались только его похороны, когда мне было лет пять. Знаю, что в деревне его называли Николка, можно предположить, что за добродушный нрав. В колхозе Николка работал конюхом. Мой отец хорошо к нему относился и Рудные часто ходили к нам в гости. Мой старший брат вспоминал, что иногда отец выставлял в окно граммофонную трубу и кричал на другой конец деревни: «Николка, идите обедать». Жену Николки звали Анна Мартемьяновна, а в деревне она имела прозвище Долгая. Анна была худощава и высокого роста. Умерла она в конце пятидесятых, или даже в начале

шестидесятых годов. Она часто ходила в гости к моей бабушке, с которой они могли беседовать часами. Баба Ксения имела живой характер, могла чем-нибудь увлечься, высказаться резко. Анна же всегда была рассудительной говорила степенно, не спеша.

У Николки с Анной было несколько детей, но я помню только сына Михаила и дочерей Ольгу и Галину (в замужестве Елсукова). Ольга после замужества уехала в Архангельск, муж её видимо погиб на фронте и жили они вдвоём с дочерью Валей на Бакарице. Валя каждое лето приезжала в деревню и была постоянным участником всех наших игр. Звали мы её Валькой Сёмкой, поскольку её отчество Семёновна. Валя сильно заикалась и в связи с этим происходило множество всяких историй, которые мы потом всегда вспоминали при встрече. Каждый год приезжала и Ольга Николаевна, так что я хорошо её знал.

Михаил был на фронте и в финскую и в Великую отечественную войну и, к счастью, остался жив, один из немногих в Усолье. Он был женат на Пелагее Щипицыной с Горки и у них были дети до войны и после войны. Хорошо помню их старшую дочь Шуру. Она вышла замуж за заведующего нашей избой-читальней Афанасия, который откуда-то приехал в Усолье. Афанасий сильно хромал на одну ногу, потому и был поставлен на такую работу. Помню, что он однажды дал мне и рекомендовал прочитать книгу «На краю ойкумены», не помню автора. Книга мне очень понравилась так что я потом долго был под впечатлением и, соответственно, благодарен Афанасию. Кажется, он неплохо играл на гармошке. Вторая дочь Люда была не намного старше меня, мне она всегда нравилась. После войны у Михаила родились ещё два или три ребёнка, но они были значительно моложе меня и потому не слишком интересовали.

После войны семья Михаила жила на Горке, не знаю, в чьём доме, а родительский дом остался за его сестрой Галиной, которая долго не выходила замуж и жила сначала с матерью, а потом с мужем Василием Елсуковым. Этот Василий был то ли с Моржа, то ли из Усть-Моржа и в деревне называли его не очень красивым прозвищем Хырник. А вообще Василий был хороший отзывчивый человек. За свою жизнь он поработал и в колхозе и на запани в Хетово. Последнее время он обслуживал подземный кабель правительственной связи. Галина до замужества родила дочь Нину, в деревне знали, что отцом Нины был Леонид Карельский. Василий

впоследствии перевёз дом Николки Рудного в Хетово, где они с Галей и закончили свои дни, детей у них не было. Это был первый дом, перевезённый из Усолья в Хетово. Кажется, что сейчас в доме живёт Нина.

Михаил с семьёй несколько раз переезжал с места на место и только уже в конце пятидесятых годов стал владельцем дома своего дяди Григория (дом.2), который затем, уже при ликвидации деревни перевёз в Морж. Не знаю, почему Михаил с семьёй мыкались по чужим домам, намного проще было построить новый дом, такому здоровому мужику это было бы нетрудно. Правда, после войны в деревне уже не было построено не только ни одного жилого дома, но даже ни одной приличной бани или амбара.

Галина Николаевна была хромой, ногу она повредила ещё в детстве и она у ней совсем не сгибалась в колене. Тем не менее, Галина работала в колхозе на всех работах без скидки на инвалидность — такое тогда было время. Она ходила в клуб, активно участвовала во всех играх и танцах, пожалуй, была единственной в деревне, кто умел играть на балалайке. Внешне она была сильно похожа на мать Анну Долгую.

Дом номер 2.

Григорий Александрович Рудный был моложе брата Николая, поэтому можно предположить, что это был родительский дом, который обычно переходил к младшему сыну. Значит, Николай или приобрёл чей-то уже готовый дом, или построил его заново после отделения от отца. Скорее всего эта усадьба Николая и раньше принадлежала кому-то из Рудных. В Заречье было три семьи Рудных и одна в Бухреках, которые уже не помнили о родственных связях. На самом деле нет сомнения, что у всех Рудных был общий предок и это легко можно было бы установить, получив в архиве справки по родословным. Очевидно, что хозяйство основателя рода Рудных располагалось на месте дома номер 2, то-есть рядом с хозяйством Уваровых. Место Рудных было немного повыше и тоже очень удобное во всех отношениях: рядом солёный колодец, место для пашни, чуть ниже по склону родник с чистойшей и всегда очень холодной водой.

Вполне могло быть так, что Рудные поселились в Усолье раньше Уваровых, или, по крайней мере, почти одновременно.

Женой Григория была Таисия Васильевна, в деревне называли

Таиской. У них было 7 или 8 детей. Хорошо я запомнил только Виктора и Владимира. На моей памяти Григорий работал на запани в Пянде, а семья жила в Усолье. Таисия и старшие дети работали в колхозе. Многие усольские мужики работали в леспромхозе или на запани в десяти-двадцати километрах от дома и, значит, жили с семьями только периодами. Я помню, что в доме Григория на стенах висели плакаты с изображением технологии лесосплава. Было интересно их рассматривать, работы на запани казались очень сложными.

Помню, что у Григория была какая-то тяжёлая болезнь и он умер ещё в сороковых годах, я запомнил его похороны. Постепенно старшие дети по примеру отца тоже стали устраиваться на работу в Пянду и в конце концов туда перебралась и Таисия вместе со всей семьёй. В Усолье осталась только сестра Григория Офимья Александровна Рудная (1883), которая жила в родительском доме вместе с семьёй Григория. Это обстоятельство тоже подтверждает предположение, что дом 2 был дом родителей Николая и Григория. Занимала Офимья отдельную боковушку. Она ещё в детстве катаясь с горки на санках ушибла глаз и на месте глаза образовался безобразный нарост величиной с большое яблоко. Смотреть на этот нарост было очень неприятно и Офимья стеснялась своего уродства. Она всегда спешила уйти, если поблизости оказывался кто-то из малознакомых. В деревне к ней относились пренебрежительно, как это обычно бывает по отношению к калекам. У ней было прозвище Шама, поскольку из-за уродства, Офимья немного шепелявила. К нам она ходила часто и подолгу сидела, разговаривая с моей бабкой или с матерью. Мне было жаль Офимью. Она была не глупой и рассуждала всегда здраво. В отличие от большинства жителей деревни, умела поговорить с ребёнком серьёзно, как со взрослым, и я часто беседовал с ней о том о сём.

На грядках возле дома Офимья сажала картошку и немного ячменя. Держала обычно две козы. Пожалуй в деревне только у ней и были козы. Этим, собственно, она и жила, пенсии тогда в колхозе никто не получал. Рудные из Пянды иногда навещали её и, видимо, немного помогали. Младший сын Григория Володька был почти ровесник мне. Он приходил из Пянды в Усолье на каникулах и обычно жил с Офимьей всё лето. Её он называл тёткой. Мы с Вольдкой были большими друзьями, бегали за искозобами

(пескарями) в верховья Усолки. Когда Володька науживал достаточно много рыбы, он говорил: «завтра тётка испекёт мне кулебяку». Слово кулебяка я впервые услышал от Володьки, в деревне так не говорили. Кстати, Володька Анну Долгую — жену брата отца — называл «деденка». Больше я такого слова ни от кого не слышал.

Я не раз бывал у Офимьи в её боковушке. Там была небольшая русская печь и нехитрая мебель. Некрашенный пол, лавки, стены и потолок комнаты всегда были идеально чистыми, на полу всегда чистые половики. В комнате хорошо пахло какими-то травами, видимо Офимья запасала их, как лекарство. Вообще дом Рудных казался добротным, все элементы дома выполнены без малейших дефектов. По всему было видно, что строил дом очень хороший плотник. Уже незадолго до смерти Офимьи в доме поселилась семья Михаила Николаевича. Видимо, они и помогли старушке прожить последние годы. В последние годы Рудные из Пянды уже практически не бывали в Усолке.

Приведу родословную этого рода Рудных:

- Братья Рудные Николай (1881) и Григорий (1901) Александровичи
- Александр Васильевич (1858)
- Василий Аввакумович (1808)
- Аввакум Яковлевич (1775)
- Яков Фёдорович (1750)
- Фёдор Борисович (1729)
- Борис Иванович (1712)
- Иван Васильевич (1651)

Дома под номерами 5, 6 и 7 принадлежали братьям Михаилу и Николаю Андреевичам Рудным. У их отца Андрея было не меньше десяти детей. Назову тех, о ком я хоть что-то знаю: Михаил (1869) умер до моего рождения, Николай (1883) — мой дед по матери, Ульяна (1899) была выдана замуж в Морж (мужа звали Пётр Петрович Чудинов), Настасья (1878) выдана замуж в деревню Репаново за Грибова. Её сын Василий был офицером, провоевал всю войну, впоследствии, как заслуженный ветеран, получил квартиру в Петрозаводске куда перевёз и Настасью, так что там она и похоронена. Совсем недавно узнал, что был ещё Никифор Андреевич Рудный (1872), который переехал на жительство в Морж. Кажется, у Никифора была сестра-близнец Лизавета. Моя мать что-то говорила

про эту Лизавету, но ничего не могу вспомнить.

Рудный Андрей и все его потомки имели в деревне прозвище «Зеленки». Не знаю, что оно значило и как появилось, но прозвище почему-то считалось обидным и использовалось жителями только заочно, как ругательное. Только моя бабка Ксенья, которая вообще никого не боялась и имела привычку высказываться прямо, называла Николая по прозвищу. Ксенья и Николай не испытывали взаимной симпатии, старались не общаться и иногда ссорились по разным пустякам. Забавно то, что Ксенья в старости была сильно глухой и когда на обидное прозвище дед Николай выходил из себя и страшно ругался, Ксенья ничего не слышала и от бессилия дед ещё больше распалялся.

Дом номер 5

Точно не знаю но предполагаю, что дом Андрея Рудного находился на месте дома номер 6. Позже на этом месте Николай Андреевич построил новый дом. Последним в родительском доме оставался Михаил с семьёй. Видимо, дом был уже очень старым, не пригодным для жилья, поскольку впоследствии Михаил перебрался в дом номер 5. Не знаю, кому принадлежал это дом раньше, скорее всего тоже кому-то из Рудных.

Михаил умер ещё до войны. У него был сын Григорий и три дочери: Лукерья, Ксенья и Мария. Григорий погиб в 41 году, точнее пропал без вести, как и многие другие. Кажется у него была дочь, но где они жили до войны и что стало с дочерью, я не помню. Лукерья вышла замуж за соломбальца, осталась после войны с двумя дочерьми Анной и Ниной. Жили они в собственном доме, похожем на деревенскую избу, на улице Ярославльской в Соломбале. Ксенья вышла замуж за Ивана Петрова с Горки. Иван погиб на фронте, детей у Ксеньи не было и она жила одна в небольшом доме, построенном Иваном на самом угоре возле дороги из Заречья на Горку. Про Марию я мало знаю, кажется после войны она жила в Сталинграде.

Дом номер 5. был небольшой пятистенок, уже во время моего детства он выглядел очень старым. Михаил Андреевич был женат дважды и я запомнил, что в доме жила в одиночестве его вторая жена. Мы называли её Олёна. Это была тихая старушка, которая часто ходила со своей прялкой в гости к моему деду Николаю. Обычно она садилась у окна и вечером мы из своего дома видели её силуэт в окне.

Даже на штукатуренной стене нашей комнаты была видна её тень со своей пряжей. Мы эту тень называли «кино». Ксенья Михайловне Олёна приходилась мачехой; отношения между ними кажется были не слишком хорошими. От второй жены детей у Михаила не было. Почему-то не помню, когда Олёна умерла.

Дом долго стоял пустым, потом в нём жили уже не молодые муж и жена по фамилии Пацюки. Это были высланные украинцы, должно быть Пацюк был бандеровцем. Он работал в леспромхозе, а жена его иногда работала в колхозе. Пацюки жили года два или три, не больше, потом им разрешили вернуться на родину. Дом снова остался пустым. Не знаю, принадлежал ли он Ксенье, но именно она впоследствии использовала его на дрова.

Дом номер 7

Этот дом построили Николай и Никифор совместно, когда решили отделяться от родителя Андрея. Дом располагался позади родительского дома 6 на довольно сыром месте. Около самого двора было даже небольшое болотце в середине покрытое мхом. В некоторые годы там вырастало несколько ягод клюквы. Интересно, что совсем рядом уступом было высокое и сухое место, достаточно было передвинуть постройку всего метров на десять. Но там располагалось большое задворное поле и видимо община запрещала занимать пашню под постройки. В общем-то это правильно, зачем занимать ценную пахотную землю, когда на конце деревни сколько угодно пустых площадей.

Дом 7 был довольно большим — две передних комнаты и большая боковушка с русской печью. Видимо, Никифор занимал переднюю часть дома, а Николай боковушку. Хозяйство они вели совместно. Не знаю точно, но предполагаю, что Николай решил отделиться и начал строительство дома на месте старого родительского (дом номер 6). Как это часто бывает в подобных обстоятельствах, братья поругались при разделе. Жена Никифора была из Моржа и там ей достался дом родителей. В итоге Никифор с семьёй ещё до революции переехал в Морж и всю остальную жизнь с братом Николаем, да и со всей усольской роднёй он не поддерживал никаких отношений. Я даже и не знал о его существовании. После переезда Никифора потребность в новом доме исчезла и строительство его растянулось лет на тридцать. Достраивали дом номер 6 уже на моей памяти.

Дед Николай был женат на Мавре Степановне также из рода Рудных, усадьба которых располагалась в Бухреках (дом номер 23). У меня есть родословные Николая и Мавры:

Николай Андреевич Рудный (1883)

- Андрей Прокопьевич (1835)
- Прокопий Иванович (1802)
- Иван Дмитриевич (1760)
- Дмитрий Борисович (1740)
- Борис Иванович (1712)
- Иван Васильевич (1651)

Мавра Степановна Рудная (1888)

- Степан Николаевич (1848)
- Николай Васильевич (1825)
- Василий Аввакумович (1787)
- Аввакум Андреевич (1758)
- Андрей Никитич (1716)
- Никита Дементьевич (1684)

Таким образом, у Николая Андреевича и Николая Александровича имеется общий предок Борис Иванович Рудный (1712). Не удивительно, что за два с лишним века родственные связи между ними забылись.

В архивной справке указано, что все предки Николая жили в Заречье, а предки Мавры начиная с Андрея Никитича — в деревне Чуриловская. Так называли в документах ту часть деревни, где находился дом 23. (В народе это название никогда не использовалось, практически о нём никто даже и не слышал и эту часть деревни всегда относили к Бухрекам. Скорее всего изначально аборигены называли это место Чурилово, по аналогии с Лёхово).

Из родословных не прослеживаются родственные связи между родами Николая и Мавры, имевшими одну фамилию Рудные. Тем не менее, я уверен, что все Рудные из Усолья, включая тех, что жили в Кривце, а также в Усть-Морже и в Морже происходят от общего предка. Видимо, этот предок жил ранее первой записи в родословной, относящейся к 1684 году. Интересно, что старший по родословной Мавры - Никита Дементьевич (1684) практически ровесник старшему по родословной Уваровых - Павелу Афанасьевичу (1687).

Но почему предки Мавры жили в этой самой Чуриловской на краю деревни, когда все остальные Рудные — в Заречье? И почему в

Чуриловской не было других Рудных? И вообще удивительно, что Чуриловская существовала так давно. Это несколько противоречит моим представлениям о времени и порядке заселения Усолья. Впрочем, можно сделать по этому поводу весьма вероятное предположение. Ещё до появления деревни Бухреки кто-то из рода Рудных отселился на хутор, который и стал называться Чурилово. Причину легко объяснить: рядом с этим местом, на поле, называемом Майданами, была старая смолокурня. То, что это очень старая смолокурня подтверждается огромными завалами шлака, которые существуют и до сих пор на Майданах. Может быть Рудный занялся смолокурением и построил дом поблизости. Согласно родословной Мавры в шести поколениях этого рода всегда рождалось только по одному сыну, а остальные были дочери. В седьмом поколении у Степана вообще было только две дочери, на которых род и прекратился. Этим и объясняется отсутствие других Рудных в Чурилово. Позже появилась деревня Бухреки и усадьба Рудных оказалась на окраине этой деревни. Название Чурилово оказалось как бы лишним и вышло из употребления.

У Николая с Маврой было семеро детей. Старшая дочь Фёкла (1908)— моя мать. Из всех детей только Фёкла всю жизнь прожила в Усолье, если не считать последних лет, когда после ликвидации деревни ей пришлось пожить ещё и в Хетово, куда был перевезён наш дом.

Вторым был сын Андрей (1910). Ещё до войны Андрей уехал из Усолья кажется в Нарьян-Мар, там женился и у него родилась дочь. В начале войны жена Андрея с дочерью отдыхали в Крыму, в поезде попали под бомбёжку и погибли. Андрей Николаевич воевал на Ленинградском фронте, а позже участвовал и в войне с Японией. Был награждён солдатской медалью «За отвагу», которая среди рядовых солдат ценилась не меньше ордена. После войны вернулся на родину где женился вторично на Таисии Андреевне Выручаевой из Кривца. Работал в леспромхозе. Позже ему, как ветерану, предоставили квартиру в Новодвинске (не знаю, почему именно там), где он и доживал последние дни. Потомки Андрея теперь живут в Хетово и в Новодвинске.

Третьей была дочь Анна. Её в возрасте 12 лет увезла в Архангельск (в Соломбалу) Лукерья Михайловна, о которой уже упоминалось выше. Лукерье потребовалась нянька для родившейся дочери Анны.

Позже Анна (дочь Николая) вышла замуж за соломбальца Германа Урпина, имевшего свой дом на той же улице, где жила Лукерья. Герман погиб в 41 и Анна осталась с двумя малыми сыновьями в собственном доме. Жили трудно, Анна торговала в ларьках пивом и мороженым. Старший её сын Юрка ежегодно приезжал в деревню на всё лето, так что можно считать, что мы росли с ним вместе. Юрка ничем не отличался от наших деревенских ребят и также, как мы участвовал в колхозных работах.

Четвёртый сын Василий (1919) также до войны уехал в Архангельск, вначале жил у сестры Анны, потом получил комнату от Соломбальской судовой верфи, куда устроился на работу в столярный цех. В 1939 году его призвали в армию и отправили на Дальний Восток, где он и прослужил всю войну. Позже принимал участие в войне с Японией. После войны опять работал на той же верфи, женился, теперь потомки живут в Архангельске.

Пятой была дочь Александра (1921), которая также ещё до войны уехала в Архангельск к тетке Анне. Только она одна из Рудных получила кое-какое образование: закончила начальную школу в Усолье, потом училась на каких-то курсах в Архангельске, была направлена библиотекарем в Няндому, позже вернулась в Архангельск, там вышла замуж, работала в детском саду воспитателем.

Шестой был сын Михаил (1925). К началу войны ему было 16 лет и на фронт он попал в 43 году. Служил в какой-то вспомогательной части и в настоящих боях не участвовал. После войны работал на запани Пенье, впоследствии перевёз старый дом (номер 7) из Усоля в Чарострово, что рядом с Пенье. Женат Михаил был на Марии Дмитриевне, учительнице младших классов в Кривце. Очень недолго и я учился у ней в четвёртом классе, впрочем, проработала она в Кривце не дольше одного года. Михаил относительно рано умер, кто-то из его потомков и до сих пор живёт в Чарострово.

Седьмой сын Дмитрий (1930). Работал в леспромхозе в Рязаново, куда и перевёз второй (новый) дом номер 6 после смерти родителей. Дмитрий (обычно мы называли его Митькой), был на несколько месяцев моложе моего старшего брата Клавдия, который Митьке приходился племянником. Митька играл на двухрядке, правда умел он играть одну только плясовую русского, кто-то его научил раз и навсегда, никаких импровизаций он не допускал. Но зато он здорово

плясал, причём умел плясать, одновременно играя на гармошке. Дмитрий дважды женился. Первый его брак не просуществовал и года, а второй раз он женился на вдове Кости Арефина Anne, у которой от Кости было трое детей. В браке с Дмитрием Анна родила ещё троих.

Как я уже упоминал, так получилось, что Николай оказался владельцем сразу двух домов, за что вполне могли раскулачить в 31 году. Спасло видимо то, что новый дом был не достроен, в семье было много детей и жили в общем-то небогато. В старом доме обычно жили зимой, а на лето перебирались в новый. Видимо Николай предполагал, что кто-то из сыновей после женитьбы отделится и будет жить в новом доме, как это обычно делали раньше. Однако, все дети даже ещё до совершеннолетия уходили работать в леспромхоз или уезжали в город и новый дом, в общем-то, был не очень нужен. И только после ликвидации деревни младший сын Дмитрий перевёз дом номер 6 в Хетово. После смерти Дмитрия его дети не захотели жить в доме и теперь он так и стоит пустой, хотя ещё совсем не старый. Кстати, он был срублен из двух-кантного бруса «в лапу»; пожалуй такой дом был единственный в Усолье, обычно дома строили из круглого леса и рубили «в чашку». Можно ещё отметить, что это был последний жилой дом, построенный в Усолье из нового леса. Начиная с коллективизации дома только разбирали на дрова, а не строили.

Дед Николай был очень деятельным человеком и мастером на все руки. Он строил лодки и сани, шил сапоги, делал ушаты, выделявал кожи, вил верёвки, изготавливал туеса, конскую упряжь, делал кирпичи и клал печи, плотничал. В общем, трудно назвать деревенское ремесло, которым он не занимался бы. Я не припомню случая, чтобы дед просто сидел без дела. В колхозе он не работал, а числился дорожным рабочим на почтовом тракте. По этой причине Николай много времени проводил в Усть-Морже, где у него возле моста через Усолку была построена избушка. Во время половодья, когда мост бывал затоплен, дед обслуживал переправу. Иногда мы с моим двоюродным братом Юркой (сыном Анны) бегали к деду и ночевали у него ночь или две, подменяя деда перевозили людей через Усолку на лодке.

По характеру Николай был вспыльчив, вечно куда-то спешил, а потому все его изделия были не слишком высокого качества. У деда

не хватало времени и терпенья довести предмет своего труда до совершенства. Например, он построил баню, но что-то помешало ему навесить входную дверь в предбанник. Баней начали пользоваться без двери, привыкли и потом дед видимо решил, что и так сойдёт. Так и мылись всю жизнь в бане с неровно пропиленным проёмом вместо входной двери.

Николаю довелось поучаствовать и в первой мировой и в гражданской войнах. Когда англичане пришли в Усолье, деда мобилизовали и он после разгрома интервентов в Березнике отступал с белыми до Емецка, откуда уже весной 20 года ему удалось сбежать домой. Николай сильно рисковал, его могли расстрелять как белые за дезертирство, так и красные за службу у белых.

Дед был черноволос, носил усы, некоторое время также и небольшую бороду, не имел седины до самой смерти. Немного прихрамывал, говорил, что застудил ногу на войне в окопах. Не знаю, какую войну он имел ввиду — первую мировую или гражданскую. Был очень деятельным, как говорится, лёгким на ногу и, соответственно, худощав. Не был слишком разговорчивым, говорил редко отдельными фразами, но всегда очень категорично. В целом, я бы сказал, что он был типичным представителем жителей Усожья. Мавру я запомнил уже пожилой женщиной, не слишком красивой, хотя от многих слышал, что в молодости она была довольно привлекательной. Всегда она казалась чем-то недовольной или обиженной. Разговаривала ещё меньше, чем и дед Николай. Например, я не помню ни одного случая, чтобы она поговорила со мной хоть о чём-нибудь, обычно она нас, детей как бы и вовсе не замечала. Многодетная семья и большое хозяйство в два дома вынуждали её быть постоянно занятой домашними делами и переделать эти дела качественно она явно не успевала. Старый дом, где семья жила зимой, казался довольно запущенным и грязным. Дед строил сани и занимался другими ремёслами прямо в избе, поэтому пол был весь изрублен топором и другими инструментами и имел грязно-серый цвет. Стены и потолок прокопчёны дымом от использования лучины для освещения и никогда не мылись, как это было принято в усольских домах. В «большом углу» (обычно так называли тот угол, где стояли иконы) всегда стоял столярный верстак, около которого обычно лежала куча стружек и всяких отходов, образующихся при занятии ремёслами. Новый дом, куда

перебирались на лето, содержался лучше, полы там были покрашены, а стены оклеены обоями, хотя и в новом доме дед занимался ремёслами, в частности, летом он обычно шил сапоги. В обоих домах всегда стоял запах стружки, дёгтя, кожи, ивы, черёмухи и ещё чего-то и мне этот запах нравился. Даже и теперь я могу взять рубанок и построгать какие-нибудь доски только для того, чтобы вдохнуть этот знакомый мне с пелёнок и какой-то очень родной запах.

Мавра была единственным членом семьи, работавшим в колхозе, ни сам дед, ни один из их детей (кроме моей матери) в колхозе никогда не работали. Помню, что Мавра обычно сеяла зерновые на колхозных полях. На грудь вешалась корзина из бересты (было какое-то специальное название, но не могу вспомнить) и сеятель шёл по полю забирая семена горстью и разбрасывая их широким взмахом руки. Надо было иметь хороший глазомер, чтобы уложиться точно в норму — не перерасходовать семена и не оставить лишних. Видимо, Мавра обладала такой способностью.

Мавра всегда ходила в лес по грибы и ягоды в одиночестве, хорошо знала лес и имела свои заветные места (у нас называли их едомами). За морошкой и черникой, например, она всегда ходила в Моховую раду, куда почти никто из деревенских не ходил. Место это считалось глухим, говорили, что там легко заблудиться и уйти неведомо куда, поскольку за этой радой начиналась бесконечная тайга без всяких ориентиров. Похоже, что именно от Мавры я унаследовал любовь к походам в лес в одиночестве и способность к ориентации в любом лесу.

Особой чертой характера Мавры была необычайная скупость. Не могу припомнить случая, чтобы Мавра угостила меня чем-нибудь, ну хотя бы коркой хлеба, хотя жили они намного богаче нас, поскольку дед за работу в дорожном хозяйстве и за сани для леспромхоза получал плату деньгами. Надо сказать, что и все дети у них, включая мою мать, были скуповаты. Например, Митька часто брал меня с собой ставить сетки весной, или ловить карасей в старой реке, или ловить щук на дорожку. Иногда я ему почему-то нужен был только для компании, но, например, при ловле карасей бреднем без помощника не обойтись. Я всегда с удовольствием шёл в лес или на рыбалку, кто бы меня ни пригласил. При этом, разумеется, наивно думал, что принесу домой рыбы и бабка испечёт рыбник. Ничего подобного. Митька не только ни разу не дал мне хотя бы одной

маленькой рыбки, но даже если я приходил к ним, когда семья сидела за столом и хлебала уху из наловленной нами рыбы, то никому даже и в голову не приходило посадить меня за стол. Подобные обиды в детстве воспринимаются особенно болезненно и запоминаются на всю жизнь. Точно такими же были и все дети Мавры. Может быть только тётка Анна была немного другой.

Не могу не отметить, что наша бабка Ксения, наоборот, была необычайно хлебосольной, как говорится, могла поделиться с нуждающимися последним куском хлеба и последней рубашкой. Прекрасно помню, как у нас ночевали бродячие нищие, которые появились после войны и ходили по деревням, попадая иногда даже и в нашу удалённую от дорог деревню. По этому поводу моя мать и бабушка ссорились, мать была большой чистюлей и очень брезгливой, присутствие нищих в доме её раздражало. Кроме того, мать действительно «билась как рыба об лёд», чтобы семья не голодала и потому, как говорится, дорожила каждым куском. Но тут бабка Ксения была непреклонной.

Запомнился случай, когда к нам пришла какая-то женщина с девочкой лет двенадцати. Они шли кажется из Емецка в Топсу, ночуя по деревням у сердобольных людей и питаясь подаяниями. Усолье им было не по дороге, но они завернули в него только потому, что женщина каким-то образом была знакома с нашей бабой Ксеньей. С собой они принесли мешочек колосьев жита, которые насобирали на колхозном поле. Значит это был уже конец августа или начало сентября. Бабушка смолотла зёрна на наших ручных жёрновах и рано утром, пока гости ещё спали, испекла шаньги с картофельной начинкой. Помню, как потом она их наставляла не съедать шаньги быстро, а растягивать на всю дорогу. При этом она приговаривала: «хлеб свой, дак хоть и у попа стой». Называла фамилии людей, у которых можно попроситься на ночлег в тех деревнях, через которые бедолагам надо было проходить. Я родился, когда бабушке было уже за шестьдесят лет и на моей памяти она никуда из Усолья не отлучалась. Думал, что она вообще нигде не бывала, а оказалось, что Ксения прекрасно знала округу и была знакома со множеством людей в разных местах.

Впрочем, мне кажется, что за редким исключением, скупость и бережливость были характерны для большинства жителей Усолья. Может быть только с позиции сегодняшнего времени эта черта

характера кажется такой отрицательной, а для тех, суровых во всех смыслах лет, она, пожалуй, вполне может быть оправдана.

Дом номер 8.

Хозяин дома Павел Андреевич Рудный (1885) имел то же отчество, что и мой дед Николай, но никаких родственных связей между ними не было. Кажется, что Павел в Усолье и вообще никакой родни не имел. Жена Павла Анна Васильевна (1884) имела прозвище Короткая (в противоположность Анне Долгой, о которой я упоминал выше). Она на самом деле была невысокого роста, немного полноватая, имела низкий, грубоватый голос.

Павел участвовал в первой мировой войне, попал в плен и некоторое время жил в Германии. Позже рассказывал, что жизнь в Германии ему нравилась и он даже подумывал там остаться, но всё-таки уже после революции и гражданской войны вернулся в Усолье к семье. Значит, Анна Короткая некоторое время жила одна с сыном Александром и дочерью Натальей. По этой причине её ещё называли и Анной солдаткой.

Павел умер в конце сороковых годов, но я хорошо помню его при жизни, а также и его похороны. Был жаркий летний день, на кладбище нещадно кусали комары. Помню, как сын Павла Александр плакал, склонившись над гробом. Позже он поставил на могиле деревянную оградку, покрасил её зелёной краской. Это было впервые в Усолье, до этого никогда оград на могилах не ставили. Позже, когда я заходил на кладбище посетить могилу бабушки Ксеньи, я всегда подходил и к могиле Павла. Удивительно, что ещё и пять лет тому назад, то-есть примерно через 60 лет после похорон, оградка всё ещё сохранялась и даже была заметна зелёная краска. Интересно, что в Заречье по соседству жили три Андрея, почти ровесники: отец Николая и отец Павла оба Рудные и отец моего деда Александра Уваров Андрей.

Про Андрея — отца Павла я совсем ничего не знаю, не знаю даже, как давно жили эти Рудные на месте дома 8 и почему у них в Усолье не было близкой родни. Дом Павла был сравнительно новый, не слишком большой. При заходе в дом с наружного крыльца попадал в широкие сени, справа была дверь в избу - две не очень большие комнаты: изба с русской печью и за дверью горница. Из сеней был также проход на поветь и из этого прохода была дверь в боковушку.

Это была довольно большая комната также с русской печью. Не знаю, как было при жизни Павла, но когда Анна жила уже одна, на зиму она всегда перебиралась в боковушку. Я там бывал много раз, так как моя бабушка Ксения дружила с Анной и я помню, как они вместе налаживали станок для тканья холста. Заправка ниток в станок — дело трудоёмкое, требует выполнения нескольких сложных операций с применением разных довольно оригинальных приспособлений. У нас в доме тоже был свой станок, но Ксения на нём при мне никогда уже не ткала, а пользовалась станком Анны.

Летом приезжали из города дети и внуки Анны, все перебирались в передние комнаты и дом на время оживал. Сам дом Павла и все остальные постройки (двор, баня, амбар, погреб) отличались хорошей плотницкой работой, были расположены в наилучших местах и выгодно отличались от соседних построек, включая постройки деда Николая. В доме были покрашены все полы: в избе, в боковушке и даже в сенях и в наружном крыльце. Такого не было пожалуй больше ни у кого в деревне. Дом содержался в идеальной чистоте, во всём соблюдался порядок. Не знаю, какими ремёслами занимался Павел, но по всему было видно, что они всегда жили в достатке.

У Павла с Анной было четверо детей: дочь Наталья и сыновья: Александр, Анатолий и Василий. Наталья вышла замуж за Медникова из деревни Гора и ещё до войны они уехали в Архангельск, жили в доме возле площади Профсоюзов. У Натальи был сын Александр и две дочери Валентина и Галина. Муж Натальи погиб на фронте и после войны они жили очень трудно. Все трое детей на лето приезжали в деревню, а сын Сашка даже жил у бабки Анны несколько зим и ходил в школу в Кривце в одно время с моими сёстрами. Хотя Алескандр (обычно его звали Шуриком) был старше меня на несколько лет, но я его считал своим другом и вообще очень его любил. С его приездом в деревню менялась вся наша ребячья жизнь. Он был очень энергичным, организовывал разные игры, кажется, что он иногда эти игры сам и придумывал. Позже он поступил в Архангельскую мореходку, приезжал в морской форме, которая всех в деревне восхищала и вызывала неприкрытую зависть. Под влиянием Шурика я сам мечтал стать моряком и даже может быть поступил бы тоже в мореходное училище, если бы этому не помешала моя близорукость — мне не дали соответствующей медицинской справки.

Дочери Валентина и Галина тоже подолгу бывали в деревне и все они были для нашей семьи как бы родня, тем более, что дома наши стояли рядом, близко друг к другу. Часто приезжала и Наталья и бывала у нас почти ежедневно. Они с моей матерью Фёклой выросли вместе и в юности, как говорили раньше, были самыми задушевыми подругами.

Александр Павлович тоже уехал в Архангельск ещё до войны. Женат он был на дочери Петруши Елсукова Анне Петровне, а поскольку Анна была двоюродной сестрой моего отца, то они приходились нам немного роднёй. У Александра были дети Борис и Роза, которые тоже часто жили у бабки, да и сам Александр отпуск всегда проводил в Усолъе. После войны у Александра родился ещё один сын, но с ним я не был знаком. О втором сыне Павла Анатолии я ничего не знаю, он погиб на фронте не успев обзавестись семьёй. Александр и третий сын Василий также участвовали в войне, Василий имел офицерское звание, имел контузию, был награждён орденом Красного Знамени. Я помню, как он вернулся из армии в деревню с трофейным аккордеоном. Любил выйти вечером и поиграть на аккордеоне, сидя на камне, положенным Павлом возле угла дома. Появился он в деревне три или даже четыре года спустя после войны, видимо, продолжал службу и может быть остался бы кадровым военным, если бы не последствия контузии. После войны Василий поступил в АЛТИ, по окончании работал в леспромхозах, впоследствии занимал даже должность директора. Не знаю, где теперь живут его дети.

Анну Короткую позже Александр увёз в город, где она вскоре и умерла. Окна дома заколотили старыми досками и он остался пустым. Однако, на лето внуки всегда приезжали в деревню, доски убирали и дом на время оживал. Со временем приезжать стали всё реже, а потом Александр продал дом Николаю Игнатьевичу Карельскому, я думаю, за почти символическую цену — деревня уже пустела и дома становились никому не нужны. Некоторое время в доме жила семья дочери Николая Нины, но потом Нина куда-то уехала, а дом сын Николая Анатолий Карельский перевёз в Морж.

Дом номер 23

Это родной дом Мавры Степановны Рудной и родословная этой семьи приведена выше. Кроме тех сведений, что в родословной, я

почти ничего не знаю об этом семействе Рудных. Раньше я и вообще, как оказалось ошибочно, считал, что Мавра была из Карельских.

Отец Мавры Степан Николаевич Рудный (1848) и его жена Катерина Афанасьевна (1850) имели кроме Мавры ещё дочь Наталью. После замужества Мавры и смерти родителей дом остался за младшей дочерью Натальей. Наталья вышла замуж за Фёдора Романовича Карельского из семьи, жившей по соседству. Фёдор перешёл жить к Наталье (в примачи, как говорили в деревне) и значит дом 23 стал принадлежать Карельским. Сменилась фамилия хозяина дома, что в Усолье было в общем-то редкостью.

Фёдор работал лесником. Я хорошо его запомнил потому, что он часто ходил в гости к деду Николаю. Сидел на стуле часами, не спеша разговаривая с Николаем и непрерывно курил. Дед никогда не курил и потому мог не прерывать своего занятия — строительства саней или ещё чего-нибудь. Курение у Фёдора было настоящим ритуалом. Он доставал из кармана кисет, вынимал из особого кармашка на кисете сложенную газету «Правда севера», отрывал лоскут нужного размера, доставал махорку, насыпал на бумажку, сворачивал, заклеивал слюной и вставлял в рот. После этого из другого кармашка на кисете доставал камень, называемый кремень, железную битую и трут, помещённый в ружейный патрон. Ударяя по камню высекал пучок искр и вскоре трут начинал дымиться. Он раздувал огонь и прикуривал. Затем тушил трут, закрывая патрон колпачком, и аккуратно всё укладывал обратно в кисет. Мне кажется, что деда, который никогда не сидел без дела хотя бы одной минуты, безделье Фёдора не могло не раздражать.

На крыше дома Фёдора из бересты была выложена цифра 8. Иногда прилетал пожарный самолёт, ориентировался по этой цифре, и на парашютике сбрасывал какое-то предписание леснику. Парашют обычно относил куда-нибудь в сторону и мы, ребяташки, бежали разыскивать в траве. Фёдор доставал бумагу, а парашют отдавал нам и мы запускали его с обрыва, вкладывая в карманчик камень.

Степан умер в 1915 году, а потому моя мать, видимо плохо помнила его, и почти ничего не рассказывала о своём деде. Зато бабушку Катерину она помнила очень хорошо и похоже, что любила свою бабушку. От матери я узнал, что Катерина была «не робкого десятка», умела постоять за себя и на общинных сходках выступала активно, высказывалась прямо, никого не боясь. В частности, мать вспоминала такой эпизод. В деревне была семья Поповых (о них

будет идти речь далее), глава которых Василий Фёдорович считался богачем и держался всегда с большим гонором. В праздник, будучи навеселе, он шёл по деревне и орал во всё горло: «если захочу, то я Усолье куплю и продам». Навстречу ему шла Катерина. Она поклонилась ему в ноги и попросила: «Василий Фёдорович, ты нас хоть в Целезеро не продавай. Продай уж лучше куда-нибудь на большую дорогу».

У Натальи была единственная дочь Клавдия, которая была потом замужем за Иваном Фёдоровичем Уваровым, о котором я уже упоминал выше. После смерти Фёдора Романовича, а потом и Натальи Степановны дом номер 23 был продан и перевезён новыми хозяевами в Хетово.

Многочисленные потомки Рудных разбросаны по городам и сёлам и многие теперь, наверное, толком уже и не знают, где и как жили их предки. Хотя, даже к некоторому моему удивлению, среди них есть и такие, которые проявляют к своим корням некоторый интерес. В частности, активно интересуется предками дочь Василия Николаевича Рудного Ольга, в замужестве Беломестнова. Она разыскала и познакомилась практически со всеми потомками Николая и Мавры. Год назад она даже пыталась организовать их встречу там, в бывшей деревне. Однако собралось всего пять человек. Как это обычно бывает, все согласны приехать только на словах, а когда доходит до дела, у всех находятся причины отказаться от поездки.

Поповы

Следующими по порядку расположения домов в Заречье идут Поповы, значит, к описанию этого рода теперь и перейдём. Всего в деревне было только две семьи Поповых. Егор Сергеевич Попов (1879), дом номер 12 и Прокопий Васильевич Попов (1888), дом номер 17. Исходя из того, что Поповы занимают конец деревни Заречье, можно сделать вывод, что их род появился в Усолье следующим после Уваровых и Рудных и наверняка раньше Карельских.

Егор Сергеевич был женат на Пелагее Васильевне (1877), в деревне её называли Поладьей. Всего у них было четверо детей: три сына Александр, Дмитрий, Пётр и дочь Анастасия. Все три сына погибли на фронте. Дочь Анастасия ещё до войны вышла замуж и

уехала из деревни. На моей памяти в доме жили только Егор с Поладьей. Помню, что с ними жила внучка Лидия, дочь сына Дмитрия. Каждый год она приезжала в деревню на всё лето. Кто была мать Лиды и где она жила, я не знаю и кажется, что я её никогда не видал.

Егор умер вскоре после войны я помню его похороны, правда довольно смутно. Поладья часто ходила к нам. Иногда она просила меня помять спину ногами. Поэтому я запомнил, что у ней был небольшой горб, спина была какой-то неестественно твёрдой. Кстати, об этом же меня иногда просил и дед Николай, видимо был такой обычай массировать спину ногами ребёнка. Помню, как Поладья страшно горевала по своим сыновьям. Вместе с моей бабушкой Ксеньей, тоже потерявшей на войне единственного сына, они жаловались на судьбу, проклинали войну и заливались слезами. Немного помню я и дочь Анастасию, она иногда приезжала летом в отпуск. Мне она казалась важной дамой. Обычно с ней приезжала и девочка, видимо дочь, года на три младше меня, не помню, как её звали.

Внучка Егора Лида была подругой моей сестры Лизы, они часто ходили друг к другу. Вместе с Лизой и я часто бывал у Поповых. Впоследствии Лида жила в Молотовске (теперь Северодвинск), кажется, что там жил и её отец до войны. С Лизой они поддерживали связь и в городе.

Не помню, умерла Поладья в Усолье, или дочь Анастасия увезла её в город. Скорее увезла, так как похороны я бы наверняка запомнил; эти события остаются в памяти вернее всего. Дом некоторое время стоял пустым. Потом в деревню откуда-то приехала медичка, которую все называли просто Аня. У ней было трое детей. Аню поселили в доме Егора, там же в горнице был устроен и медпункт. Потом Аня вышла замуж за Леонида Ивановича Карельского — сына коммуниста Ивана Карельского. Дом стал принадлежать этой семье. У Леонида с Аней родились ещё дети, которые впоследствии и перевезли дом в Хетово.

Дом Егора Сергеевича (12) был большим. Из наружного крыльца сначала попадал в большую прихожую, из неё был вход в избу с огромной русской печью. Из избы можно было попасть в две передних комнаты, тоже довольно больших. Сзади дома, как водится, был большой и высокий двор, с хлевом внутри двора. По всему было

видно, что когда-то это была большая и зажиточная семья. Помню, что об Егоре всегда говорили уважительно, видимо в деревне он пользовался авторитетом. Было у Егора и гумно с овином (строение номер 34). В деревне только три семьи имели гумна под крышей, большинство молотили своё зерно на утрамбованных площадках под открытым небом, или арендовали гумно за плату.

Прокопий Васильевич Попов (дом 17), был женат на Фёкле Даниловне (1897). Родом Фёкла из Моржа (деревня Вакорино), девичья фамилия Галашева. В деревне Прокопия называли Пронькой.

У Прокопия с Фёклой было восемь детей. О двоих из них я ничего не знаю, они или рано умерли, или куда-то уехали и не бывали больше в Усолье. Старший сын Михаил Прокопьевич воевал, на фронте потерял глаз. После войны в Усолье он не жил, работал в Березниковском леспромхозе, кажется бухгалтером. Его жену звали Лида, я бывал у них в Березнике дома. Позже они перебрались в Архангельск. У Михаила детей не было. Второй была дочь Лиза, она тоже рано уехала в город и её семья жила в Уйме, видимо муж работал на кирпичном заводе. В Усолье приезжали часто. Сын Василий жил и работал на запани в Хетово, был женат на Наталье Елсуковой из Кривца. Дочь Сима была женой моего брата Клавдия, работала продавцом, жили также в Хетово. Дочь Лида была подругой моей сестры Лиды, они проучились все семь лет в одном классе. Закончила сельскохозяйственный техникум, впоследствии жила в посёлке Пинега, если память мне не изменяет. Младший сын Николай жил в Усолье почти до самой ликвидации деревни, работал в колхозе, позже каким-то образом оказался в Шенкурске, где и умер в молодом возрасте.

Дом Поповых (номер 17) был очень большой: летний дом, подызбица, огромный двор, пристроенный сбоку большой хлев. Поветь была такой обширной, что хоть в футбол играй. В таком дворе могли поместиться штук десять коров и несколько лошадей. Дом с виду казался старым, но сделан он был капитально в старинном стиле. Ничего в доме и снаружи не было покрашено, исключая горницу где был покрашен пол и оштукатурен потолок. При этом и потолок и печь имели синеватый цвет, какой бывает, если в побелку добавить синьки больше, чем надо.

В Усолье всегда страшно боялись пожаров, что естественно для деревни посреди бескрайней тайги. Например, развести костёр

(называли словом огнище) можно было только у речки возле самой воды. Такие пожароопасные объекты, как бани по-чёрному всегда тоже строились на самом берегу реки. На моей памяти не было ни одного серьёзного пожара в деревне, не помню и рассказов о пожарах в прошлое время. Только у Проньки был один случай, когда дом едва не сгорел. В жаркий летний день дочь Сима ставила самовар и, видимо, в дымоходе загорелась сажа. Искра попала на деревянную крышу и она начала гореть. Помню, что появилось пламя, которое развевалось на ветру, словно знамя. К счастью кто-то увидел, прибежали люди и смогли быстро потушить огонь. Страшно даже подумать, что могло бы произойти в такой жаркий, да ещё и ветреный день, могла бы сгореть вся деревня.

Дом Поповых вполне можно было бы выставить в музее деревянного зодчества в Деревне Карелы возле Архангельска. Сам этот дом свидетельствовал, что до революции Поповы жили в большом достатке. Им же принадлежало и самое большое гумно в деревне, с деревянным полом и с большим овином. При колхозе в этом гумне (строение номер 33) была установлена молотилка с конным приводом и здесь обмолачивали весь хлеб нашей колхозной бригады. Возможно, что молотилку купили сами Поповы, ещё до коллективизации.

По характеру Поповы отличались большой заносчивостью, считали себя хозяевами деревни. Их в деревне не любили, но боялись и старались не конфликтовать. Даже в советское время дети Поповых держались с гонором, про таких людей говорят, что это люди с тяжёлым характером. Когда мой брат собрался жениться на Поповой Симе, против была и наша бабушка Ксения и мать Фёкла и мои сёстры по той причине, что не хотели породниться с Поповыми. У моей матери с Симой всегда были натянутые отношения, до конца своих дней они не любили друг друга, при этом вынуждены были жить вместе. Впрочем, Сима была хорошей хозяйкой, а ко мне она всегда относилась очень хорошо.

Младший сын Колька Попов отличался от остальных и я с удовольствием дружил с ним. Колька был добрым, отзывчивым парнем. Не знаю, почему у него не сложилась жизнь. Он женился, но брак не просуществовал и года. Может быть по этой причине Колька стал сильно пить и прожил не долго.

На похоронах моей матери, Василий Прокопьевич, выпив, стал вдруг жаловаться: «Фёкла меня не любила, называла поповщина». И в общем-то он был прав.

В деревне часто поминали отца Проньки Василия Фёдоровича. Видимо, он занимал видное место по деревенской иерархии. В молодости Василий долго служил в царской армии, должно быть многое повидал. Василий избирался на выборные должности, был постоянным членом церковного совета и так далее. Несомненно, что семья Поповых была большая и работающая. Не знаю, в какой степени родства были семьи Поповых Егора и Василия, но очевидно, что у этих семей был общий предок. Правда, я не помню, чтобы эти семьи поддерживали родственные отношения, точно знаю, что не ходили друг к другу в гости и между семьями не было взаимопомощи. Но, в общем-то, это ничего не доказывает. Какое-то отношение те и другие Поповы имели к делам церкви, может быть среди их предков были священники.

Наверное, Поповы были кандидатами на раскулачивание в тридцатые годы, но что-то спасло их. Может быть главный коммунист и организатор советской власти Иван Карельский банально побоялся тронуть эту семью, говорят, что страх, накопленный за многие годы у человека «сидит в печёнках» и преодолеть его бывает трудно.

Тем не менее, Василий Попов дожил до своих чёрных дней. У него стало сдавать зрение, а вдобавок ещё и появилась какая-то болезнь ног. Свои последние годы он доживал полностью слепым и беспомощным. Баба Ксенья вспоминала, как его таскали в баню на кокорках (на спине).

После смерти Проньки Фёкла Даниловна жила в Хетово у Василия Прокопьевича. Дом Василий не хотел перевозить, полагая, что он очень уж старый. Но мой брат Клавдий обследовал его и посоветовал перевезти. Клавдий помог дом поставить, частично изменив планировку и увеличив окна. Хотя и старый, но срубленный из отборной сосны получился прекрасный дом, который ещё может прослужить добрую сотню лет. Не знаю, живёт ли кто-нибудь сейчас в этом доме после смерти Василия и Натальи.

Интересно, что большая пожня ниже места впадения Лембовки в Усолку называлась «Попова». Слово трактовалось, как во множественном числе, то-есть, на вопрос «где ты сегодня пас коров?» пастух мог бы ответить: «в Поповах». Возле этой пожни Усолка

образует омут, который тоже назывался «Попов омут» (рис.1). Не знаю, имеют ли эти названия отношение к семейству Поповых, или когда-то эта пожня принадлежала какому-то попу.

Карельские

Дома с номерами 13, 18, 20, 21, 24, 25, 26, образующих деревню Бухреки, принадлежали семьям Карельских. Нет сомнения, что Бухреки застраивались после Заречья, а Карельские появились в Усолье после Поповых. Карельские превосходили другие фамилии по численности, но это, конечно, не может быть доказательством того, что они раньше других появились в Усолье.

Дом номер 13 принадлежал Ивану Григорьевичу Карельскому (1891), бывшему первым коммунистом и о нём я уже не раз упоминал выше. Жена Ивана Ольга Ефимовна (1896) из д. Плёсо. Семья имела в деревне прозвище Коммунисты. Иван умер ещё до войны, а Ольгу я прекрасно помню. У них было шестеро детей. Лучше других я знал Идею Ивановну (в деревне называли Дейкой) и Шурика, моего одноклассника. Дейка вышла замуж за парня из Плёсо, которого после окончания ФЗО направили на работу в Таллин, где они и жили до развала Советского Союза. Потом им пришлось вернуться обратно в Плёсо, где Дейка и доживала свои дни. Шурик Карельский был один из немногих, кто не перешёл в леспромхоз и не уехал в город, а до конца своих дней работал в колхозе. Только с ликвидацией деревни ему пришлось перевезти родительский дом в Морж. Остальные дети Ивана рано уехали из Усолья кто куда, и только Леонид Иванович на некоторое время снова вернулся в деревню, поскольку женился на Ане медичке, присланной на работу в Усолье. Впрочем, в колхозе Леонид никогда не работал.

Дом номер 13 был сравнительно новый, наверное его построил сам Иван, может быть уже при советской власти. По этой причине дом и оказался в Заречье, где, видимо, к тому времени освободилось чьё-то место. Впрочем, место это было не слишком удобное, для огорода возле него почти не было места. Дом был небольшой пятистенок с наружным крыльцом, совсем небольшим был и двор.

Ольга Ефимовна занималась тем, что возила утренний надой с колхозной фермы на молокозавод в Морж. Кроме того, она же принимала и молоко от колхозников, которые обязаны были сдавать

его в качестве государственного налога. Советская власть не только заставляла колхозников работать без оплаты, но ещё и заставляла платить налоги, фактически отнимая последний кусок хлеба у полуголодных детей. Принимала это молоко Ольга прямо в избе, где по этой причине вечно толклись люди. Помню, что на стене был повешен стенд, на котором указывалось, какой жирности было молоко у каждого колхозника и насколько это молоко было чистым. Чистота иллюстрировалась приколотым к стенду лоскутом марли, через который Ольга фильтровала молоко. Те, у кого фильтр оказывался грязнее, чем у других, должны были стыдиться. Ничего не скажешь, чисто коммунистический подход!

Дома номер 18 и 26 принадлежали братьям Ивану Игнатьевичу(1900) (дом 18) и Николаю Игнатьевичу(1902) (дом 26) Карельским. У них, а также и у всех их потомков было прозвище Игнахины. Отец этих братьев Игнат Иванович Карельский жил в доме номер 18, расположенным на самом угоре, рядом с домом Василия Попова. Значит, Иван остался в родительском доме, а Николай построил, или может быть приобрёл чей-то старый дом номер 26.

Иван был женат на Елене Семёновне (1903) из деревни Горка, девичья фамилия Арефина. У них было шестеро детей. Лучше других я знал Николая, он на два года старше меня, и младшую Юлию, мою одноклассницу. Все дети подрастая уезжали кто в город, кто в леспромхоз, только Колька Карельский некоторое время работал в колхозе. Он впоследствии и перевёз дом 18 в Хетово.

Иван Игнатьевич погиб на фронте, Елена (в деревне её называли Линка), была слаба здоровьем, у ней был какой-то хронический кашель, для тяжёлых работ она была непригодна и поэтому семья после войны жила в крайней бедности. Да и сам Иван при образовании колхозов относился к бедноте как, впрочем, и все Карельские. Игнаха, а потом и сын Иван, да и внуки тоже, были охотниками. В Усолье охота не могла обеспечить хороший достаток, и потому в деревне это занятие считали никчёмным, а хозяйственные мужики называли Игнахиных, как, впрочем, и всех остальных Карельских, презрительным словом голытьба.

Дом Ивана (номер 18) был небольшой пятистенки, внутри он выглядел таким же грязным и неухоженным, как и старый дом моего деда Николая. Не помню, занимались ли в этой семье какими-то ремёслами, помню только, что сын Василий впоследствии работал на

запани Хетово столяром.

Николай Игнатьевич Карельский (дом 26) был женат на Ульяне Васильевне (1910), кажется из деревни Гора. Всего у них было четверо детей: Нина, Валентина, Анатолий и Василий. С Василием я учился в одном классе. Николай был на фронте, служил на флоте на каком-то вспомогательном судне и вернулся с войны живым. Кстати, почти все из тех немногих, кто вернулся, служили в каких-нибудь вспомогательных частях, или провели войну на Дальнем востоке. После войны и почти до момента ликвидации деревни Николай работал на должности колхозного бригадира. Ульяна смолоду плохо слышала. При этом говорила она тихо, немного прищёптывая. Старшая дочь Нина вышла замуж за какого-то приезжего и после замужества одно время жила в Усть-Ваеньге, потом, кажется в Пянде, затем какое-то время жили в Усолье. Куда они уехали в конце концов, я не знаю. Валентина работала в Хетово в пекарне, тоже вышла замуж за какого-то вербованного. Василий работал на запани в Хетово и трагически погиб на сплаве ещё совсем молодым. И только Анатолий работал в колхозе до конца существования деревни, а потом перевёз дом Павла Рудного в Морж.

Дом Николая Игнатьевича (26) также был небольшой пятистенок. Скорее всего он был перестроен из какого-то старого дома. Сделан он был плохо, казался каким-то недостроенным. Хотя Николай вернулся с войны жив и здоров, жили они также бедно, как и семья погибшего Ивана Игнатьевича. Николай охотой не занимался, не занимался он и хоть каким-нибудь ремеслом. Вообще, хозяином он был неважным, да и в его колхозной бригаде дела шли совсем не блестяще. Впрочем, вся рабочая сила тогда состояла из женщин и подростков. При этом женщины постепенно старели, а подростки уходили из деревни при первой возможности. Всё колхозное хозяйство имело явные признаки упадка и безнадёжности.

Дом номер 26 перевезли в Хетово ещё при жизни Николая и Ульяны, видимо по инициативе Василия. Впоследствии в доме жили Николай, Ульяна и их средняя дочь Валентина. Не знаю, куда делся у Валентины муж, но она оставалась одна с ребёнком. После того, как её сын вырос, он был осуждён, кажется за воровство. После выхода из тюрьмы очень быстро снова туда попал и так повторялось несколько раз. После смерти родителей Валентина жила одна, сын иногда появлялся дома, но она уже сама была ему не рада. Когда умерла и

Валентина, этот тюремщик оказался владельцем дома. Не знаю, живёт ли в доме кто-нибудь теперь.

Анатолий после переезда в Морж работал там в колхозе пастухом (вернее это был уже совхоз), я слышал, что у него была большая семья. Вспоминаю такой случай. Как-то Толя, будучи выпившим, вздумал сдуру забраться на одну из берёз на усыпи. Несколько раз чуть не сорвался. После этого Игнахины собрались и спилили все три старые берёзы, оставшиеся ещё от первой усольской церкви, для того только, чтобы дорогой Толя опять не полез и не упал. Потом берёзы, украшение деревни, много лет лежали в траве, мешая сенокосу, пока совсем не сгнили.

Дом номер 20 принадлежал Александре Степановне Карельской (1883). Она рано овдовела и про её мужа Михаила я вообще ничего не слышал. В деревне у неё было прозвище Олексаха, впоследствии и всех её потомков называли Олексахиными. Всего у ней было пятеро детей. Дочь Офимья Михайловна была замужем за Щипицыным Иваном в деревне Горка, там и прожила всю жизнь. Сын Артём Михайлович был активным комсомольцем, а потом и коммунистом, о нём я уже упоминал выше. Был участником войны, служил во вспомогательной ремонтной части. После войны жил в Архангельске. После смерти Александры дом стоял пустым. Когда она умерла я не знаю, на моей памяти в доме уже никто не жил. Артём и младшая дочь Нина, тоже проживающая в Архангельске, часто приезжали в отпуск, но жили всегда у Офимьи, почему-то не в своём родном доме. Возможно, что дом по какой-то причине был непригоден для жилья, может быть были неисправны печи. Подолгу жила у Офимьи дочь Артёма Светлана. Она была приблизительно моя ровесница, принимала участие во всех наших играх и потому я её прекрасно знал. Это была хорошая, общительная девочка, мне она нравилась

В деревне про Олексаху рассказывали, можно сказать, ужасную историю. Будучи вдовой она забеременела, пыталась это скрыть, тайно родила ребёнка и утопила его в трунденной яме (такие ямы оставались после добычи торфа, трунды). Я даже знаю место, где эта яма расположена. Бабушка вспоминала, что приезжал урядник из волости, проводил следствие. В деревне такое событие вообще было чрезвычайным делом. Олексаху увезли, однако не надолго, вскоре отпустили, видимо учли какие-то обстоятельства, смягчающие её вину, возможно ребёнок умер при родах.

Не знаю судьбу самого дома номер 20, однажды я приехал в деревню и обнаружил, что дома уже нет. Это тоже был небольшой пятистенок. Я не бывал внутри дома, но внешне он выглядел приличнее домов Игнахиных. В частности, были покрашены белой краской рамы и наличники. Дом не казался старым.

Дом номер 21 принадлежал Григорию Ефимовичу Карельскому (1901). Григорий был женат на Александре Михайловне Петровой (1907) с Горки. У Александры и её трёх братьев было прозвище Марфины по имени матери, обычно в деревне её называли Сашка Марфина. У ней было шестеро детей из них четыре сына. Младший сын Володька родился в 1941 году уже после начала войны. Григорий погиб на фронте и Сашка Марфина одна, в тяжелейших условиях, вырастила детей. Как и моя мать она работала на всех основных (тяжёлых) работах в колхозе и на лесозаготовках.

Старшая дочь Евгения была замужем за сыном Ульяны, сестры моего деда Николая, которая жила в Морже. Когда я учился в Моржегорской школе, то некоторое время жил у Ульяны вместе с предпоследним сыном Сашки, моим тёзкой Борисом. Учился он на один класс впереди меня. Потом Борис работал в леспромхозе, где с ним произошёл несчастный случай. Работал он на валке леса. После окончания рабочей смены рабочие ожидали машину, которая должна была отвезти их в посёлок. Борька сидел в дощатой будке. В это время из лесу вышел какой-то охотник, который собирался ехать домой с рабочими на леспромхозовской машине. Чтобы разрядить ружьё, охотник выстрелил в стену будки. Пуля пробила доски и тяжело ранила Бориса.

Все дети Александры подрастая уходили в леспромхоз, в колхозе успевали поработать только пока были подростками. Помню, что одно время они пасли овец на пожне «Поповы». Эти овцы принадлежали жителям деревни и утром Карельские собирали их в одно стадо, а вечером снова распределяли по домам. Все дети Сашки Марфиной впоследствии жили в Хетово, у всех были семьи. Не знаю, кто и куда перевёз их дом, я видал только, что ещё долго стоял двор, оставшийся от дома. Как и у всех Карельских, дом был также пятистенок небольшого размера. Сейчас трудно и представить, как такая семья помещалась в двух небольших комнатах.

Дом номер 24 принадлежал Павлу Романовичу Карельскому (1907), жена Евдокия Матвеевна (1907). Павел был братом Фёдора

Романовича, о котором я писал выше. Фёдор, женившись на сестре моей бабки Мавры Наталье, перешёл к ней жить в дом 23, расположенный рядом с домом 24, а Павел остался в родительском доме. У Павла с Евдокией всего было два сына: Николай и Евгений. Павел погиб на фронте, Евдокия вырастила детей одна. В деревне её называли Дунькой Романковой, прозвище по имени свёкра Романа. Этот Роман был известен в деревне тем, что прослужил в царской армии 25 лет. Евдокия также относилась к основным работникам в колхозе, выполняла все основные, самые тяжелые работы.

Сейчас я уже не помню, как так получилось, что со старшим сыном Дуньки Николаем я часто общался. В частности, он научил меня гнать дёготь из бересты, я с удовольствием ему помогал в этом деле. В это время дёгтя в деревне уже никто не гнал, для смазки сапог видимо использовали старые запасы. Николай трагически погиб во время службы в армии, подробностей я не помню. Младшего сына Евгения, который был на год старше меня, мы называли Еньчиком. Был он слабосильным, учился в школе очень плохо, был хулиганистым и вредным. Не знаю по какой причине, но Евдокия, будучи ещё не старой, переехала с Еньчиком на жительство на запань Пянду, бросив дом в деревне. Дом был небольшой, но не казался старым. Когда деревня уже опустела, многие бывшие жители Усолья посещая деревню останавливались в этом доме, иногда жили день или два. За домом присматривал Олег Иванович Карельский (сын Елены Карельской), но после его смерти подростки из Хетово быстро всё в доме разломали и потом он ещё долго стоял, постепенно разрушаясь.

В Доме номер 25 на моей памяти жили Дорофей Михайлович Карельский (1893) с женой Верой Матвеевной (1895). Я мало что знаю об этой семье. Кажется, у них был сын, который погиб на фронте. В деревне Дорофея называли Дорохой. От моей матери я слышал, что до войны мой отец Виктор иногда пьянствовал с Дорохой. Отец не был пьяницей, но выпить по праздникам любил. Не знаю, почему он дружил с Дорохой, который был на 15 лет старше.

Дороха был заядлым охотником и рыбаком. На озере Великом была довольно большая охотничья изба, которую все называли дорохиной; видимо он её и построил. Будучи уже практически стариком Дороха продолжал много пить и по этой причине нечаянно утонул в омуте на подгоре, который подростки с той поры стали называть Дорохиным.

Дом Дорофея был большой, с подызбицей. По всему было видно, что когда-то это была работающая семья, вовсе не голытьба. Но на моей памяти часть окон в доме была заколочена досками, и вообще дом казался вроде как не жилым. Куда он потом делся, я не знаю.

Елсуковы

Елсуковы занимали дома 27, 29, 30, 31. Эту часть деревни называли Крученово. Полагаю, что как и Бухреки, это древнее название, от аборигенов. Все четыре семьи считались родней и поддерживали родственные связи. Этот факт свидетельствует о том, что Елсуковы появились в Усолье сравнительно недавно.

Дом номер 27 принадлежал Петру Алексеевичу Елсукову (1872). Пётр был женат на Наталье Андреевне Уваровой (1874), сестре моего деда Александра. В деревне Петра Алексеевича называли Петрушей. В семье было пятеро детей: Фёдор, Михаил, Григорий, Анна и Александра. Петруша был хорошим хозяином, семья считалась зажиточной и уважаемой в деревне.

Михаил Петрович Елсуков имел способности к учёбе, уехал в Москву, закончил институт и впоследствии получил звание профессора Московской сельскохозяйственной академии. Известно, что на первоначальном этапе Михаилу помог поступить на сельскохозяйственные курсы в Архангельске Иван Григорьевич Карельский, бывший тогда председателем Рязановского сельсовета. Я помню заметку в районной газете, в которой упоминалось, что темой кандидатской диссертации Михаила было исследование запасов клюквы на болотах в нашем районе. Сейчас такая тема кажется просто забавной, вряд ли она имела практическое значение. Кстати, в Америке клюкву уже давно культивируют, кажется и у нас сейчас предпринимают попытки в этом плане.

Михаил Петрович воевал в офицерском звании, имел награды. Я однажды побывал у Михаила Петровича в его московской квартире. К сожалению, он куда-то уехал, дома были только его жена и их единственный сын. Эта жена не проявила ко мне ни малейшего интереса. Сын же был, как теперь сказали бы, даун, в деревне считали бы просто дурачком.

Анна Петровна была замужем за Александром Павловичем Рудным и жили они в Архангельске, об этом я уже упоминал выше.

Все остальные дети Петруши также, как и Михаил, жили в Москве, но я почти ничего о них не знаю. Помню только, что в Усолье летом приезжала несколько раз девочка Фрида, не знаю, чьей дочерью она была. Фрида была на несколько лет моложе меня, имела очень плохое произношение и была сильно косолапой, как сказали бы в Усолье. Наша бабка Ксенья, которая «за словом в карман не лазила», как-то сказала: «у Фрижки ножки, как кичижки».

Петруша умер, когда я ещё не ходил в школу. В деревне говорили, что у него «случился удар», скорее всего был инсульт. Петруша довольно длительное время лежал в полном параличе и только пытался что-то говорить, совсем невнятно. Помню, что баба Ксенья ругала Наталью говоря, что после удара не надо было Петрушу «трясти», то-есть, пытаться приводить его в чувство, вызывать медичку и делать укол, переносить с пола, где он упал, на кровать. По мнению бабушки следовало оставить человека в покое, чтобы дать спокойно умереть. Мне кажется, что это правильная точка зрения. Много подобных случаев происходило впоследствии на моей памяти. Иногда после инсульта люди лежали без движения долгие годы, мучаясь сами и делая невыносимой жизнь своим близким. Кстати, сама Ксенья тоже умерла от инсульта, который у неё случился во время сна. Когда соседка Ольга Коммунистка пришла утром проведать, Ксенья лежала на печи и казалось, что она спокойно спит. Медичку не вызывали, поскольку в Усолье её уже не было и не пытались бабушку разбудить. После нескольких часов она просто перестала дышать. Не известно, что было бы, если бы её «растрясли», по выражению самой Ксеньи. Умерла она в 85 лет и, как мне кажется, такой смерти можно только позавидовать.

Не помню, когда умерла сама Наталья, было ли это в Усолье, или дети увезли её в город. Дом долгое время стоял пустым. Впоследствии в нём жила семья учительницы Марии Васильевны, они и перевезли дом номер 27 в Хетово.

Дом номер 29 принадлежал Прохору Николаевичу Елсукову. Прохор приходился двоюродным братом Петру Алексеевичу, их отцы были братьями. Жена Прохора — Анна Прокопьевна (1879) . В семье было шестеро детей. Старшая дочь Ульяна Прохоровна была замужем за братом моего деда Фёдором Андреевичем Уваровым. У них был единственный сын Александр, который погиб на фронте. Ранее я уже

упоминал, что Фёдор с Ульяной разошлись, Фёдор уехал в Москву, а Ульяна вышла замуж вторично и впоследствии жила в Архангельске.

Все остальные дети Прохора также жили в Архангельске. Все потомки Прохора имели прозвище Прохоровы. Обычно говорили Ульяна Прохорова, Ольга Прохорова и так далее, и сразу было ясно, о ком идёт речь. Сам Прохор умер ещё до моего рождения, на моей памяти в доме жила одна только бабка Анна, которую тоже всегда называли Прохоровой. Лишь только летом из города приезжали обычно на все каникулы две дочери Ольги Прохоровны. Старшую звали Нина, а вторая дочь была намного младше меня и как её звали я не помню. Приезжала также моя ровесница Люся, дочка Василия Прохоровича, погибшего на фронте. Иногда приезжала и сама Ольга Прохоровна, а также мать Люси. Люся с матерью и Ольга с дочерьми жили в одной квартире в районе улицы Поморской, я бывал у них раза два-три. Муж Ольги погиб на фронте. Бывал я и у Ульяны Прохоровны, которая жила одна в квартире возле стадиона Динамо. Никого из остальных детей Прохора я не видал.

До революции семья Прохора Николаевича в деревне считалась зажиточной, пожалуй она была даже богаче (теперь бы сказали успешнее) семьи Петра Алексеевича. Прохор считался образованным и имел определённое влияние на жизнь общины. Мне трудно судить, как относились к Прохоровым другие жители деревни, но моя мать и баба Ксенья говорили о них всегда только уважительно.

После смерти Анны дом 29 долго стоял пустым, затем был продан и новые хозяева перевезли его в Усть-Морж. Дом выглядел, как один из лучших во всей деревне. Помню, что перед фасадом росли два дерева: лиственница и берёза. Пожалуй, это был единственный дом в Усолье, возле которого посажены деревья, в деревне не было такого обычая. Когда дом увезли, деревьев тоже уже не было на месте.

Дом номер 30 принадлежал племяннику Прохора Павлу Егоровичу Елсукову (1900). Он был женат на Фёкле Михайловне (1895). У них было двое детей. Сын Алексей погиб на фронте, а дочь Александра вышла замуж и уехала из Усолья. Я не помню, когда умер Павел, на моей памяти Фёкла жила в одиночестве. Перед домом через дорогу располагалось небольшое болотце, ляга по-деревенски; по этой причине у Фёклы было прозвище Заляжная. Кстати, из ляги вытекал ручей. Летом он пересыхал, но весной бывал довольно бурным. Мы любили играть на этом ручье, устраивая плотины из таявшего снега.

Иногда к Фёкле приезжала дочь, и я помню, что она с сыном, кажется его звали Алькой, как-то жила в деревне целый год. Этот Алька постоянно приходил к нам и часто гостил целыми днями. Был он несколько младше меня, очень вредный и игра с ним не доставляла мне никакого удовольствия.

Потом Фёкла уехала из деревни, видимо к дочери, дом долго стоял пустым. Был он небольшой и, по-всему, очень старый. Вообще семья этих Елсуковых считалась беднячкой, кажется, что сам Павел занимался охотой. Куда делся дом 30 впоследствии, я не знаю.

Дом номер 31 принадлежал Евдокиму Николаевичу Елсукову (1885), брату Прохора Николаевича. Евдоким был женат на Евдокии Михайловне (1890). У них было двое детей: Яков и Лидия. Яков погиб на фронте, а Лидию Елсукову я хорошо помню, она училась в одном классе с моим старшим братом. Лида дружила с моей сестрой Лизой и часто бывала у нас. Кончив школу, Лидия уехала в город, оставив родителей одних.

Евдоким работал в колхозе конюхом, благо дом его располагался рядом с конюшней. Был он угрюмым, раздражительным стариком. Будучи подростками, мы много работали в колхозе, обычно на лошадях. Когда приходишь за лошадью, Евдоким всегда с большим неудовольствием выводит лошадь, приносит сбрую, указывает, какие сани надо взять. Иногда подростку бывает трудно справиться с лошадью, но Евдоким никогда не помогал надеть хомут, или заправить дугу в гужи и только ругался, часто доводя подростка буквально до слёз. Не знаю, любил ли он лошадей, но к своим обязанностям Евдоким относился спустя рукава. На конюшне вечно царил беспорядок, всё хозяйство казалось на грани полного развала. Впрочем, и во всём нашем колхозе порядки были не намного лучше. Дом Евдокима был небольшим и казался таким же запущенным, как и конюшня. Я не помню, когда умерли Евдоким и Евдокия, но однажды приехав в деревню, я уже не увидел дома номер 31 на месте.

У всех Елсуковых, живших в Крученово, был общий предок Павел Елсуков, его усадьба располагалась, скорее всего, на месте дома номер 27. Вполне возможно, что этот Павел и был первым Елсуковым, откуда-то приехавшим и поселившимся в Усолье. Впрочем, это только предположение, для установления истины нужна справка по родословной Елсуковых.

Дом номер 22, располагавшийся в той части деревни, которая в

документах называется Чуриловская, принадлежал Ивану Григорьевичу Абрамову (1907), жена Авдотья Павловна (1908). Абрамовы переехали в этот дом из деревни Лёхово, Авдотью обычно и называли Дусей Лёховской. Видимо, ранее это дом принадлежал кому-то из Карельских.

Иван был на фронте, имел ранения, лицо у него было сильно изрыто оспой. Не знаю, болел он во время войны или ещё раньше. Помню, что в деревне Иван появился не сразу после окончания войны, и в доме жили только Авдотья с сыном Игорем. Сама Авдотья, а также и Игорь были людьми добрыми, отзывчивыми и общительными. Тогда было повсеместное увлечение самодеятельным театром, занимались этим и взрослые и дети. Помню, что несколько таких постановок было в доме Дуси и Игорь принимал в них самое активное участие. Артисты выходили на сцену из дверей в горницу, отодвинув занавес из домотканых половиков. Был спектакль по сказке Маша и медведь. Игорь играл медведя, а Машу — моя сестра Лида. Поднять Машу Игорю не хватало сил и он просто волочил мешок по полу туда-сюда, иногда садясь на чурку, изображавшую пенё. А Маша из мешка говорила «не садись на пенёк, не ешь пирожок». Лида до сих пор вспоминает, как у ней потом были большие синяки от таскания по полу. Зрителей было довольно много, самым интересным для них было узнать в гриме кто есть кто. Можно было услышать такой разговор:

- Чья это така, чья девка-то?

- На, да это дочка Фёклы Витькиной!

И все весело смеются.

Иван также был весёлым, неунывающим человеком, за что в деревне приклеили прозвище Иван-Дурина. Впрочем, он на прозвище нисколько не обижался.

Игорь работал в леспромхозе и в последнее время жил в Хетово. После смерти Ивана Дуся Леховская переехала к сыну и была она последним жителем, покинувшим Усолье. Игорь вскоре умер, не успев перевезти дом, который так и стоит до сих пор, постепенно разрушаясь.

Итак, я перечислил все дома, которые были жилыми на конец 40-х, начало 50-х годов. Но на моей схеме есть ещё несколько домов, покинутых жителями уже в то время. Изложу вкратце то, что мне известно про эти дома.

Дом номер 3 в деревне называли Ераскиным домом. Известно, что этот Герасим имел фамилию Рогуев. Помню, как моя мать говорила, что Рогуевы раньше занимались выделкой кож. Но почему во всём Усолье, да и в соседних деревнях такая фамилия не встречалась? Если Рогуев появился в деревне недавно, то почему его дом был не на окраине в Крученово, а на том конце Заречья, откуда начиналось деревня? Кажется упоминали, что Рогуевы были из священников. Тогда можно сделать такое предположение. Отец, ну, или дед, Герасима был прислан в Усолье для службы в церкви. Для постройки поповского дома могли выделить место, отрезав участок пахотного поля. Выше я упоминал, что это не практиковалось, но для попа могли сделать исключение. Место это действительно находится недалеко от старой церкви, которая была внизу под угором, правда на другом берегу речки. После смерти родителя сын мог не пойти по стопам отца и превратился в простого крестьянина.

Когда и куда уехали Рогуевы, я не помню. После создания колхоза в доме сначала разместили колхозный курятник, образованный из отобранных у крестьян кур. Помню, что пасти этих кур был поставлен, будучи ещё подростком, Олег Иванович Карельский из Игнахиных. Ему сразу же присвоили прозвище Курощуп. В шутку Олега прочили в женихи моей старшей сестре Лизе, на что она обижалась до слёз. Конечно, кому охота быть невестой Курощупа. Недалеко от курятника располагался наш огород, который мы называли огородом у бабки Дуньки. Куры часто заходили в огород, порхались в земле, при этом выкапывали и расклёвывали картофелины. Наша мать иногда посылала нас сбегать и выгнать кур из картошки.

Курятник просуществовал недолго. Потом дом был превращён в колхозный телятник — в доме просто разобрали полы. В качестве телятника дом и использовался почти до ликвидации колхоза. Как водится, вокруг скапливался навоз, в кучах которого дом буквально утопал. Здесь как раз проходила летняя дорога на Морж, преодолевающая Усолку вброд, так что в дождливую погоду колёса телеги по оси утопали в навозе.

Дом номер 15 на моей памяти всегда стоял пустой, без рам и дверей. Обычно называли его Яшкиным домом. Не знаю точно, но предполагаю, что Яшка был братом Проньки Попова. Этот Яков умер сравнительно молодым, отчего дом мог остаться недостроенным.

Впрочем, Яков был и в роду Уваровых, так что дом мог принадлежать и ему. Удивительно, что я помню, как спрашивал об этом Яшкином доме у взрослых, но, убей бог, не помню, что мне рассказывали.

Деревенские дети любили играть в Яшкином доме, например, там часто играли в прятки — дом весь был доступен от подвала до чердака. Некоторое время во дворе дома держали лошадей, а также и телят.

Дом номер 16, стоявший на самой кромке угора, обычно называли домом Фатевны. Я бывал в этом доме, видимо, с бабушкой Ксеньей мы ходили к Фатевне в гости. Но самой Фатевны я почему-то не помню. Моя сестра Лида говорит, что это была тихая, благообразная старушка. Ничего больше я о ней не знаю. Сам дом был в хорошем состоянии, в комнатах всё было сделано в соответствии со старинными обычаями и содержалось в чистоте. Были удивительно маленькие окна, какие больше в деревне, пожалуй, не встречались. Позже некоторое время в доме жила семья каких-то приезжих. Говорили, что это были высланные за воровство. Жила эта семья ужасно бедно. Однажды я видел, как их мать молола на наших жёрновах высушенные головки клевера, чтобы эту муку использовать в пищу. Я был буквально поражён увиденным, в нашей семье до такой голодовки никогда дело не доходило. Люди эти жили в деревне не больше года. Кончилось тем, что они обокрали леспромхозовский магазин, который тогда располагался в боковушке старого дома деда Николая. Это было единственное воровство в деревне за всю мою жизнь. Воров сразу же раскрыли и всю семью куда-то увезли. Позже в доме Фатевны некоторое время жила семья учительницы Марии Васильевны, потом они переехали в дом Петруши Елсукова.

Дом номер 19 на моей памяти всегда стоял пустым, если не считать двух-трёх лет, когда там был леспромхозовский магазин, переехавший из дома нашего деда. Скорее всего дом раньше принадлежал кому-то из Карельских, но я ничего о хозяевах не знаю. Внешне дом выглядел старым, но был он довольно большим. Можно полагать, что когда-то в нём жила не бедная семья.

Я хотя и показал на схеме дом номер 28, но на моей памяти от него оставались только нижние венцы. Видимо, кто-то из Елсуковых распиливал дом на дрова. Скорее всего и хозяева этого дома были из рода Елсуковых, но ничего конкретного о них я не знаю. Кажется, мне кто-то говорил, что дом этот был двухэтажным.

Перед тем, как закончить, сделаю ещё пару замечаний. На схеме рис.8 можно видеть, что в ряду домов кое-где есть пустые промежутки. Нет сомнения, что когда-то там располагались дома. Так, между домами 4 и 5 была чья-то усадьба. При мне там даже стоял какой-то старый амбар, не знаю, кто им пользовался. Было видно, что когда-то тут были огородные грядки, а теперь там росла трава, которую косили Рудные.

Был когда-то жилой дом и на участке между домами 24 и 25, там даже были ещё заметны остатки фундамента.

Возможно, что существовала усадьба и между домами 19 и 20. Ну, и наконец, я почти уверен, что ещё два-три дома когда-то располагались по краю угора в Заречье, образуя второй ряд домов, в который входили существующие дома 1, 2 и 16. Там было достаточно для этого свободного пространства и место это было сухим, ровным, пригодным для построек по всем параметрам.

Вместе с тем, я также уверен, что в деревнях Заречье, Бухреки и Крученово никогда, даже в самые лучшие для деревни годы, не было больше 40 домов. При этом уже в конце сороковых и в начале пятидесятых годов из 32, показанных на моей схеме домов, стояли восемь нежилых, брошенных хозяевами. Эти дома не только невозможно было продать, но даже и подарить хоть кому-нибудь. Сверх этого, в нескольких домах жили уже только одни старики, неспособные к работе в колхозе. Только летом к некоторым из них приезжали дети и внуки из города в отпуск. Так что деревня уже и тогда быстро пустела. На тот момент, когда деревню официально объявили «не перспективной», число нежилых домов удвоилось, а некоторые из них уже были снесены.

Тем не менее, в период после войны ещё было несколько многодетных семей и в принципе, если бы люди перестали уезжать, деревня ещё могла бы возродиться. Может быть так и было бы, если бы уже тогда сделать крутой поворот и разрешить предпринимательство, так, как сделали это китайские коммунисты позже. В 60-70 годы необходимо было бы построить дорогу и провести электричество. Без этого люди в любом случае впоследствии покинули бы деревню.

Деревня Горка

Хотя деревня Горка отделялась от Заречья только речкой, всё же имела некоторая обособленность жизни в этих деревнях. А при колхозе в каждой из деревень были организованы отдельные бригады, выполняющие полевые работы по отдельности. Имело место даже некоторое соперничество по части сроков выполнения работ. Даже детские ватаги чаще всего занимались своими играми отдельно. Только такие игры, как лапта (называли шало-на-шало), волейбол или городки (рюхи), требующие участия многих, обычно проводились вместе. Объединял жителей также общий клуб, который располагался как раз на Горке. В праздники или для просмотра фильмов в клубе собирались жители всех деревень Усоля. Лучше всего узнаёшь людей во время коллективного труда, а поскольку жители Горки работали отдельно, то мои знания о них более скудные. Тем не менее, я попробую написать то, что знаю.

Начнём также со схемы расположения домов, хотя я сразу хочу отметить, что тут у меня могут быть некоторые ошибки. Дальше я укажу, в отношении каких домов имею сомнения.

<https://pessim50.ucoz.ru/gorka.png>

Рис.9 Схема расположения домов в деревне Горка

Отличительная черта этого плана в том, что дома на Горке располагались в два ряда, образуя прямую и довольно широкую улицу. Только начало деревни располагалось на крутом угоре Усолки, а дальше дома постепенно отдалялись от реки так, что с обеих сторон деревни располагались обширные поля.

Согласно русской языковой норме название деревни всегда применялось с предлогом «на»: «пошла в сельпо на Горку», «на Горке сегодня празднуют свадьбу», и так далее. Кстати, очень глупо, что сейчас прививается правило говорить «в Украине», вместо «на Украине». Слово Украина означает «край» и нелепо выглядит, например, выражение «дом располагался в краю леса». Надо говорить «на Украине» и не обращать внимание на то, что кому-то из украинцев это не нравится. Мне, например, не нравится, что англичане называют нашу страну Раша, но тут уж ничего не поделаешь. Однако я ненавижу тех наших «либералов», которые свою

родную Россию называют презрительно словом Рашка. Будь моя воля, я бы таких людей немедленно выгнал за границу — пусть живут в Англии и там называют нашу страну, как им нравится.

Всего на Горке проживало четыре фамилии: Арефины, Моревы, Шипицыны и Петровы. Судя по расположению домов, первыми на Горке поселились Арефины. Вторыми скорее всего были Моревы или Шипицыны. Видимо, последними поселились Петровы, но начну я с этой фамилии, поскольку им принадлежал крайний дом с номером 1.

Петровы

Всего на Горке было три семьи Петровых, принадлежавших трём братьям: Егор (1898), Иван (1900) и Николай (1902). У братьев было две сестры: Александра и Федосья. Их отца звали Михаил Прокопьевич, а мать — Марфа Ефимовна. У всех Петровых было прозвище по матери — Марфины.

Александра была замужем за Григорием Карельским и жила в Бухреках, обычно её называли Сашка Марфина. Об этой семье я уже упоминал ранее. Про Федосью я ничего не знаю.

Скорее всего Петровы поселились на Горке сравнительно поздно, поскольку кроме Михаила Прокопьевича других предков Петровых в деревне не было. Тем не менее я начну свой рассказ с этого рода, поскольку дом одного из Петровых располагался в начале деревни Горка, а кроме того семью Ивана Петрова я знаю лучше, чем любую другую.

Дом номер 1.

Этот дом принадлежал Ивану Михайловичу Петрову (1900). Женой Ивана была Ксения Михайловна Рудная (1905) — двоюродная сестра моей матери Фёклы. Отец Фёклы Николай и отец Ксении Михаил были братьями только по отцу, матери у них были разные. Скорее всего Иван и построил этот дом после женитьбы. Небольшой пятистенник имел всего две комнаты и, как обычно, двор. Расположен в неудобном месте, на самом угоре, фактически на косогоре и на самом краю дороги, поднимающейся в гору от Усолки. Спереди и сзади дома были отгорожены маленькие грядки под картошку. Я

думаю, что в прежние времена на этом месте никогда не строились. Зато рядом была речка и прекрасный вид из окна.

Иван погиб на фронте, Ксенья осталась одна, детей у них не было. Маленькая ростом, Ксенья была очень энергична, вела хозяйство исправно, всегда держала корову и овец. С нашей семьёй она поддерживала самые близкие родственные отношения, помогала нашей матери, как могла. Для нас, детей Фёклы, она была как бы второй матерью. Особенно опекала она меня, бывшего ей крестником. Ну, не совсем крестником, поскольку в церкви меня не крестили, крёстной матерью она считалась по уговору с моей родной матерью Фёклой. Тогда часто так поступали, считая, что не может же быть так, что крёстной матери нет вовсе. Я всегда называл её словом кока, оставшимся в нашем языке ещё от народа Чудь, и очень любил её.

За Ксеньей сохранилось родовое для Рудных прозвище Зеленки, на Горке «заглаза» её называли Ксюшкой-Зеленушкой. В деревне Ксенья пользовалась уважением и даже в войну за отсутствием мужиков занимала одно время должность колхозного бригадира. Она всегда была сдержанной, разговаривала рассудительно, никогда не повышала голоса. В деревне почти все женщины были певуны, пели в праздники, во время отдыха на работе, просто летним вечером, сидя на высоком угоре. Ксенья совсем не имела музыкального слуха и никогда не пела. Зато у ней была отличная память и когда женщины не могли вспомнить слова старинной песни, Ксенья обычно подсказывала их. В отличие от большинства усол, она охотно рассказывала о старине, о которой знала довольно много, с удовольствием беседовала с детьми, подробно отвечала на их вопросы.

Брат Ксеньи Григорий погиб на войне, а две сестры Лукерья и Мария жили в Архангельске. Летом они со своими детьми всегда приезжали к ней в отпуск. Сын Марии Лёнька обычно жил у Ксеньи всё лето. Волосы у Лёньки были белыми, поэтому все его называли «Лёнька-белобрысый». Впоследствии Лёнька, будучи ещё подростком, погиб в городе, я не знаю при каких обстоятельствах, а Мария уехала в Сталинград и бывала в деревне редко.

Ксенья имела совсем не славянскую внешность. Её лицо почти не отличалось от лиц типичных представителей ненцев — оно было такое же скуластое. Ещё более похожей на ненцев была сестра Лукерья. Поскольку их отец Михаил Рудный был типичным русским,

то значит ненкой была мать Ксеньи. К сожалению, у меня нет не только фотографии, но даже я не знаю имени и фамилии, а также и места её рождения.

Когда я учился в четвёртом классе, Ксенья приняла к себе на постой, если можно так выразиться, одну женщину с ребёнком. Женщину звали Салтыковой Анной, а её сына, моего ровесника - Алькой. Анна приехала работать десятником в леспромхозе. Муж её родом из деревни Плёсо, погиб на фронте. Постепенно Анна и Ксенья сроднились, стали вести хозяйство совместно, а Алька стал моим лучшим другом. Фактически образовалась одна семья, в которой Ксенья играла роль как бы главного хозяина. Позже лесопункт из Усолья перебазировался в Рязаново и Анна стала работать на запани Хетово, где ей выделили однокомнатную квартиру. Однако она в этой квартире лишь иногда ночевала, а больше всего жила всё также у Ксеньи. Алька же Усолья практически никогда и не покидал.

Ксенья поддерживала родственную связь с братьями Ивана Егором и Николаем. В деревне почти каждая семья имела свою собственную баню, но Иван, по-видимому, не успел её построить и Ксенья пользовалась баней общей с другими Петровыми, что, конечно, было не слишком удобно.

При ликвидации деревни дом Ксенья перевезла в Морж, точнее перевёз его Клавдий Шипицын с тем, чтобы после смерти Ксеньи дом перешёл в его собственность. Анна стала жить в Хетовской квартире, а Алька к этому времени уже жил в Архангельске. После смерти Анны Ксенья на некоторое время перебралась в хетовскую квартиру Анны, но в это время у ней уже были проблемы со зрением и вскоре она совсем ослепла. Одинокую Ксенью пришлось поместить в инвалидный дом в Вельске, где она и закончила свои дни немного не дожив до 90 лет. Где-то там Ксенья и похоронена. Не знаю дальнейшую судьбу её дома. Клавдий Шипицын теперь тоже давно уже умер.

Про мужа Ксеньи Ивана Михайловича я почти ничего не знаю. Помню только, что Ксенья всегда уважительно говорила про него. Знаю также, что Ксенья и Иван с моими родителями обычно отмечали все праздники вместе, то-есть поддерживали самые близкие родственные отношения. Другом отца был и брат Ксеньи Григорий, сохранилась даже пара фотографий, на которых они сняты вместе.

Дом номер 19

Здесь жила семья Николая Михайловича Петрова(1902), его жена Авдотья Дмитриевна(1906) в девичестве Медникова из деревни Гора. Николай был младшим из братьев, поэтому ему достался дом отца Михаила. Семья была большой, шестеро детей, из которых четверо родились до войны, а двое — после войны. Из них я хорошо знал Нину, Анатолия и Анну. Анна была моей одноклассницей (обычно все называли её Нюркой), четыре младших класса мы сидели с ней за одной партой. Забавно, что сейчас из всего нашего первого класса в живых остались только мы с Нюркой, которая, как и я, живёт в Архангельске. Не знаю, где был Николай во время войны, но кажется в боях он не участвовал. Дома, однако, его не было, отчего между Анной и следующим сыном Николаем разрыв в возрасте около десяти лет. Все дети Николая подрастая уходили из деревни в леспромхоз, а после разъезжались кто куда.

Мать Петровых Авдотья имела оригинальную внешность, явно не славянскую. Мне даже трудно предположить, какой национальности больше соответствовала её внешность. Все дети Авдотьи в той или иной степени были похожи на мать. В Усолье у ней было прозвище Сиуха, и считалось обидным. Не знаю, что это слово означает и откуда оно появилось. Может быть она «принесла» его с собой из родной деревни Гора. Возможно также, что это прозвище древнее и пошло ещё от предков-аборигенов из народа Чудь и тогда скорее всего слово это означает что-то конкретное, может быть и вовсе не обидное.

Скорее всего дом 19 построил отец братьев Петровых Михаил, внешне дом не выглядел новым. Я не знаю, как давно Петровы занимали эту усадьбу и кто был предком Михаила. Поскольку усадьба расположена в центре деревни Горка, то можно предположить, что Петровы жили тут давно, только по какой-то причине не было других ветвей рода Петровых. Кажется, дом 19 был небольшим, впрочем, в нём я никогда не бывал. Николай с Авдотьей жили в доме до ликвидации деревни, фактически они были последними жителями Усожья и это был последний усольский дом, перевезённый в Усть-Морж. Когда Николая уже не было в живых, в Усть-Морже в доме случился пожар, в котором погибла сама Авдотья и сын Анатолий. Подробности пожара я не знаю, расспрашивать об этом у потомков Петровых как-то не очень удобно.

Дом номер 14

Этот дом в самом конце Горки занимала семья Егора Михайловича Петрова(1898). Егор был женат дважды. О его первой жене я ничего не знаю, а второй была Офимья Никитична(1892), которая вышла за Егора тоже вторично, в первом замужестве она имела фамилию Арефина. Дом раньше принадлежал Иннокентию Арефину — первому мужу Офимьи, видимо. Дом был большой, но выглядел он уже тогда очень старым. По имени хозяина у этой семьи и всех их потомков было прозвище Кенины. Иннокентий погиб ещё в финскую войну и Егор поселился у Офимьи «примаком». Где жил Егор со своей первой семьёй и что стало с его первой женой я также не знаю. Может быть они жили вместе с семьёй Николая в отцовском доме. От первого брака у Егора был единственный сын Александр, который погиб в Великую Отечественную войну. От второй жены детей у Егора не было.

У самой Офимьи от первого мужа было двое детей: Ольга и Константин Арефины (Кенины), о них я ещё буду говорить позже.

Закончила свои дни Офимья трагически. Поздней осенью она пошла за клюквой, заблудилась, её долго искали и нашли уже мёртвой далеко от деревни. В это время Егора уже давно не было в живых. Куда делся дом после смерти Офимьи я не знаю, наверное соседи распилили его на дрова.

Как я уже писал, усольский колхоз «Совет» организовывал Карельский Иван. А после того, как Карельского ещё до войны перевели на должность председателя Рязановского сельсовета, председателем колхоза поставили Егора Петрова и должность эту он занимал, кажется, вплоть до присоединения нашего колхоза к Моржегорскому. На фронте Егор не был, может быть уже не подходил по возрасту или был на броне, как председатель колхоза. Егор имел твёрдый характер, в деревне его побаивались. Но, как я уже упоминал, дела в колхозе всегда шли «не очень», мягко говоря, и дело тут вовсе не в председателе — колхоз душила государственная политика. Печальный финал и колхоза и самой деревни нам известен.

Моревы

Моревых на Горке было много, и я уверен, что все они произошли от общего предка, который был одним из основателей деревни Горка.

Дом номер 23

Этот дом занимала семья Николая Марковича Морева(1900). Жена Николая Ольга Дмитриевна(1904) в девичестве имела фамилию Тюкина. Поскольку Тюкиных много в Морже, то наверное Ольга родом из Моржегор. У отца Николая Марка было много детей, а сам Марк занимался в основном отхожими промыслами (бурлачил по-усольски) и большую часть времени отсутствовал в деревне. При этом семья жила очень бедно. Все потомки Марка имели прозвище Марковичи, которое жители Усолья использовали вместо фамилии Моревы. Так например, вместо Ольга Морева обычно говорили Ольга Марковича и сразу было ясно о ком идёт речь. Видимо, Марк и построил дом 23, скорее всего эту усадьбу занимали предки Моревых с момента образования Горки. Дом располагался на самой кромке угора, возле дома не было ни огорода, ни хотя бы маленького палисада, можно сказать, дом стоял сиротливо «на семи ветрах». Сзади, на расстоянии не больше двух метров от двора начинался очень высокий и обрывистый спуск к Усолке, а фасад дома выходил прямо на дорогу, так, что проезжающие повозки могли задевать угол дома санями или телегой. Хотя дом и был всегда неухоженный, но всё-таки внешне он казался солиднее соседнего дома Ксеньи Петровой. Точно не знаю, но кажется, что дом ещё сам Николай перевёз в Хетово.

У Николая с Ольгой было шестеро детей: Раиса, Зинаида, Римма, Валентина, Лидия и Виктор. Лучше других я помню Лидию, мою ровесницу. Странно только, что я не помню, училась ли она в одном классе со мной. Больше всех из Марковичей мне нравилась Валентина, интересно было бы узнать её дальнейшую судьбу. Виктор родился уже после войны и его я почти не помню. Все дети подрастая уходили работать в леспромхоз и в колхозе практически не работали.

Николай был на войне, служил сапёром, непосредственно в боях не участвовал и потому остался жив. Он вернулся с фронта по болезни ещё до окончания войны. Семья Марковичей жила бедно, так как по причине болезни Николай был плохим работником, всё держалось на одной Ольге. Они вообще жили как-то замкнуто, например, я не помню, чтобы дети Марковичей участвовали в наших играх или развлекались со всеми в клубе, хотя клуб и располагался рядом с их

домом. Сам Николай Маркович, наоборот, был общительным, любил пошутить и побалагурить.

Как-то однажды я увидел в интернете комментарий на мои воспоминания об Усолье некого Борисова, живущего в деревне Пянда. Оказалось, что это внук Николая Марковича, видимо сын одной из дочерей. Этот потомок горячо поддерживал идею восстановления памяти о всех жителях Усолья. Можно сказать, что в этих заметках я как раз и пытаюсь реализовать эту идею.

Дом номер 20

В этом доме жила семья Морева Михаила Ильича(1877). Михаил был женат дважды: первая жена Мария Фёдоровна(1875), вторая — Ксенья Ивановна(1898). От первой жены у Михаила было четверо детей: Анастасия, Афанасья, Матрёна и Василий. Василий погиб на фронте, Анастасию и Афанасью я совсем не помню и хорошо знал только Матрёну.

Михаил Ильич был мастер на все руки, и не просто мастер, а пожалуй лучший специалист и знаток по разнообразным ремёслам во всём Усолье. Я не помню, занимался ли он одновременно почти всеми деревенскими ремёслами, как мой дед Николай Рудный, или работал в основном только по дереву, но все изделия Михайла Ильича были высшего качества с тщательной отделкой. Я думаю, что ещё и теперь можно найти в некоторых усольских домах, перевезённых в Хетово, его ушаты или туеса, достойные для показа в музеях деревенского быта. Приведу для примера такую историю. Это было, когда я учился уже в моржегорской школе. Не знаю, по какой причине, но однажды Михайлу Ильичу пришла идея построить карусель, или колесо обозрения, как теперь сказали бы. Всё было сделано из дерева «без единого гвоздя». Сооружение покоилось на четырёх столбах, на которых был установлен деревянный вал, а в него вделаны длинные жерди. На жердях были подвешены четыре сидения, на каждом помещалось по два пассажира. Подвеска была выполнена из берёзовых виц. Два человека крутили колесо, перехватывая поочерёдно за концы жердей. Сиденья поднимались выше крыш всех домов в деревне, так что у катавшихся замирало сердце от высоты и для деревенских детей это удовольствие было просто невиданным. За то, чтобы прокатиться пять оборотов, Михайло Ильич брал

небольшую плату. Катались и дети и взрослые, те, кто крутили колесо получали право покататься бесплатно. Атракцион работал не очень долго. Кто-то сообщил властям и приехавший начальник запретил «частное предприятие». Михайло Ильич снял сиденья, а столбы ещё долго бесполезно стояли перед домом Офимьи Щипицыной.

Наверное, в старые времена подобные развлечения устраивались часто. Я, например, помню, как бабушка рассказывала, что после замерзания речки на льду тоже устраивали карусели. В лёд вмораживали кол, на который надевалось колесо, а к нему крепились жерди, на концах которых подвешивались сидения. Карусель можно было сильно раскрутить, после чего она по инерции могла крутиться очень долго, доставляя удовольствие и детям и взрослым.

По характеру Михайло Ильич был общительным и добродушным, имел хорошее здоровье и обладал физической силой. Я помню, что он уже будучи старым, всё ещё выполнял самые тяжёлые работы в колхозе, например, метал сено в зарод. Внешность у него была довольно экстравагантной — длинные волосы и густая борода примерно такие же, как у Карла Маркса. Михайло Ильич купил в сельпо портрет Маркса, повесил у себя и всем говорил, что это приезжий фотограф сделал портрет его самого.

Дочь Михайлы Матрёна не смогла ужиться с новой женой Ксеньей и отделилась, заняв горницу в доме. Михайло Ильич прорубил отдельный вход с улицы и построил крыльцо.

Матрёна была крупного телосложения, немного косила и имела низкий, почти мужской голос. Про таких людей обычно говорят, что природа не слишком много времени потратила на отделку их внешности. В деревне её звали Мотька и прозвище это имело такое происхождение. Одно время Матрёна жила в Архангельске, но потом вернулась обратно в деревню. Однажды в компании женщин она посетовала, что мол вы всегда называете Матрёна, а в городе так меня звали Мотя. Имя это сразу вошло в обиход и преобразовалось в Мотьку. Замуж Мотьку никто не взял, коротала свой век она в одиночестве. Но она не унывала и всегда была весела и довольна жизнью. Любила придти в клуб и сплясать под гармошку. При этом она всегда пела своим зычным голосом одну и ту же частушку:

.....Голубые шарики далёко укатились,

.....Подруга пой не унывай, не унывать родились.

Первую жену Михайлы Ильича я плохо помню, а вторая Ксенья Ивановна была сухонькая старушка, всегда тихая и незаметная. Дорога с Горки к Усолке имеет крутой спуск и зимой всегда была хорошо укатана. По этой дороге Ксенья иногда лихо скатывалась на санках. Саночки были изготовлены мастерски, наверное работа Михайлы Ильича, имели украшения и упоры для ног. Для управления санками Ксенья использовала правилку в виде выточенной на станке палочки. Видимо, умение кататься у Ксеньи было ещё с детства. Я помню, что мы завидовали Ксенье — у нас не было таких санок, да мы и не умели так кататься.

Дом номер 4

Этот дом принадлежал Мореву Ивану Андреевичу(1891). Его женой была Ксенья Ивановна(1898). Ивана я не застал в живых и не знаю, когда и как он умер. Ну а Ксенья Ивановна это та самая старушка, которая потом была женой Михайла Ильича. У Ивана с Ксеньей было несколько детей, но знал я только дочь Анну(1922). Анна была замужем за Константином Иннокентьевичем Арефинным(1913). После замужества Анна перешла жить к Кениным, дом 14, и после того, как Ксенья стала женой Михайла Ильича дом 4 стал нежилым, каким я его и запомнил. Дом был довольно большой, но уже сильно обветшавший. Помню, что с крыши уже сваливались сгнившие доски. Не знаю, куда он потом делся.

Анна Ивановна относилась к тому типу людей, которые всегда обо всём имеют своё мнение и высказывают его так категорично, что возражать им пропадает всякое желание. Говорила Анна всегда громко, несколько визгливым голосом. На работе или на гулянье она всегда была энергична и старалась быть в центре внимания. Одно время Анна работала продавцом в усольском сельпо, видимо где-то этому училась.

У Анны с Костей было четверо детей: Василий, Надежда, Леонид и ещё один ребёнок, умерший в младенчестве. Константин имел ранение на фронте и видимо вследствие этого рано умер. Я помню его похороны. Могилу выкопали на месте захоронения младенца и маленький гробик поставили на крышку гроба Кости.

Впоследствии на Анне женился мой дядька Дмитрий (Митька) Рудный. Первая жена Митьки не прожила с ним и года, родила от него сына уже после развода. Анна была на девять лет старше Дмитрия, родила от него ещё троих детей: Галину, Катерину и Александра. Все дети Анны теперь здравствуют и проживают в разных местах. Галина замужем за Сергеем Карельским, сыном Николая Ивановича Карельского (Игнахина). Одно время Галина с Сергеем пытались организовать «фермерское хозяйство» в бывшем Усолье. Построили там небольшой домик, развели стадо коров. Однако, отсутствие электричества и дороги привело к тому, что затею пришлось бросить. Но всё-таки они уже довольно много лет продолжают там жить уже вроде как бы дачники, не занимаясь никаким хозяйством. Связь с внешним миром поддерживают с помощью самодельного вездехода (обычно их называю каракатицами), но в весеннее половодье каждый год отрезаны от «большой земли». Впрочем у них есть дети, которые живут в Рязаново и в Морже, и Галина с Сергеем в любой момент могут переехать к ним, а домик в Усолье для них вроде как дача.

Дом номер 8

В этом доме жила семья Иосифа Деомидовича Морева(1903), жена Павла Семёновна(1908). Павла была сестрой Елены Семёновны, жены Ивана Игнатьевича Карельского из Бухреков. Павла и Елена были из семьи Семёна Александровича Арефина с Горки.

На моей памяти Павла жила одна с тремя детьми. Хорошо я знал только Анатолия и Валентину. Анатолий вместе с моим братом Клавдием учились в Морже, Анатолий на один класс старше. Часто вдвоём они прибегали домой на неделе только для того, чтобы сходить в клуб, переночевать и утром снова идти десять километров на уроки к девяти часам. С Валею в Морже учился я в пятом, она в седьмом классе. Валя мне нравилась тем, что была умна, всегда спокойная и рассудительная. По её инициативе у нас были попытки самодеятельно поставить спектакль в усольском клубе. Были репетиции в их доме, но кажется, что до конца мы эту затею не довели.

Дом Павлы был неплохим, хотя жили они без отца бедно. Павла работала в колхозе на основных, самых тяжёлых работах. Куда уехала

Валя я не помню, а Анатолий работал в Рязаново, куда потом и перевёз родительский дом.

Дом номер 18

В этом доме жила семья Морева Александра Ильича(1887), брата Михайла Ильича. Жена Александра Ксенья Васильевна(1892). Александр Ильич тоже был хорошим мастером, но всё-таки авторитет Михайлы в деревне был выше. Александр имел более строгий характер, в деревне его уважали и может быть даже побаивались. Впрочем, я плохо помню как самого Александра, так и его жену Ксенью.

У Александра с Ксеньей было пятеро детей, но хорошо я знал только сына Василия(1922). Василий был на фронте, остался жив среди немногих. Я запомнил, что иногда он ходил в морской форме.

Василий женился на нашей учительнице Марии Васильевне, отделился от отца и переселился в нашу деревню Заречье. Жить они стали в доме Фатевны, о которой я писал выше. Не знаю, кто владел этим домом после смерти Фатевны и был ли он Василием куплен, или был просто предоставлен колхозом, как уже бесхозный. Дом был в хорошем состоянии, но небольшой и с очень маленькими окнами, о чём я уже писал ранее. Позже Василий с семьёй перебрался в дом Петра Елсукова (Петруши), который уже давно стоял нежилым, а одно время, недолго использовался по фельдшерский пункт. Жена Петруши Наталья Андреевна была сестрой моего деда Александра, в их доме я часто бывал раньше и дом считал как бы немного родным, а потому мне было несколько досадно, что там стали хозяевами совсем чужие люди. Позже Василий перевёз дом в Хетово, где он и стоит до сих пор. Думаю, что если бы Петруша вдруг воскрес, то он сильно удивился бы, узнав судьбу дома и всего своего добротного хозяйства, и от огорчения тут же бы снова умер.

Некоторое время, уже в период умирания деревни и массового переселения жителей в чужие места, Василий исполнял обязанности колхозного (или совхозного) бригадира, то-есть был как бы начальником всех усольских деревень. После его переезда в Хетово на этой должности успел поработать ещё и Шурка Карельский, мой одноклассник, сын Ольги Коммунистки и Ивана Григорьевича, главного организатора колхоза в 1930 году.

О судьбе дома Александра Морева (18) я ничего не знаю.

Дом номер 13

В этом доме жила семья Дмитрия Михайловича Морева(1892), его жена Анастасия Ермолаевна(1892). Самого Дмитрия я не помню, может быть он рано умер, но Анастасию помню хорошо. Высокая, довольно энергичная, общительная женщина, почему-то в разговоре то и дело вставляла какие-то неуместные слова: «тем что говорю что». В семье было больше десяти детей, но помню я только Анатолия, Николая и Владимира.

Анатолий был высокого роста, видимо в мать, ходил такой небрежной, качающейся походкой, видимо старался держать «фасон» и имел прозвище Толька-Москва. Работал в леспромхозе и последнее время жил в Рязаново. За работу был награждён орденом, кажется Ленина, но может быть ошибаюсь. Мой брат Клавдий считал, что Толька и ещё двое рабочих тогда были награждены в общем-то ни за что, ничего выдающегося в их работе не было. Возможно, была просто выдана разнарядка на награждение нескольких человек, так сказать, для поднятия энтузиазма.

Николай мне нравился больше всех из этой семьи. Он был серьёзным, общительным и рассудительным, охотно со мной беседовал, как с равным, хотя был на пять лет старше. Одно время числился «в ухажёрах» у моей сестры Лиды, они учились в одном классе, и я этому обстоятельству был очень рад. Но потом Лида уехала в город, а Коля остался в леспромхозе, женился и также жил в Рязаново. К сожалению, судьба его была несчастной. Буквально перед их щитовым леспромхозовским домиком было небольшое озерцо. После работы Николай решил искупаться и прямо на виду у всей своей семьи утонул. Видимо, внезапный инфаркт. Кстати, в семье раньше Николая был другой сын, тоже Николай, который умер в младенчестве. Говорят, что называть в такой ситуации другого ребёнка тем же именем не к добру, и своей судьбой Николай подтвердил эту зловещую примету.

Володька был моим ровесником, или может быть на год моложе. Кто-то из старших детей Моревых уехал жить куда-то на юг, мне запомнилось, что на Донбасс и туда же переехала Анастасия с младшим сыном Володей. Помню, как Володька приезжал летом в

деревню, проводил время вместе с нами в клубе и в играх. Держался он заносчиво, всячески расхваливал жизнь там на юге и всё норовил в разговоре вставить замечание, что мол как вы тут живёте в этой глуши и нищете. За это, естественно, мы его невзлюбили. Помню он говорил, что кто-то из их семьи работал на шахте.

После того, как вся семья разъехалась, кто куда, дом 13 стоял сначала пустым, а потом в него перебрался клуб (изба читальня по официальному) и это уже был третий и последний по счёту дом, в котором располагался наш клуб. Это был типичный пятистенник средних размеров, располагался он на самом конце Горки и был отделён от предпоследнего дома Арефиных ручьём, текущим в небольшом овражке. Похоже, что дом был довольно старым и неухоженным, некрашеные окна и полы. Николай, видимо, просто не успел перевезти дом в Рязаново, а почему не сделал этого Толька-Москва, я не знаю. Также не знаю, что стало с домом после исчезновения деревни, когда я там был последний раз его на месте уже не было.

Смутно вспоминаю, что были на Горке и ещё одна-две семьи Моревых. Но почему-то ничего существенного о них не могу вспомнить и даже не могу указать, какие дома они занимали. Немного помню Лёню Морева, отца его кажется звали Ефимом. Лёня подростком остался круглой сиротой, бедствовал, работал пастухом в колхозе. Потом брат увёз его в город и недавно я узнал, что у одной моей знакомой мать была замужем за этим Лёней.

Арефины

Арефиных на Горке было больше, чем Моревых и также, как Моревы они занимали усадьбы в начале, в середине и на конце деревни. С уверенностью можно утверждать, что Арефины тоже были основателями деревни Горка.

Дом номер 22

Нет сомнения, что это был лучший дом на Горке и принадлежал он Николаю Александровичу Арефину(1857). Николай был женат дважды, вторую жену звали Татьяна Васильевна(1861). От обеих жён были дети общим количеством больше десяти. Николай

Александрович имел прозвище Шляк и, соответственно, всех членов его семьи называли Шляками. Не знаю, получил ли прозвище сам Николай или оно досталось ему по наследству. Не ясно также, что означало это слово, возможно оно происходит от имеющегося в языке коми слова шляка — слякоть. Ни самого Николая и никого из его детей я не знал, все покинули деревню ещё до моего рождения.

Семья Николая Арефина в деревне считалась зажиточной. Шляки владели главной усольской мельницей (кроме неё мельницы были на Лёхове и в Кривце) и имели кузницу. В Усолье много было мастеров по дереву, но кузнечным делом владели, пожалуй, одни только Арефины. Было у Шляка и хорошее гумно под крышей, в котором позже при колхозе помещалась молотилка с конным приводом. В деревне считали, что Шляки «жадные до работы», уважали и побаивались строптивого Николая. Характер у него был крутой, в семье были домостроевские порядки, в деревне говорили, что свою жену он поколачивал.

Хотя Шляк и считался зажиточным, но всё-таки не думаю, что он был намного богаче, например, Поповых из Заречья. Тем не менее, при коллективизации только Шляка раскулачили, арестовали и увезли неведомо куда. Хозяйство конфисковали. Мельница перешла в собственность колхоза, но просуществовала совсем недолго и по причине плохого ухода была разрушена половодьем. Кузницу Шляков использовали для колхозных нужд практически до ликвидации колхоза. В доме Николая организовали избу-читальню (клуб), в ней проводили праздники, крутили кино, развлекалась молодёжь. Большой двор при доме использовали под конюшню. В последние годы существования деревни в доме была школа, а для клуба использовали другой пустующий дом. Не знаю, кому досталось всё хозяйственное барахло Шляков, но не думаю, что кто-то очень уж разбогател, в общем-то никакого особого богатства у них не было, жили как все, только может быть работали больше других. Хорошо помню, что в разговорах люди сетовали, что Шляка раскулачили «ни за что», жалели и сочувствовали работающей семье.

В доме 22 была большая изба и горница, почти такая же, как изба, боковушка и большая прихожая, наружное крыльцо. Дом имел «вышку» и выглядел очень добротным, видимо был ещё совсем не старый. При организации клуба русскую печь ликвидировали, построили печь «голландку», обогревающую обе комнаты. В горнице

была библиотека, в неё же устанавливали киноаппарат, показывающий изображение в главное помещение через дверь. Не знаю, какова была судьба дома после ликвидации деревни. Жаль, если такой хороший дом распилили на дрова.

Дом номер 18

Дом принадлежал семье Павла Ивановича Арефина(1886). О первой жене Павла я ничего не знаю, а вторую жену звали Пелагеей Лаврентьевной(1900) и её я хорошо помню. Поскольку Арефиных на Горке было много, почти все имели прозвища. Членов данной семьи, в частности, называли по имени отца Пашиными.

Самого Павла я не помню, кажется он оставил семью и куда-то уехал из Усолья. Пелагею я запомнил уже пожилой женщиной. У ней была, видимо, хроническая болезнь позвоночника и она не могла выпрямить спину, ходила полу-согнувшись, опираясь на палку. Тем не менее, с такой болезнью она работала в колхозе в общем-то, как все.

Не знаю точно, сколько у Пелагеи было всего детей, но хорошо я знал дочь Раису и сыновей Валентина и Евгения. Валентин был хорошим работающим человеком, работал в колхозе, потом в леспромхозе. Получил специальность и на МАЗе работал на вывозке леса. Моя мать вспоминала, что после войны на лесозаготовке Валька ещё подростком работал на вывозке леса на лошади. Часто бывало так, что сани с брёвнами застревали и слабосильная лошадка не могла их вытащить, не слушалась и начинала биться. Валька с ней ничего не мог поделать, от бессилия заливался слезами и женщины из жалости помогали. Уже в Рязаново как-то мама увидела Вальку на лесовозе, разговорилась с ним: «помнишь, Валя, как ты маялся в лесу с лошастью и возом из двух брёвен? А теперь смотри, какую огромную кучу деревьев ты везёшь просто играючи!»

Евгений учился в школе в одном классе со мной. Он был старше меня на пару лет, но от рождения был слабоват, отставал в росте и в школу пошёл с опозданием. За маленький рост его все называли Еньчиком. Помню, что после окончания седьмого класса в Морже, когда мы уже пошли домой, Еньчик достал все свои книжки из котомки и положил на камень возле одного из домов — с учёбой было покончено раз и навсегда. Он также работал вначале в колхозе, потом в Рязаново на лесозаготовках. Интересно, что ко времени призыва на

службу в армии Еньчик подрос до среднего размера и совсем не был малосильным.

У нас с Еньчиком однажды был такой случай. Как-то я шёл берегом реки и увидел его с удочкой. Возле берега время от времени плескался хариус, хватая корм с поверхности воды. Еньчик без конца закидывал свою удочку, но хариус никак не хватал наживку. Видимо эта безуспешная ловля ему уже надоела и он стал сматывать удочку. Тогда я попросил: дай я попробую твоей удочкой. При первом же забросе хариус попался. Рыбина была приличных размеров, но мы не знали, кому по праву он принадлежит. Тогда Еньчик сказал: давай я рыбу возьму, а когда мать сварит уху ты приходи к нам в гости. Так мы и поступили. Этот случай и позволил мне получше познакомиться с матерью Еньчика. Мне показалось, что это была добрая женщина, хотя разговаривала она мало и вся наша беседа ограничилась только несколькими несущественными вопросами.

Раиса училась в одном классе с моей сестрой Лидой. После школы где-то училась ещё и впоследствии жила в городе. Последний раз я её видел на дне рождения у сестры. Вспоминали жизнь в деревне, старых друзей и товарищей, уже тогда многих не было в живых.

Дом Пашиных был небольшой пятистенок, совсем ещё не старый. Почему-то его не перевез в Хетово ни Валентин, ни Евгений. Дом так и стоял в брошенной деревне, постепенно разрушаясь. Когда я последний раз там был, зашёл в старый дом. Он уже был сильно разгромлен подростками, кто-то даже пытался разводить костёр посреди избы, положив на пол выломанные из печи кирпичи. Я внимательно осмотрел всё строение. Было видно, что дом строил очень хороший плотник, всё было сделано с любовью, плотницкая и столярная работа были на высшем уровне. Было очень жаль, старый дом, он бы мог ещё послужить при хорошем уходе не одному поколению.

Дом номер 12

В этом доме жила семья Арефина Никифора Михайловича(1893) с женой Анной Абрамовной(1899). Я хорошо их помню. Как и все другие Арефины, эта семья также имела прозвище по имени хозяина, в деревне их называли Никишкиными. Был Никифор небольшого

роста, коренаст и почти всегда с сигаркой в зубах, чаще всего уже потухшей. Работал в колхозе конюхом в той самой конюшне, что была в доме раскулаченного Шляка. По характеру был покладистым и деятельным. Ещё в юношеские годы он некоторое время жил в Питере, куда уехал его старший брат, и там получил специальность портного. В деревне он подрабатывал, выполняя нехитрые заказы по шитью одежды. Никифору довелось и повоевать, правда только по своей специальности, выполняя швейные работы для фронта.

У Никифора с Анной был один сын и пятеро дочерей. Сын Герман был участником войны. Он оказался в армии Власова и, соответственно, ему довелось пережить все те трагические события, что выпали на долю бойцам этой армии. Однако, он остался жив, хотя и калеккой, и после войны работал в Березнике бухгалтером. Все дочери были белотелыми красавицами, говорили, что в мать, которая в юности славилась своей красотой. Кстати, Анна ростом была повыше Никифора. Все дочки Никифора получили образование и жили в Архангельске, кроме младшей Ольги, которая после школы заведовала усольской избой-читальней, благо она тогда уже располагалась в соседнем доме Моревых. После Ольга вышла замуж за Валентина Абрамова из Лёхово и всю жизнь прожила в Рязаново.

Дом Никифора был обычный пятистенник и уже далеко не новый. Не знаю, перевезли его куда-то или сломали на дрова.

Дом номер 14

Выше я уже писал об этом доме, который в конце своего существования принадлежал председателю колхоза Егору Петрову. Здесь я хочу немного написать о семье первоначального хозяина дома Иннокентии Александровиче Арефине(1882). В деревне его называли Кеша. Иннокентий пропал на гражданской войне, а его жена Офимья Никитична(1892) впоследствии вышла замуж за Егора Петрова, о чём я уже писал ранее.

У Кеши была интересная (или скорее трагическая) судьба. Как и моего деде Николая его тоже мобилизовали белые во время боёв в нашей деревне. Им обоим осенью 1919 года пришлось отступить с отрядом белых. Видимо, пришлось участвовать в боях возле деревни Звоз, а потом на фронте по рекам Емца и Мехреньга, где белые были окончательно разбиты. Как я уже писал, мой дед Николай смог

дезертировать из армии белых и весной 1920 года он вернулся домой из Емецка. Кеша не смог, а может побоялся дезертировать, поскольку расстрелять тогда могли как белые, если бы поймали, так и красные за участие в войне на стороне белых. Вместе с англичанами и остатками белых Кеша эмигрировал в Англию. О его дальнейшей судьбе в Усолье ничего не было известно. Однако уже лет через двадцать от Кеши было одно письмо, не по почте, а в деревню пришёл с этим письмом сотрудник КГБ. Что сообщал Кеша в этом письме теперь я уже не помню, но в деревне тогда было много разговоров на эту тему. Бедной Офимье пришлось пережить немало горя в связи со всей этой историей.

У Иннокентия с Офимьей было двое детей: дочь Ольга(1911) и сын Константин(1913). У этой семьи также было прозвище по хозяину, в Усолье их всегда называли Кениными. И саму Офимью и её детей я прекрасно знал и помню. У нашей семьи с Кениными была какая-то связь, может быть они приходились какой-то дальней роднёй. Во всяком случае все они часто бывали в нашем доме.

Почему-то Офимья решила, что я, тогда ребёнок пяти-шести лет, обладаю некой способностью, теперь сказали бы способностью экстрасенса, и могу что-то ей сказать о судьбе Кеши. Раза два-три она пыталась расспрашивать меня. Что такое говорил я ей, совсем не помню, наверное молол какую-нибудь чепуху, но помню, что Офимья плакала и обнимала меня. Подозреваю, что на самом-то деле всё было проще. Наверняка Офимья пыталась узнать хоть что-нибудь о судьбе Кеши у деда Николая. Но дед скорее всего категорически заявлял, что ничего не знает и просил больше не ходить к нему с подобными вопросами. Естественно, что дед сам боялся наказания за службу у белых и избегал каких-либо разговоров на эту тему. Наверное Офимья обратила внимание, что я при общении с посторонними людьми не замыкаюсь, как это было характерно для большинства деревенских детей, а охотно поддерживаю разговор. Может быть, она подумала, что я нечаянно мог слышать какие-то разговоры на тему о войне в семье деда и простодушно ей об этом расскажу. Скорее всего по этой причине она и расспрашивала меня.

Когда Офимья жила в доме уже одна, она решила сходить за клюквой в сентябре месяце, заблудилась, её долго искали и нашли мёртвой далеко от дома. От моего дяди Василия Николаевича я слышал, что во время поисков были подозрения — не увёз ли Офимью

тайно Кеша за границу. Не знаю, было ли это предположение официальной версией, или это придумал мой дядька, он на это был способен. Во всяком случае, версия эта была явно нереальной — слишком много времени прошло и как Иннокентий так и Офимья были на такие дела уже неспособны по возрасту. Приезжал следователь из района, но в этом ничего необычного нет, поскольку пропал человек и было возбуждено уголовное дело.

Сын Иннокентия и Офимьи Костя воевал, был ранен. После войны работал в колхозной кузнице. Я любил бегать в его кузню, мог часами наблюдать за его работой, был счастлив, если он просил что-то принести или позволял покачать меха кузнечного горна. Когда он делал перекур в работе, мы сидели рядышком на лавочке и Костя иногда что-нибудь рассказывал мне или просто молча курил. Часто приходил он и к нам домой. Бабка Ксенья ещё с незапамятных времён сеяла небольшую грядку табаку, собирала урожай, сушила и крошила табак. В семье никто не курил, но к ней часто обращались мужики за табаком, расплачиваясь в основном не деньгами, а помощью по хозяйству. Костя был заядлым курильщиком и регулярно приходил за табаком. Но при этом он часами мог сидеть у нас в гостях, о чём-то обычно беседовал с моей матерью, охотно общался с детьми, что-то рассказывал или просто дурачился. Стебель у табака в виде полой дудки и мы иногда набивали эту дудку мелким табаком, предлагая Косте покурить эту сигару. Он охотно затягивался, кашлял и сквозь слёзы восклицал — чёрт, до чего же крепок табак. Все мы, включая самого Костю, весело смеялись.

Костя был женат на Анне Моревой, о которой я уже писал ранее. Анна родила от Кости четверо детей, но последний умер в младенчестве. Вскоре после этого умер и сам Костя, видимо вследствие фронтовых ранений. Я был на его похоронах. Могилу вырыли в том месте, где был похоронен младенец, маленький гробик достали и потом положили рядом с гробом Кости.

Ольга Кенина тоже бывала у нас в доме. Я уже упоминал, что в деревне взрослые мало общались с чужими детьми, чаще всего равнодушно проходили мимо. Но Ольга в этом смысле была исключением. Не знаю, как с другими детьми, но со мной она заводила разговор всегда, как только мы где-либо встречались. Говорила она негромким голосом, казалось она его нарочно приглушала при разговоре, но всегда быстро-быстро сыпала словами.

Обычно она расспрашивала меня обо всём на свете, и о нашей семье и о школе, какие у нас занятия, нравится ли учительница, с кем я вожу дружбу и так далее. При этом также рассказывала и о своих делах и заботах. Мне порой уже начинали надоедать эти разговоры и увидев её издалека я иногда старался улизнуть куда-нибудь в сторону, чтобы не встречаться с ней.

Ольга довольно поздно вышла замуж за Карельского Петра Прокопьевича. Его я мало знал, мне даже кажется, что этот Пётр раньше не жил в деревне и только уже после женитьбы они с Ольгой приобрели дом на Горке. На моей схеме это дом под номером 11. Соответственно, у Ольги родился поздний ребёнок, дочка, если не ошибаюсь, Валя. Это была очень красивая девочка, она вполне подошла бы на роль Мальвиры из сказки Буратино. Однажды у них в гостях был какой-то мальчик, кажется из Усть-Моржа, видимо, родственник Петра. Парнишка снял с гвоздя ружьё Петра Прокопьевича, стал баловаться с ним, ружьё оказалось заряженным, грохнул выстрел и пуля попала девочке в голову, убив её на месте. Вале наверное было около семи лет, не знаю, была ли она уже школьницей. Тогда я учился в институте и узнал об этом событии только по приезду в деревню на каникулы. После этого Ольга при встрече со мной говорила уже только о своём страшном горе. Называла мальчика убийцей, хотя, по правде говоря, виноват больше всего был сам Пётр, который не разрядив ружья повесил его на стену. Кажется, потом Ольга с Петром переехали в Морж, но какова была судьба их дома, я не знаю.

Дом Арефиных номер 14 строил, конечно, не Иннокентий, до гражданской войны он не успел бы его построить. Скорее всего дом строил отец Кеши Александр. Дом был просторный и до смерти Кости в нём жили Егор с Офимьей и семья Кости с детьми. Когда Анна вышла замуж за Дмитрия, они первое время жили у деда Николая, а дети Анны и Кости оставались у бабки. Впоследствии Дмитрий с Анной и всеми детьми перебрался в Рязаново, где получил квартиру в щитовом доме. Видимо, после смерти Офимьи дом номер 14 сломали на дрова.

В этом доме жила семья Семёна Михайловича Арефина(1890) и его жены Ксеньи Ивановны(1896). У Семёна с Ксеньей было пятеро дочерей. Хорошо я помню только Ксенью Ивановну и младшую дочь Клавдию. Ксенья работала почтальоном. Каждый день она с сумкой на плече ходила за почтой в Усть-Морж, пять километров. Если нам приходило письмо, обычно от моего старшего брата, жившего тогда в Архангельске, Ксенья заходила в избу и иногда задерживалась у нас, пила чай, разговаривала с моей матерью. Она относилась к тому типу людей, у которых очень белая кожа, белые волосы, ресницы, таких людей обычно называют дебелими. По этой причине у ней было и прозвище Ксенья Белая. Такими же белыми были у ней и все дочери.

Дочь Клавдия была подругой моей сестры Лизы и тоже часто бывала у нас в гостях. Она имела спокойный характер, держалась всегда уверенно, обо всём имела своё собственное суждение. Ко мне относилась, как к несмышлёному мальцу и потому мне не нравилась. Я не могу вспомнить, чтобы она бывала на гуляньях в клубе, пела и плясала, как это обычно делали большинство деревенских девушек.

Бывал я и в доме Ксеньи, когда они жили уже только вдвоём с Клавдией. Дом был просторным и ухоженным, всегда на подоконниках стояло множество разных цветов. Все дочери, включая младшую Клавдию, впоследствии разъехались кто куда и Ксенья доживала свой век одна — обычная судьба большинства деревенских женщин той поры. Что стало с их домом после смерти Ксеньи мне неизвестно.

Сзади дома номер 3 была подызбица. Она хотя и была как обычно низкой, но довольно просторной, вполне соответствовала типичному пятистенку. Жила в этой подызбице одинокая старушка Пелагея Андреевна Арефина(1887). Я помню, что близкой роднёй Ксенье Ивановне она не была, и я до сих пор не знаю, почему они жили в одном доме. Возможно, что когда-то семья Пелагеи каким-то способом приобрела эту подызбицу у Семёна Михайловича. Не знаю я также, почему у Пелагеи не было семьи.

У нашей семьи с Пелагеей Андреевной, как и с Кениными были какие-то особые отношения. Ранее я уже писал, что в деревне не принято было называть старших с прибавлением слов дядя или тётя. Но эту старушку наша мать, а за ней и все в нашей семье всегда называли тётя Поля, и никак иначе. Помню, что я как-то спрашивал у матери, приходится ли тётя Поля нам роднёй. Мать мне сказала, что

нет, не приходится, но что тётя Поля очень любила нашего отца. Что за отношения были у тёти Поли с моим отцом Виктором, я так и не узнал.

Много раз я бывал в доме у тёти Поли. Возле её дома проходила дорога в верховья Усолки и по ней мы часто ходили в лес за морошкой или за клюквой на болото Малое Еремеево. Почти всегда по пути заходили к Поле. Обычно она ставила самовар и угощала, чем только могла. Сама тётя Поля хорошо знала лес и всегда ходила за ягодами или грибами в одиночестве. Одну кулигу на болоте даже все называли Полина рада, видимо, это была её «едома», как называли в Усолье заветные места в лесу. Часто ходила она и к нам в гости. Почти всегда приносила для детей гостинцы. Обычно это были сдобные калачи или колобки из ячменной муки, в Усолье их называли словом моложные. Они довольно вкусные, только как-то трудно проглатываются, а потому есть их надо не спеша, откусывая маленькие кусочки и хорошо пережёвывая.

Тётя Поля умерла, когда я уже был студентом. Это случилось летом и я был в деревне на каникулах. На похоронах на кладбище было много усол, видимо старушка никому в жизни не сделала зла и была всеми уважаема. Был даже Артём Михайлович Карельский, которого в деревне тогда считали большим начальником. Он почти каждое лето приезжал в отпуск и жил у своей сестры Офимьи Шипичиной в соседнем с Полиным домом. К сожалению, на могиле некому было поставить крест, просто воткнули кол, а на затёске карандашом написали имя и дату смерти. Когда через несколько лет мне снова удалось побывать на кладбище, кол не сохранился и могилку тёти Поли уже было невозможно отыскать.

Я всегда с благодарностью вспоминаю тётю Полю, чужая в общем-то старушка была для нас лучше иной самой близкой родни.

Кроме перечисленных здесь, на Горке было ещё несколько семей Арефиных. Про некоторых я кое-что знаю, в частности, про семью Григория Михайловича Арефина(1885) с женой Апполинарьей Абрамовной(1893). Эта семья была в родстве с Елсуковыми из Крученово. Но все потомки Григория Михайловича перебрались в Архангельск ещё до войны и лично я их не знал, видал правда только Апполинарию и её дочь Надежду Григорьевну, когда они приезжали в Усолье на пару дней. У этой Надежды была очень интересная судьба, но слышал я об этой истории только от других, а потому не буду здесь

излагать её с чужих слов. Не знаю также, где располагалась на Горке усадьба этой семьи.

Шипицыны

Вообще-то правильно было бы писать эту фамилию, как Шипичины, поскольку очевидно, что происходит она от угро-финского слова шипича. Но в Усолье, как я уже отмечал ранее, звуки «ч» и «ц» произносили одинаково, как нечто среднее между ними, поэтому в документах и стали писать букву «ц» в этой фамилии. На моей памяти Шипицыных на Горке было всего только две семьи.

Дом номер 5

Хозяином этого дома был Иван Михайлович Шипицын(1904). Иван был женат на Офимье Михайловне(1908) дочери Александры Карельской из Бухреков. Ранее я писал об этой Александре по прозвищу Олексаха, все её дети, включая Офимью имели соответственно прозвище Олексахины. Иван погиб на фронте и Офимья одна воспитывала сыновей: Леонида, Клавдия и Николая, и дочь Лидию, которых поэтому часто тоже называли Олексахиными. Уже после войны у Офимьи была ещё внебрачная дочь Антонида.

Лучше других детей Офимьи я знал Лидию, мою ровесницу и одноклассницу. Ещё до школы Лида часто ходила к нам в гости и я помню, как мы клали полатницу (доску из полатей) одним концом на кровать и скатывались по ней как с горки. Почему она ходила к нам из другой деревни я теперь не знаю, но помню, как Офимья говорила, что Лида моя будущая невеста. Я обижался на эти её слова, так как Лида мне не очень нравилась, хотя на самом деле она была хорошей, общительной девочкой.

Как моя мать в Заречье, так Офимья Шипицына на Горке были основными работниками в колхозе на самых трудных, мужских работах, таких, как пахота, сенокос косой горбушей, работа на лесоповале зимой. Офимья имела отличное здоровье и весёлый лёгкий характер, была душой любой компании, любила выпить, спеть и поплясать. Сыновья Офимьи постепенно перебрались в Рязаново и работали в леспромхозе, а дочерей Лиду и Тоню каким-то ветром занесло в Тольятти, где они работали на автомобильном заводе.

Позже Офимья тоже перебралась к младшему сыну Николаю в Рязаново и дом некоторое время стоял пустой. Как-то приехав в отпуск я встретил Офимью. Она сильно постарела и со слезами жаловалась мне, что подростки забрались в дом, всё ободрали, а в самовар стреляли дробью из ружья. Впоследствии Николай перевёз дом в Рязаново. Дом был довольно большим, но уже далеко не новым, строил его ещё отец Ивана Шипицына.

Возле самого крыльца дома Шипицыных был единственный в Усолье колодец с «журавлём». Колодец был очень глубоким, так что «журавель» этот возвышался намного выше всех домов. Если в Заречье и в Бухреках питьевую воду брали всегда из Усолки, а из колодцев только для мытья полов или для скотины, то Горка вся пользовалась колодцем возле дома Шипицыных. До Усолки для жителей Горки было далековато да и угор там был очень высоким и крутым. Если кому-то во время гулянья в клубе захотелось пить, то он всегда шёл к колодцу, зачерпывал воду деревянной бадьёй и пил сколько хотел. Я тоже неоднократно пил из этого колодца, но по сравнению с водой из Усолки эта вода казалась невкусной и была очень холодной.

Дом номер 6

Этот дом принадлежал брату Ивана Шипицына Тимофею Михайловичу Шипицыну(1893). Жену Тимофея звали Пелагея Григорьевна(1895). Тимофей погиб на фронте, семья получила похоронку в 1943 году. У Тимофея с Пелагеей было четверо детей, хорошо знал я только младшего сына Геннадия, который был лет на пять старше меня и учился в одном классе с моей сестрой Лидией. С одной из дочерей Шипицыных, кажется Евгенией, произошёл трагический случай. После боевых действий во время гражданской войны в деревне оставалось много патронов и других боеприпасов, которые часто находили в разных местах. Братья Евгении однажды нашли такие боеприпасы и стали, как это часто бывает с подростками, баловаться с ними. Произошёл взрыв при котором пострадала одна только Евгения, просто стоявшая рядом. Девочка потеряла зрение. Я бывал несколько раз в доме Шипицыных, но почему-то ни разу не видел слепую. Не знаю уходила ли она в другую комнату или уже была где-то в инвалидном доме. Почему-то я совсем

не помню и жену Тимофея Пелагею, хотя, естественно, много раз видел её. Видимо, она была скромной и незаметной, никак не выделялась среди других на праздниках, никогда не ходила в клуб и так далее.

Геннадий был один из немногих усольских парней, которые не перешли в леспромхоз, а всю жизнь работали в колхозе. Когда в деревне уже оставалось совсем мало жителей Геннадий с двумя-тремя сверстниками всё ещё пытались сохранить колхоз и, видимо, всё ещё не теряли надежды на его возрождение. Однако, в конце концов пришлось и им переезжать в центральную усадьбу, находившуюся в Морже. Туда и перевёз Геннадий свой дом. Дом этот построил отец Геннадия Тимофей, когда после женитьбы отделился от родителей. До постройки дома семья Тимофея жила в родительском доме вместе с семьёй Ивана. Дом был расположен на задворках родовой усадьбы Шипицыных. Был он довольно большим, рассчитанным на большую семью.

Дом номер 17

Дом принадлежал Николаю Тимофеевичу Шипицыну(1870). По каким-то причинам ещё до войны в доме уже никого не было, кроме дочери Николая Пелагеи Ниолаевны(1910). Только одну её я и запомнил.

Пелагея была замужем за Михаилом Николаевичем Рудным из Заречья, о котором говорилось ранее. После женитьбы Михаил стал жить в доме Шипицыных (пошёл в примаки). Во время войны Пелагея Жила с детьми в этом доме, туда же вернулся с войны и Михаил. Однако, через некоторое время семья Михаила переехала в другой дом, теперь я забыл, в какой именно. Что было причиной этого переезда, я не знаю, но дом вскоре после этого снесли. Я помню, как дом разбирали, но перевезли ли его куда-то или пустили на дрова, не знаю.

Дом номер 2

До ликвидации церкви этот дом принадлежал усольскому попу. Впоследствии дом переоборудовали под магазин-сельпо. Столярные работы в магазине выполнил мой отец Виктор, он же и налаживал

торговлю, окончив какие-то курсы. Магазин существовал до самой ликвидации деревни.

Дом номер 21

Не знаю, кому принадлежал этот дом. Довольно долго он стоял нежилым, но после того, как школу перевели из Кривца в дом Шляка (22), в котором до этого долгие годы располагался клуб, сам клуб перевели в дом 21. Кажется, что дом это был очень старым. Срублен из толстенных брёвен, очень низкий и с маленькими окнами. В избе была потолочная балка (матица) круглая и невероятно толстая. Высокий человек мог по неосторожности удариться о матицу головой. Помню, что как раз в это время в деревню был прислан какой-то посторонний парень на должность заведующего избой-читальней. К сожалению, забыл его имя. Был он очень оригинальным, я бы сказал даже немного странным, в частности писал стихи и рассуждал на разные темы, не очень понятные деревенским подросткам. Когда я впоследствии узнал, что поэт Иосиф Бродский был сослан в Архангельскую область, я даже подумал было, что он и был тем нашим заведующим клубом. Однако, оказалось, что Бродский в нашем районе не бывал.

В конце концов клуб перевели в дом Моревых (13), а дом 21 сломали на дрова.

Дом номер 7

На самом деле на моей памяти это уже был собственно не дом, а сарай, в который переделали дом, пропилив в фасадной стене широкие ворота. Сарай был приспособлен для противопожарного пункта Там был обычный стенд с вёдрами, лопатами и багром и стояла ручная помпа, какие тогда были в каждой деревне. Нам нравилось зайти в пожарную и покачать насос вхолостую. Помню, что на углах всех домов в деревне были прибиты дощечки, на которых было нарисовано, что надо хватать хозяину дома, когда придётся, не дай бог, бежать на пожар. В частности, на нашем доме была табличка с изображением багра. И на самом деле, багор у нас всегда стоял в углу на повети.

Дом номер 9

Также не знаю, что за семья жила когда-то в этом доме. Он долго стоял пустым, но одно время, когда в Усолье был лесопункт, в доме разметили столовую для рабочих. Столярные работы выполнил мой брат Клавдий, а заведовала столовой, а заодно и выполняла работу повара, жена Клавдия Серафима. Лесопункт просуществовал очень недолго, потом его перевели в Рязаново, туда же переехал и мой брат с семьёй, столовую закрыли.

На моей схеме ещё остались дома 9, 15, 16, про которые мне вообще нечего сказать. Не может быть, что все они во время моего детства были уже нежилыми, видимо, просто память моя ничего не сохранила об обитателях этих домов. Ясно только, что в них жили какие-то представители всё тех же Арефиных, Моревых, Шипицыных или Петровых.

Лёхово

На рисунке 10 показана схема расположения домов в деревне Лёхово. Можно считать, что показанные на схеме дома соответствуют состоянию деревни в пятидесятые годы. Скорее всего в прошлом деревня Лёхово была значительно больше на что указывали сохранившиеся во время моего детства остатки фундаментов ещё нескольких домов и каких-то других строений. Впрочем, вряд ли в Лёхово было больше десятка домов даже в самые лучшие для неё годы.

Название деревни вероятно происходит от слова лёкин, что в переводе с языка коми означает чаща или лесные дебри. Древнее название может говорить о том, что аборигены жили здесь ещё до прихода русских. Но может быть и так, что старое название сохранила во многом примечательная местность, где потом, уже в поздние времена, кто-то поселился. Место расположения деревни благоприятно в том отношении, что она расположена на высоком берегу между речкой Усолка и её притоком Шидровка. По берегам обеих рек были заливные луга, а на широком мысу достаточно места для пашни. Рядом великолепный лес, представленный в основном сосной и елью. Видимо, вначале образовался хутор по инициативе кого-нибудь из жителей Заречья, таких «первопроходцев»

всегда было достаточно. В дальнейшем деревню заселяли потомки этого хуторянина и в результате на Лёхово жили одни только Абрамовы. Есть сведения, что какое-то время там проживали ещё представители рода Петровых, видимо подселившиеся к Абрамовым позже. По какой-то причине лёховский род Петровых прекратился и только в деревне Горка сохранились их потомки.

Не так много сохранилось в моей памяти сведений о жителях Лёхово, хотя саму деревню я знал достаточно хорошо — через неё мы ежедневно бегали в школу, расположенную в Кривце. Приведу здесь то, что помню, перебирая дома по-порядку.

<https://pessim50.ucoz.ru/ljokhovo.png>

Рис.10 Схема расположения домов в деревне Лёхово

Итак, дом номер 1.

В этом доме жила семья Григория Васильевича Абрамова(1901), жена Ольга Николаевна(1900). В семье было много детей, но хорошо знал я только сына Николая(1927) и немного помню дочь Раису(1930). Почему-то совершенно не помню остальных, даже и детей, родившихся после Раисы. В школьные годы Николай считался «ухажёром» моей старшей сестры Лизы. Я помню, что он часто бывал в клубе на Горке, играл на гармошке.

Как обычно, дети Григория подрастая уезжали из деревни, а потом и сам Григорий с женой уехал в Архангельск. Уже в то время, как я ходил в школу в Кривце, дом стоял пустой и только летом из города приезжали Григорий с Ольгой и некоторые из детей. Но позже, когда я уже жил в городе, в Лёхово вернулся из Архангельска Николай со своей семьёй и дом снова стал жилым. Можно считать, что такой поступок Николая является необычным, я бы даже сказал исключительным, поскольку практически никто из города в деревню никогда не возвращался. Позже дети Николая объясняли его поступок тем, что он очень любил деревенскую жизнь и очень хотел, чтобы само Усолёе не прекратило своё существование. Тем не менее, работать в колхозе он не пожелал, поступил в леспромхоз и ходил ежедневно на работу в Хетово за пять километров. Впоследствии Николай перевёз в Хетово и дом.

Поскольку Григорий был младшим в семье Василия, то можно предположить, что Григорий унаследовал родительский дом. Дом был среднего размера по усольским меркам и по внешнему виду не казался старым. Возможно, что дом уже позже был перестроен.

Николай был страстным охотником и рыбаком, впрочем, как и почти все лёховские мужики, каких я помню. Практически каждое лето Николай уходил в верховья Усолки в район речки Лаповка и жил там неделями занимаясь рыбалкой, охотой, заготовкой грибов. Я сам видел мостки через овраги, ручьи и топкие места на болотах, построенные Николаем на пути из Усоля к Лаповке. У меня есть племянник Саша, который часто со своим товарищем ходили на Усолку за харюзами. Однажды они пришли на Лаповку, когда и Николай был там. Естественно, что вначале он проявил недовольство тем, что в избушку надо пускать для ночлега городских рыбаков, которых, кстати, теперь можно увидеть везде и всюду. Но когда позже из разговора он узнал, что Саша сын Лизы Уваровой, он обрадовался, стал очень приветлив. Рыба тогда ловилась плохо, но зато было полным-полно груздей в лесу. Николай смастерил для Саши с другом по берестяному кузовку, чтобы они смогли увезти в город грибов. Я помню, что подобные кузовки на скорую руку умели делать многие мужики в Усолье.

Дом номер 2

В этом доме жила семья Александра Васильевича Абрамова(1890), брата Григория Васильевича. Жена Александра Анастасия Яковлевна(1891). В семье было шестеро детей, помню я только младшего сына Валентина(1932).

Дом номер 2 был небольшим, приземистым и казался старше родительского дома Александра. Видимо Александр, отделившись от родителей, не строил нового дома, а поселился в доме, принадлежавшем ранее какому-то другому Абрамову. Александр, конечно, тоже был охотником и рыбаком. Похоже, что он рыбачил на Больших озёрах больше и чаще любого другого жителя Усоля, так как имел на озере Неленгском свою собственную рыбацкую избу. В любое время года Александр мог жить в этой избе неделями. В итоге с ним приключилась трагедия — он погиб на рыбалке вскоре после войны. Александр не появился в деревне в назначенное время,

пришлось идти на озёра спасателям, которые обнаружили мёртвого рыбака в лодке. Покойника не стали перевозить на деревенское кладбище, а похоронили возле его избышки. Мне тогда было лет 7-8 и я помню, как в деревне долго обсуждали это событие, сокрушались о несчастной жене Александра Анастасии, и о сиротевших детях. Мне запомнилось, что причину смерти Александра так и не установили. Когда я через много лет побывал на Неленгском, я видел и избу и могилу, расположенные на красивом мысу в сосновом лесу. Могила была ухожена, на ней стоял новый крест, видимо сын Валентин заботился о могиле отца.

Валентина я запомнил, как спокойного, рассудительного человека. Хотя я был моложе его лет на восемь, при встрече со мной он всегда подходил, разговаривал, как с равным. Он также очень любил охоту и рыбалку. Когда мы с Рудным Михаилом шли на озёра, то останавливались для отдыха на Пилтозере в избе, построенной Валентином. Сам Валентин в это время заготавливал сено для привады лосей на Усолке, неподалёку от избышки. Мы проверили сетку, поставленную Валькой, достали из неё щуку, сварили уху. Когда Валя пришёл, выпили водки, поели ухи, немного отдохнули в избе и пошли дальше к озеру Долгое.

В последние годы существования деревни клуб располагался на конце Горки в доме Моревых, а заведующей клубом была Ольга Арефина из дома по-соседству. Почти каждый день мы проводили вечера в клубе. Всегда приходил и Валентин. Но он никогда не участвовал ни в танцах, ни в играх и даже не принимал участие в наших разговорах, а обычно сидел в сенях или стоял на крыльце, много курил. Мы знали, что он приходил ради Ольги. Когда мы расходились, Валентин и Ольга оставались вдвоём, видимо он провожал её до дома, хотя дом-то располагался метрах в тридцати от клуба. Позже, когда я уже не жил в Усолке, я узнал, что Валентин женился на Ольге. Родительский дом Валентин перевёз в Хетово. Работал в леспромхозе на самое тяжёлой работе - вальщиком, был на хорошем счету.

По выходе на пенсию, Валя решил вернуться на Лёхово. На родном пепелище он начал строить дом, завёл скотину, собрал и привёл в порядок брошенные колхозные косилку, грабилку, плуг. Видимо Валентин рассчитывал, что его начинание продолжит сын, что возможно найдётся ещё кто-нибудь, кто захочет жить на родине и

деревня Лёхово возродиться. Однако, все его надежды не оправдались. Единственный сын трагически погиб, у жены Ольги стало ухудшаться здоровье. Надо полагать, что вследствие всех этих несчастий заболел и вскоре умер и сам Валентин. Недостроенный дом кому-то продали, его разобрали и также куда-то перевезли. Не так долго после смерти Валентина прожила и Ольга, старый дом их опустел и я не знаю, что с ним стало впоследствии. Посёлок Хетово теперь также стремительно вымирает, как и Усолье до этого. Когда я был последний раз там, уже все дома на улице, на которой жил мой брат, стояли не жилыми. Только в некоторые ещё летом приезжали на отдых от городской жизни потомки бывших владельцев.

Дом номер 3

Этот дом принадлежал третьему сыну Василия Абрамова — Фёдору Васильевичу Абрамову(1883). Жена Фёдора Вера Степановна(1883).

В семье было три сына и дочь. Два сына погибли на фронте, третий сын и дочь на моей памяти не жили на Лёхово. Что случилось с самим Фёдором, я не знаю. Возможно, что его репрессировали при коллективизации, куда-то сослали и он пропал бесследно. В доме оставалась одна Вера Степановна. Но и она обычно на зиму уезжала к сыну, а возвращалась домой только на лето.

Хозяйство Фёдора было одним из самых богатых в Усолье — большой двухэтажный дом, мельница на Усолке, гумно под крышей, много скота и пашни. Вера Степановна до самой своей смерти дружила с моей бабушкой Ксеньей. Я не знаю истоков этой дружбы, но наша Ксенья часто ходила в гости к Верке, как она её называла, и проводила там целые дни. Раза два я бывал в доме Веры. Помню, что мы пили чай из очень красивого самовара, а таких чашек и блюдцев, как у Веры, я нигде больше не видал. Также меня поразили стоявший у стенки шкаф-буфет, весь застеклённый и украшенный затейливой резьбой. Сама Вера Степановна была женщиной степенной, имела хотя уже и седые, но очень длинные и густые волосы, уложенные в тугий узел. Со мной она практически не разговаривала. Почему-то я не помню ни одного случая, чтобы Вера приходила в гости в наш дом.

У нас в семье часто вспоминали один случай, над которым обычно смеялись. Ксенья, Вера, и может быть ещё какая-то гостья, любили

поиграть в карты. Играли обычно «в дурака». Однажды, во время такой игры случился пожар в бане Веры, расположенный у речки Шидровки. Видимо перед этим баню недавно топили. Когда жители прибежали на пожар, они увидели, что игроки так увлеклись, что просто наплевали на пожар и продолжали своего «дурака». На крики жителей Вера ответила - «пусть горит к чёртовой матери».

Вера умерла раньше моей бабушки, помню, как Ксения сокрушалась, получив эту весть. Умерла и похоронена Вера там, где жил её сын, где именно, я не знаю. Двухэтажный дом после продажи был перевезён в Хетово, кажется он там был переделан в одноэтажный.

Дом номер 4

Дом принадлежал Илье Андреевичу Абрамову(1857). Илья был женат дважды. Первую жену звали Стефанида Михайловна(1864), вторую — Ульяна Афанасьевна(1881). Я не знаю степени родства Ильи с Абрамовыми, о которых я писал выше, хотя ясно, что все они из одного рода.

У Ильи Андреевича была огромная семья. Всего от двух жён у него было больше десятка детей, сыновей и дочерей. Большим и богатым было и хозяйство Ильи. Дом 4 стоял несколько в стороне от остальных, а фасад его был ориентирован на восток в сторону леса. Дом был большим, двухэтажным и, как я помню, очень длинным, видимо, к нему примыкал большой двор и хлев.

Трагические события в истории страны в первой половине 20 века привели к полному разорению большой и богатой семьи. Илья умер ещё до войны, умерли, погибли на фронте или куда-то уехали все дети. На моей памяти в доме жила только одна Ульяна в полном одиночестве. В деревне обычно называли её по прозвищу Илеина.

Илеину знали в деревне, как лекаря. Она знала целебные травы, умела делать массаж (парить по усольски) и к ней часто обращались жители за помощью в случае болезни. Внешность её была оригинальной: сухая, согбенная старуха, беззубая, с такой сильно выдававшейся вперёд челюстью, как это обычно бывает на изображениях ведьм. Будучи уже очень старой, она не имела никаких источников существования и жила очень плохо. Видимо, от безысходности, она однажды нарвала немного колосьев жита на колхозном поле. Кто-то написал кляузу, старуху судили и

приговорили на два года. Я помню, как она после освобождения приходила к моей бабке Ксенье и они долго беседовали. Иленина жаловалась на свою несчастную судьбу, и беспрестанно плакала.

Я не помню, когда она умерла, но дом её куда-то исчез со своего места ещё задолго до того, как началось массовое переселение усол в Хетово.

Дом номер 5

Я ничего не знаю о жителях этого дома. На моей памяти он всегда стоял пустым. Только на короткое в нем поселился какой-то мужик, которого мои сверстники называли «Саша — пшеничная ж...». Откуда он приехал, где работал и куда делся впоследствии я не знаю. Очень часто «ничейные» дома в деревне стояли полуразрушенными дольше, чем дома с хозяевами. Так было и с этим домом. В один из моих приездов в деревню я увидел, что в Лёхово стоит ещё на месте только один этот дом. Я подошёл к нему и внимательно осмотрел. Были ещё остатки крыши, но не было ни рам, ни дверей. Тем не менее, сруб был ещё очень крепким; брёвна отсвечивали желтоватой смолой, свежим казался мох в пазах, нигде не было признаков плесени и гнили. Видно было, что когда-то очень умелый плотник срубил этот дом со всем старанием и любовью. Когда я вижу брошенные дома, у меня всегда возникает чувство какой-то тоски и обиды — мне становится обидно за дом подобно тому, как бывает обидно за напрасно униженного и оболганного человека. Кажется непостижимым, как можно бросать прекрасные дома в деревне для того, чтобы жить в городском муравейнике, очень часто в плохих, неблагоустроенных квартирах, в грязи и тесноте.

Вместо эпилога

Теперь, когда мне уже так много лет, кажется, что лучшим периодом жизни были детство и юность в родной деревне. И это не только банальная ностальгия о прошедшей молодости. Со временем я пришёл к убеждению, что жизнь может быть полноценной только в том случае, когда человек ощущает себя частью природы, живёт с ней в гармонии и согласии. Такая жизнь возможна, конечно, только в деревне. А технический прогресс, глобализация, технологии,

мегаполисы, поп-культура и всё подобное становятся всё больше похожи на какое-то всеобщее сумасшествие и, скорее всего, являются дорогой в никуда.

Но тогда, 65 лет назад, в тяжёлую послевоенную пору для нас, деревенских детей, всё представлялось совершенно иначе. Приобщение к «благам цивилизации» тогда было главной мечтой. Приведу один пример. Это был обычный день, но почему-то мне он особенно запомнился. Была поздняя осень, конец октября или даже ноябрь, земля уже была покрыта тонким слоем снега. Выполнив какое-то школьное домашнее задание, я решил выйти из жарко натопленной избы на улицу. Ещё только едва заметно начало смеркаться. От нечего делать, машинально, пошёл по краю угора на Усыпь - любимое место наших игр и развлечений в летнее время. А теперь большинство моих летних друзей, которые только на каникулах приезжали к своим деревенским бабушкам, давно уже уехали в город. В деревне осталось всего лишь пять-шесть моих сверстников, с которыми мне предстояло завтра утром идти за десять километров в школу в Морже с тем, чтобы успеть к началу уроков в девять часов. Потом мы должны были жить всю неделю в интернате, питаясь только тем, что принесём с собой в своих котомках. Сейчас мои одноклассники сидели по домам, даже и не помышляя о каких-то прогулках.

Передо мной, как на ладони, лежала наша деревушка — ряд серых, почти чёрных домов. Многие из них уже скривились и, как говорится, начали вращаться в землю. Лишь у двух-трёх домов слабо белели крашенные рамы, в остальных домах окна не различались на фоне чёрных стен. Только в доме медички Ани тускло светило окно от керосиновой лампы, видимо она что-то делала в своём убогом фельдшерском пункте. Некоторые дома уже были нежилыми, в других были одинокие старухи и только в нескольких были ещё полноценные семьи, правда и то чаще без отцов, которые погибли на войне.

Вид деревни и мои размышления о своей судьбе нагнали на меня тяжёлую тоску. Жизнь казалась беспросветной. В то время я уже прекрасно знал, что существует совсем другой мир. Его нам показывали в кино, рассказывали на уроках, да я и сам уже видел другую жизнь, когда однажды был в городе в гостях у тётки Анны. Страстно хотелось туда, где электричество, трамваи, театры и

кинотеатры, рестораны, киоски с мороженым, большие светлые школы, многоэтажные дома, телефон и водопровод, музыка в городском парке, толпы нарядных людей и так далее. Была полная уверенность, что кончив школу я приложу все усилия, чтобы уехать туда из нашей глухомани с её проклятой судьбой. Из деревни уходила тогда вся молодёжь, если уж не в город, то хотя бы в леспромхозовский посёлок Хетово. На всю деревню было всего два-три подростка, которые бросили учёбу в школе и остались работать в колхозе. Мне, да и большинству моих сверстников, они казались полными дураками.

Уже тогда деревня стремительно пустела и было ясно, что дни её сочтены. Правда, мы как-то не задумывались об этом. Иногда среди старших людей возникали разговоры на эту тему, но обычно сходились на том, что не может быть, чтобы деревню все бросили. Казалось, что вокруг стоят бескрайние леса, которые только ещё начинали рубить в массовом порядке. Уверяли себя, что ещё придут люди, которые организуют здесь производство, начнут что-то строить. Были даже планы построить на Усолке малую гидростанцию и уже проводились изыскательские работы. Если бы кто-нибудь сказал, что не пройдёт и пятидесяти лет, как все эти бескрайние леса будут полностью уничтожены, над ним просто посмеялись бы.

Про себя я решил, что как бы не было трудно, закончу школу и уеду в город, обучусь на инженера, буду приезжать сюда в отпуск, а те, кто тут остался будут завидовать мне. Только одни эти мечты и давали силы учиться, жить в этом проклятом интернате. Я тогда ещё не знал, что дальше придётся учиться в средней школе в Березнике и это будет ещё намного труднее. Да и учёба в институте оказалась совсем не такой уж счастливой и беззаботной, жить приходилось на одну стипендию, подрабатывая иногда где придётся. Теперь-то понятно, что если бы я остался в деревне, всю жизнь считал бы себя неудачником, необразованным дураком, и завидовал бы тем, кто в городе наслаждается всеми благами цивилизации. Так бы наверное и не понял истинную цену всех этих городских «благ», будь они неладны.

Могла ли наша деревня продолжать своё существование, будь на то воля её жителей? Мне кажется, что нет, не могла. По-видимому, перспективы для деревни исчезли уже тогда, когда соляной источник утратил своё значение. Во всех других отношениях, Усолье

проигрывает по своим природным данным тем соседним деревням, которые расположены на берегу Северной Двины и на почтовом тракте. А поскольку теперь уже и все окрестные деревни тоже исчезли или выродились в некое подобие дачных посёлков, то вполне естественно, что Усолье, как, кстати, и Целезеро тоже, ликвидировалось в первую очередь.

В принципе в нынешнее время на усольских угодьях могли бы существовать два-три животноводческие фермерские хозяйства, но кто этим будет заниматься, когда и в соседних-то деревнях пустуют намного более удобные пахотные и сенокосные земли. К тому же до деревни надо тянуть дорогу 5 км и подводить электричество.

Был, правда, один фактор в пользу возможности существования деревни. Когда-то Усолье окружали прекрасные бескрайние леса. По справедливости эти леса должны бы принадлежать жителям деревни, как это практикуется во многих странах. К сожалению, лес был бездарно уничтожен государственным леспромхозом. Новый лес на рубках сплошным методом растёт плохо, может быть только лет через двести можно будет снова заниматься лесозаготовками, да и то ещё это совсем не очевидно. Но если бы лес принадлежал жителям деревни, можно было бы организовать разумное производство по его заготовке и переработке, эксплуатировать лес аккуратно, заниматься лесовосстановлением на вырубках и обеспечить непрерывное лесопользование неограниченное время. Вот тогда деревня могла бы существовать и развиваться и дальше. Но, в наших условиях это была очевидная утопия.

Усолье было ликвидировано в шестидесятых годах. Сейчас осталось уже совсем мало людей, родившихся и выросших в Усолье, тех, которые ещё помнят о жизни в деревне. Пройдёт совсем немного времени и эти люди исчезнут, унеся с собой последние осколки того прекрасного мира, который был когда-то нашей малой родиной. Даже и в том случае, если когда-нибудь люди снова захотят вернуться к полноценной жизни и начнётся обратный поток населения из городов в деревни, мало вероятно, что Усолье возродится. К тому времени территория деревни успеет зарости лесом, всё поглотит тайга. Да и вряд ли когда-то люди захотят покинуть вонючие города чтобы снова заняться благодатным сельским трудом на своей родной земле.

Первоначально я планировал написать и о четвёртой деревне Усоля — Кривце, но поразмыслив, пришёл к выводу, что моя память сохранила немного сведений о её жителях. Так что я решил на этом закончить мою повесть. Заранее прошу меня извинить, если кто-то обнаружит, что в моём рассказе допущены ошибки в рассказе о его родне, или даже кому-то покажется обидным, например, что я привожу прозвища его предков, которые сами эти предки посчитали бы обидными. Не стоит обижаться, ведь всё это уже в далёком прошлом, и «из песни слова не выкинешь».